

ISSN 2587-6953

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEORHIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2019

ТОМ 5

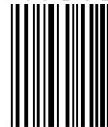
№ 18

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

19018 >

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33)

Главный редактор
д. филол. н., проф. А.С. Щербак
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор
д. филол. н., д. ист. н. А.А. Бурыкин
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Ответственный секретарь
И.В. Ильина (г. Тамбов, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:
д. филол. н., проф. К.М. Абишева
(г. Нур-Султан, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Р. Гольдт
(г. Майнц, Федеративная Республика Германия)
д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Е.Г. Задворная
(г. Минск, Республика Беларусь)
д. философии, доц. Дж. Куртис
(г. Оксфорд, Великобритания)
д. филол. н., доц. О.Н. Новикова
(г. Уфа, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Полякова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Н.Л. Потанина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Л.А. Пронина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Рацибурская
(г. Н. Новгород, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг
(г. Пенза, Российская Федерация)
к. филол. н. Цявель Сунь
(г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика)
д. филол. н., проф. В.И. Супрун
(г. Волгоград, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Республика Казахстан)
д. филол. н., доц. А.Б. Туманова
(г. Алматы, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. В.К. Харченко
(г. Белгород, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77-70137
от 16.06.2017 г.

Подписной индекс 80303 в каталоге
АО Агентства «Роспечать»

© ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина», 2019
© Журнал «Неофилология», 2019

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

НЕОФИЛОЛОГИЯ

**2019
Т. 5, № 18**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С МАРТА 2015 Г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (распоряжение Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р), по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки); 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки); 10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки); 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 111

**РУССКИЙ ЯЗЫК. СВЕТОЙ ПАМЯТИ
В.Г. РУДЕЛЁВА** 113

Шарандин А.Л. Роль профессора В.Г. Руделёва в создании и развитии Тамбовской лингвистической школы 118

Знобищева М.И. Памяти В.Г. Руделёва 129

Бирюков С.Е. Светлой памяти Владимира Георгиевича Руделёва 130

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Туманова А.Б., Павлова Т.В., Зуева Н.Ю. Категория времени в современной науке: анализ и интерпретация 131

Спирчагов С.Ю. Метафора в терминосистеме банковского дела 139

Адрес редакции:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33
Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440
Эл. почта: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru
Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-about.html> (на русском языке); <http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html> (на английском языке)

Редакторы:

Т. А. Сусина, М. И. Филатова
Редакторы английских текстов:
В. В. Ключихин, С. Ю. Можаров
Компьютерное макетирование
Т. Ю. Молчановой
Дизайн обложки
Т. О. Прокофьевой

Подписано в печать 24.06.2019
Выход в свет 05.07.2019
Формат А4 (60×84 1/8)
Гарнитура «Times New Roman»
Печать на ризографе
Печ. л. 19,0
Усл. печ. л. 17,67
Тираж 1000 экз.
Заказ № 19174
Цена свободная

Адрес издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г. Р. Державина»

Отпечатано с готового оригинал-макета
в отделе оперативной печати
Издательского дома «Державинский»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина».
392008, Тамбовская обл.,
г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.
Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

Для цитирования:

Неофилология. 2019. Т. 5, № 18. 152 с.
ISSN 2587-6953
DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18

ОНОМАСТИКА

- Скуридина С.А.** Врачи-иностранцы в произведениях
Ф.М. Достоевского: ономастический аспект 150
Ду Чуньян. Паремии «*волчье солнце*» и «*солнце волков*» 156

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Цявень Сунь.** Развитие русского сравнительного литера-
туроведения: идеи А.Н. Веселовского и В.М. Жирмунского 162
Щербакова В.А. Жанровая специфика повести В. Ас-
тафьева «Перевал» 170
Бактыбаева А.Т. Способы выражения иронии и ее
виды в современной русскоязычной поэзии Казахстана
(на примере творчества Д. Накипова) 178

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Сорокина Н.В.** «Тамбовские» страницы в жизни и
творчестве А.И. Солженицына 185
Марков А.В. Интермедийные контексты мотива герба
в лирике Виктора Кривулина 193

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Федорова С.Н., Кирова С.Е.** Имидж региона: на при-
мере Республики Саха (Якутия) 202
Апажихова Н.В., Мурзина О.Б. Историческая динами-
ка вопросов, направленных на рассмотрение социокуль-
турного пространства детства 207

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

- Феодосий (Васнев), митрополит Тамбовский и Рас-
сказовский.** Роль духовной семинарии в общественной
жизни Тамбовской губернии (1867–1884-х гг.) 214

КРУГЛЫЙ СТОЛ

- «Замятинская энциклопедия» в международной дис-
куссии 221

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Derzhavin Tambov State
University" (392000, Tambov Region, Tambov,
33 Internatsionalnaya Street)

Editor-in-Chief

Doctor of Philology, Professor A.S. Shcherbak
(Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor

Doctor of Philology, Doctor of History
A.A. Burykin
(St. Petersburg, Russian Federation)

Executive Editor

I.V. Ilyina (Tambov, Russian Federation)

Editorial Board:

Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva
(Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor N.N. Boldyrev
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor
M.V. Gorbanevskiy
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor R. Goldt
(Mainz, Federal Republic of Germany)
Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva
(Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor E.G. Zadornaya
(Minsk, Republic of Belarus)
Doctor of Philosophy, Associate Professor
J. Curtis (Oxford, Great Britain)
Doctor of Philology, Associate Professor
O.N. Novikova (Ufa, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor N.L. Potanina
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina
(Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg
(Penza, Russian Federation)
Candidate of Philology Jiawen Sun
(Tianjin, People's Republic of China)
Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun
(Volgograd, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina
(Pavlodar, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Associate Professor
A.B. Tumanova (Almaty, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor V.K. Kharchenko
(Belgorod, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin
(Tambov, Russian Federation)

The journal is registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
The mass media registration certificate
ПИИ no. ФС 77-70137 of June 16, 2017

Subscription index in the catalogue of the Stock
company Agency "Rospechat" is 80303

© FSBEI of HE "Derzhavin Tambov
State University", 2019
© The journal "Neophilology", 2019

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

NEOPHILOLOGY

2019 Vol. 5, No. 18

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

PUBLISHED SINCE MARCH 2015
ISSUED 4 TIMES A YEAR

The journal is on the official list of scientific reviewed periodicals recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science (the decree of Ministry of Science and Higher Education of Russia February 12, 2019. № 21-p), on the following fields of science: 10.01.01 – Russian literature (philological sciences); 10.01.08 – Theory of literature. Textology (philological sciences); 10.02.01 – Russian language (philological sciences); 10.02.04 – Germanic languages (philological sciences); 24.00.01 – Theory and history of culture (culturology)

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE. IN LOVING MEMORY

OF V.G. RUDELEV 113

Sharandin A.L. Role of professor V.G. Rudelev in the Tambov Linguistic School formation and development 118

Znobishcheva M.I. In memory of V.G. Rudelev 129

Biryukov S.E. In loving memory of Vladimir Georgievich Rudelev 130

LANGUAGE STUDIES

Tumanova A.B., Pavlova T.V., Zuyeva N.Y. The category of time in modern science: analysis and interpretation 131

Spirchagov S.Y. Metaphors in banking 139

Editors address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation
Editors telephone: (4752)-72-34-34 add 0440
E-mail: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru
Web-site: [http://journals.tsutmb.ru/neophilology-](http://journals.tsutmb.ru/neophilology-about.html)
about.html (In Russian); [http://journals.tsutmb.ru/](http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html)
neophilology-eng.html (In English)

Editors:

T.A. Sustina, M.I. Filatova
English texts editors:
V.V. Klochikhin, S.Y. Mozharov
Computer layout
T.Y. Molchanova
Cover design
T.O. Prokofeva

Podpisano v pechat' 24.06.2019
Vykhod v svet 05.07.2019
Format A4 (60×84 1/8)
Garnitura «Times New Roman»
Pechat' na rizografe
Pech. l. 19,0
Usl. pech. l. 17,67
Tirazh 1000 ekz.
Zakaz № 19174
Tsena svobodnaya

Publisher's address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000,
Tambov Region, Russian Federation, FSBEI
of HE "Derzhavin Tambov State University"

Otpechatano s gotovogo original-maketa
v otdel'noy pechat'noy pechat'noy
Izdatel'skogo doma «Derzhavinskiy»
FGBOU VO «Tambovskiy gosudarstvennyy
universitet imeni G.R. Derzhavina».
392008, Tambovskaya obl.,
g. Tambov, ul. Sovetskaya, d. 190g.
E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

For citation:

Neophilology. 2019. Vol. 5, no. 18. 152 p.
ISSN 2587-6953
DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18

ONOMASTICS

- Skuridina S.A.** Doctors-foreigners in the Dostoevsky's works:
onomastic aspect 150
Du Chunyang. Paroemias "wolf's sun" and "sun of wolves" 156

LITERATURE STUDIES

- Jiawen Sun.** Russian comparative literature studies development: ideas of A.N. Veselovsky and V.M. Zhirmunsky 162
Tscherbakova V.A. Genre specificity of the novella "The Pass" by V. Astafyev 170
Baktybayeva A.T. Ways of expressing irony and its types in modern Russian-language poetry of Kazakhstan (on the example of D. Nakipov's works) 178

RUSSIAN LITERATURE

- Sorokina N.V.** "Tambov" pages in the life and work of A.I. Solzhenitsyn 185
Markov A.V. Intermedial contexts of the coat of arms motif in lyrical poetry by Viktor Krivulin 193

CULTUROLOGY

- Fedorova S.N., Kirova S.E.** Region image: on example of Sakha Republic (Yakutia) 202
Apazhikhova N.V., Murzina O.B. Historical dynamics of issues aimed at the consideration of social and cultural childhood space 207

CULTURAL HERITAGE

- Theodosius (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Ras-skazovo.** The role of Seminary in the Tambov Governorate social life (1867–1884s) 214

PANEL DISCUSSION

- "Zamyatin Encyclopedia" in the international discussion 221

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-113-117
УДК 929

Светлой памяти В.Г. Руделёва

Аннотация. Посвящено светлой памяти Владимира Георгиевича Руделёва (8 июля 1932 – 19 ноября 2018) – заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора, советского и российского лингвиста, педагога, переводчика.

Ключевые слова: В.Г. Руделёв; Тамбовская лингвистическая школа; ученый-лингвист

Для цитирования: Русский язык. Светлой памяти В.Г. Руделёва // Неофилология. 2019. Т. 5, № 18. С. 113-117. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-113-117

Владимир Георгиевич Руделёв родился 8 июля 1932 г. в городе Ельне, на Смоленщине. В 1937 г. семья переехала в Рязань – на родину родителей (но корни Руделёвых (точнее – Руделёвых, а еще раньше – РыдЕлевых) тянутся к Рязани). В 1954 г. окончил филологический факультет Рязанского государственного педагогического института. В 1959 г. в Куйбышеве защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Лексика жилища и жилищно-хозяйственного строительства в некоторых рязанских говорах». В 1957–1972 гг. преподавал в Оренбургском государственном педагогическом институте. В 1971 г. в Ленинградском университете защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Типология и история русских вокалических систем».

С 1972 г. жил в Тамбове. Много лет отдал он работе в Тамбовском государственном педагогическом институте (ныне Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина): заведовал кафедрой русского языка,

основал Тамбовскую лингвистическую школу, подготовил за длительный и плодотворный путь научного наставника более 30 аспирантов и соискателей, трех докторантов, ставших сегодня видными учеными в России, в странах ближнего и дальнего зарубежья по многоаспектным и актуальным для русистики проблемам.

В.Г. Руделёв – заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор, поэт, прозаик, автор около 600 опубликованных работ, в том числе учебников для школ и вузов. В.Г. Руделёв награжден высшей наградой Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина – золотой медалью. Научные интересы: русская фонология, историческая фонетика, грамматика, общее языкознание, лексикология и диалектология. Литературный переводчик с французского языка.

Основной состав Тамбовской лингвистической школы: д.филол.н., проф. А.Л. Шарандин, д.филол.н., проф. С.В. Пискунова, д.филол.н., проф. А.Л. Щербак, д.филол.н., проф. С.Ю. Дубровина, д.филол.н., проф. Н.В. Сафонова, д.филол.н., доц. В.Н. Левина, д.филол.н., доц. В.М. Швецова, к.филол.н., доц. Л.Н. Клокова, к.филол.н., доц. Л.С. Моисеева, к.филол.н., доц. Т.В. Махрачёва, к.филол.н., доц. И.В. Поповичева, к.филол.н., доц. О.Н. Андреева, к.филол.н. А.А. Казанкова, к.филол.н. А.А. Асанов, к.филол.н. М.Ю. Морозова.

Наиболее актуальными и значимыми для современного этапа развития лингвистики в целом и русистики в частности у представителей данной школы являются:

а) разработка трехаспектной теории фонем: синтез, анализ и коррекция;

б) интерпретация законов слоγοотделения в русском языке: исследование функциональной модели слогораздела в русском языке;

в) описание теории нейтрализации и оппозиций за пределами фонологии;

г) разработка теории слова, затрагивающей в основном общие проблемы и грамматики (морфологии) как учение о форме слова;

д) исследование частеречной русской грамматической системы, системы частей речи русского языка: построение русской частеречной модели;

е) описание единиц поэтического текста (с этой целью В.Г. Руделёвым введен в научный аппарат термин «поэтема»): синтаксис и поэтика (особое место занимает «Слово о полку Игореве» и произведения русских классиков);

ж) изучение проблем эсперантизации, междометизации и депоэтизации современного русского языка, связанных с осмыслением проблем экологии языка и речи.

Основанием для разработки продуктивной исследовательской деятельности в рамках Тамбовской лингвистической школы являются значительные достижения его основателя – проф. В.Г. Руделёва и известных ученых, внесших значительный вклад в развитие кафедры русского языка: к.филол.н., проф. Л.В. Голузо, д.филол.н., проф. Р.П. Козловой, д.филол.н., проф. Н.В. Новиковой, к.филол.н., доц. М.И. Ивановой и др., чьи работы легли в основу научной концепции и стали теоретическим фундаментом для объединения научных идей. Ведущие преподаватели кафедры под руководством В.Г. Руделёва разрабатывали и читали абсолютно новые курсы русского языка, общего языкознания и иных дисциплин лингвистического цикла. Эти курсы, как правило, читались вначале самим В.Г. Руделёвым, сразу же обсуждались и совершенствовались в повторных чтениях уже другими преподавателями. Так создавалась научно-учебная база Тамбовской лингвистической школы. Была открыта аспирантура, а несколько позже и докторантура по специальности 10.02.01 – русский язык, у истоков их создания был профессор В.Г. Руделёв.

Базой для создания теоретико-информационного метода, примененного В.Г. Руделёвым первоначально для описания русских диалектных вокалических систем в их синхронии и диахронии, стала фонологическая теория Н.С. Трубецкого, представленная в работах В.Г. Руделёва как фонологическая модель анализа, в отличие от фонологической модели синтеза (Ленинградская школа) и корректирующей модели (Московская школа). Фонология в исследованиях В.Г. Руделёва была представлена как единственная всеобъемлющая наука о звуке (фонеме), а точнее – о фонологических оппозициях, которые, как отмечал Н.С. Трубецкой, имели свойство подвергаться слиянию (нейтрализации). В.Г. Руделёв осмелился лишить нейтрализацию ее признака факультативности, представив это явление как единственный способ опознания оппозиции: «оппозиция существует тогда и только тогда, когда она нейтрализуется», или: «каждая оппозиция подвергается нейтрализации, и по ней только опознается».

Причины нейтрализации фонологических оппозиций В.Г. Руделёв видел в увеличении скорости передачи информации, когда упомянутая скорость становится важнее целостности системы: тогда-то и «сливаются», «пересекаются» параллельные прямые в духе Лобачевского и Эйнштейна, тогда-то и начинает действовать корректирующее устройство – на любом языковом уровне (на каждом участке языковой системы такое устройство существует). Нейтрализации («упрощению», «слиянию», «пересечению») подвергаются наиболее важные в информационном отношении оппозиции, и это значит, что коррекционные устройства языка чрезвычайно важны: их расстройство ведет к деградации языка на всех его уровнях.

Главное, что характеризует Тамбовскую научную школу, – это создание нового научного направления и даже метода описания и представления фактов в научных сочинениях.

Под руководством или с участием членов научной школы выполнены гранты международного или всероссийского уровня: РГНФ (2016–2016), проект «V Международная научная конференция «Экология языка и речи» № 16-04-14071г (рук. А.С. Щербак); РГНФ, проект «Современные тамбовские говоры в системе языковой культуры регио-

на» (№ 08-04-70401 а/Ц), 2008–2009 гг. (рук. А.С. Щербак); РГНФ, проект «Отражение социальной картины мира в диалектном тексте: лексико-коммуникативный аспект (на материале тамбовских говоров)» (№ 12-14-68001а/С, 2012–2013 гг. (рук. С.В. Пискунова); ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, (2011–2013 гг.), проект «Исследование динамических процессов концептуализации и категоризации в языке», госконтракт № 16.740.11.0547 (исполн.: А.Л. Шарандин, А.С. Щербак); Минобрнауки РФ, Совет по грантам Президента РФ, проект № МК-989.2006.6 «Пейзажная картина мира в системе русской языковой культуры», 2014–2015 (рук. В.Н. Левина); Минобрнауки РФ, АВИЦП «Развитие научного потенциала высшей школы», проект № 2.1.3/9318 «Исследование познавательных процессов средствами языка», 2009–2011 (исполн.: А.Л. Шарандин, В.Н. Левина); Минобрнауки РФ, АВИЦП «Развитие научного потенциала высшей школы», проект № 2.1.3.963 «Исследование языка как концептуальной системы», 2006–2008 (исполн. В.Н. Левина); Минобрнауки РФ, АВИЦП «Развитие научного потенциала высшей школы», проект № 1.1.07 «Исследование языка как системы репрезентации знаний», 2007–2011 (исполн.: А.Л. Шарандин, В.Н. Левина); Минобрнауки РФ, АВИЦП «Развитие научного потенциала высшей школы», проект № 1.8.09 «Когнитивно-дискурсивный анализ языковых и художественных концептов», 2009–2010 (исполн.: А.Л. Шарандин, В.Н. Левина); Минобрнауки РФ, АВИЦП «Развитие научного потенциала высшей школы», проект № 1.2.08 «Исторические и лингво-культурологические основы формирования национального самосознания в условиях межкультурной коммуникации», 2008–2011 (исполн. В.Н. Левина); Минобрнауки РФ, ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы», проект № 02.740.11.0596 «Исследование взаимодействия мыслительных и языковых структур», 2010–2012 (исполн.: А.Л. Шарандин, В.Н. Левина); РГНФ, проект № 14-44-93016 (к) «Советский несоветский писатель: мир семьи и проблема детства в творчестве С.Н. Сергеева-Ценского», 2014 (рук. И.В. Поповичева); Минобрнауки

РФ, Совет по грантам Президента РФ, проект № МД-3375.2015.6, «Влияние материалов конвергентных массмедиа на формирование культурных ценностей и поведенческих приоритетов современных студентов» (исполн. В.Н. Левина); ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (2010–2011 гг.), проект «Общерусское слово как базовая единица в когнитивной системе носителя языка: проблема общерусского слова в контексте истории ономастики», госконтракт № 16.740.11.0287 (исполн. А.С. Щербак); ФЦП «Интеграция науки и высшего образования России на 2002–2006 годы» (2003–2004 гг.), проект «Принципы отражения картины мира в региональном ономастиконе (на материале говоров Центрального Черноземья)» № Ц 3102/1207 (направление 3.14) (исполн. А.С. Щербак).

Члены коллектива Тамбовской лингвистической школы стали организаторами традиционной Международной конференции, материалы которой были опубликованы в сборниках под ред. А.С. Щербак: Экология языка и речи: материалы Междунар. науч. конф. Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. 424 с.; 2013. 318 с.; 2014. 340 с.; 2015. 336 с.; 2016. 503 с.; 2017. 324 с.

В.Г. Руделёв активно участвовал в общественных и творческих организациях. Несколько лет возглавлял Тамбовское отделение Всероссийского общества любителей книги, был депутатом Тамбовской городской думы.

Награжден премией «Международная отметина имени отца русского футуризма Давида Бурлюка».

За последние десятилетия особенно заметной стала литературно-творческая деятельность В.Г. Рудёлева: его произведения публиковались в газетах и журналах, у него вышло несколько книг стихов и прозы. Он – член Союза российских писателей с 1992 г.

В филологической среде Владимир Георгиевич Руделёв известен как ученый-лингвист с мировым именем.

БИБЛИОГРАФИЯ

Собрание сочинений в 6 томах. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998–2000.

Библиографический указатель публикаций профессора В.Г. Руделёва / сост. А.Л. Шарандин. Тамбов: ТГПИ, 1982. 16 с.

Монографии

Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Мифы о редуцированных. Избранные сочинения по историческому языкознанию. Тамбов, 2001. 138 с.

Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Ч. 1. Друг мой – язык. Избранные работы по русскому языкознанию. Тамбов, 2002.

Графика и структурная теория орфографии. Тамбов, 2004.

Сборники, редакция

Страницы провинциальной филологии. Ученые, школы и направления: Всероссийская научная интернет-конференция 1–25 марта 2004 г. / К 10-летию Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина; под ред. В.Г. Руделёва. Тамбов, 2004.

Учебники и учебные пособия

Фонология слова. Спецкурс по русскому языку. Тамбов, 1975.

Современные диалекты русского языка: учеб. пособие. Тамбов, 1978. 81 с.

Существительное в русском языке: учеб. пособие. Тамбов, 1979.

Слово в лексической системе языка: учеб. пособие по лексикологии. Тамбов, 1984.

Русский язык. Учение о предложении: учебник для VIII–IX классов. Тамбов, 1992.

Вначале было слово. Тамбов, 1995 (в соавт. с О.А. Руделёвой).

Публикации в альманахах и журналах

«Падал снег бесформенный и вялый»; «Дрожали руки у монарха»; «Все, что имеет смысл, конечно, вздор!»; «Я шел по темному Пятигорску»; «Даренные чашки – лазурное небо»; Сумасшедший (поэма); Начало мая; Конец сентября; Вид из окна; «Ржавчина луж в феврале»; Деревья 1; Деревья 2; Деревья 3; Деревья 4; «И красного луча...»; Преображение; В Музее Мгновений. Стихотворения. Поэзия и антипоэзия. Эссе // Кредо (Пигмалион). Тамбов, 1996 (№ 2–3).

Вступление // Кредо (Пигмалион). Тамбов, 1996 (№ 2–3). С. 96.

Публикации в газетах

Благовещение. «Все, что было, показалось мелким...». Овечья купель [стихотв.] // Пигмалион: Литературное приложение к газете «Народный учитель». 1992. Дек. (№ 1). С. 2.

Танец [стихотв.] // Пигмалион: Литературное приложение к газете «Народный учитель». 1993. Апр. (№ 2). С. 4.

Марат [стихотв.] // Пигмалион: Литературное приложение к газете «Университетские вести». 1998. Апр. (№ 8). С. 4.

[стихотв.] // Город на Цне. 2002. 10 июля. С. 11.

[стихотв.] // Город на Цне. 2004. 27 окт. (№ 43). С. 11.

«...здесь жизни удивительный исток...» [подборка стихотв.] // Новая Тамбовщина. 2004. 20 янв. (№ 3). С. 9.

Песня, подвластная разуму // Новая Тамбовщина. 2004. 15 сент. (№ 42). С. 7.

Мой друг, на свете счастье есть... [подборка стихотв.] // Новая Тамбовщина. 2004. 15 сент. (№ 42). С. 9.

«Будь счастлив в житии своем» [подборка стихотв.] // Новая Тамбовщина. 2005. 24 авг. (№ 34). С. 9.

«И я другого счастья не хочу!» [подборка стихотв.] // Новая Тамбовщина. 2007. 24 янв. (№ 4). С. 9.

Дачник (сказка) // Новая Тамбовщина. 2007. 15 авг. (№ 34). С. 8.

Мысли серебряный колос. Чувств пламенеющих рез (подборка стихов) // Новая Тамбовщина. 2007. 5 дек. (№ 55). С. 8.

Зима в Тамбове [стихотв.] // Регион 68. 2008. № 5. С. 45.

Художественные произведения

Лютневая музыка. Тамбов, 1991.

Нежати́на нива: Баллады. Исторические стихотворения. Тамбов, 1993.

Соло на компьютере: Сказки и рассказы для умной девочки Анечки. Тамбов, 1994. 28 с.

Зима в Тамбове: Стихотворения. Поэмы. Тамбов, 1995. 144 с.

Скоморошья гора // Руделёв В.Г. Собрание сочинений: в 6 т. Чч. 1 и 2. Тамбов, 1998.

Печальник. Тамбов, 2001.

Зимние радуги: Стихотворения и фрагменты поэм. Тамбов, 2003. 134 с. ISBN 5-89773-016-4

Перламутровый огонек. Рассказы и сказки о детях и для детей. Тамбов, 2003. 67 с. ISBN 5-89773-018-0

Охлебинова роща: Стихотворения и фрагменты поэм. Тамбов, 2004. 163 с. ISBN 5-89773-024-5

Коллекция пространств: Стихотворения и фрагменты поэм. Тамбов, 2005. 147 с. ISBN 5-89773-033-4

В лабиринте времени: Стихотворения и фрагменты поэм. Тамбов, 2006. 133 с. ISBN 5-89773-046-6

Рязанский окоем: Избранные произведения / ред. И. Красногорская. Рязань: Издатель Ситников, 2009. 248 с.: ил. ISBN 978-5-902420-26-2

Серебряные голуби. Тамбов, 2011.

Дрозд-рябинник. Тамбов, 2012.

Полет золотой стрекозы в саду Поэта. Тамбов, 2015.

Публикации о В.Г. Руделёве

Руделёв Владимир Георгиевич // Деятели науки и техники Тамбовского края: Общественные науки. Военное дело. Филологические науки: Указатель литературы. Тамбов, 1987. С. 56-57.

Кашковский С. «Лютневая музыка» // После-
словие. 1992. Февр.

Кострикин В. «Волшебных слов и духа из-
лучье...» // Новая тамбовская газета. 1995. 26 мая.

Винокуров В. Эта удивительная земля // Но-
вая тамбовская газета. 1995. 30 июня.

Владимир Георгиевич Руделёв (к 65-летию
со дня рождения) // Тамбовские даты. 1997 год.
Рекомендательный указатель литературы. Там-
бов, 1997. С. 54-56.

Плуталов В. Руделёвские ипостаси // Наеди-
не. 2002. 10–16 июля.

Мастер // Наш город Тамбов. 2003. 17 нояб.

Руделёв Владимир Георгиевич // Тамбовский
государственный университет им. Г.Р. Держави-
на: Словарь-справочник / 2-е изд., испр. и доп.
Тамбов, 2004. С. 407-408.

Шарандин А.Л. Проблемы русской фоноло-
гии в трудах профессора В.Г. Руделёва // Страни-
цы провинциальной филологии: ученые, школы и
направления. Тамбов, 2004. С. 72-84.

Пирожков Г.П. Руделёв Владимир Георгие-
вич // Пирожков Г.П., Ишин А.В. Краеведы от А
до Тамбов, 2005. С. 12-13.

Исаев Д. Руделёв и Харланов // Тамбовский
курьер. 2005. 28 марта.

Дорожкина В.Т. Руделёв Владимир Георгие-
вич // Дорожкина В., Полякова Л. Литературная
жизнь Тамбовского края XVII–XXI веков: Spra-
вочник. Тамбов, 2006. С. 122-123.

Лебедева Е. Время, осязаемое в слове // На-
едине. 2007. 4 июля.

Плуталов В. [О литературном вечере, по-
свящ. 75-летию юбилею Владимира Руделёва] //
Город на Цне. 2007. 18 июля (№ 29). С. 11.

Плуталов В. [О литературном вечере, по-
свящ. 75-летию юбилею Владимира Руделёва] //
Новая Тамбовщина. 2007. 15 авг. (№ 34). С. 8.

Матюшина М. Вдохновение жить [о Влади-
мире Руделёве] // Тамбовский курьер. 2008. 14
января. (№ 2). С. 16.

Михайлова А.А. Тема покаяния в сборнике
стихотворений В.Г. Руделёва «Зимние радуги» //

Поэтические школы Тамбова. Тамбов, 2008.
С. 30-43.

Красногорская И. «Рыбак рыбака видит из-
далека» // Руделёв В. Рязанский оком: Избран-
ные произведения. Рязань, 2009. С. 3-6.

Дорожкина В. От рязанских окомов до там-
бовских поселков // Дорожкина В. Тамбовский
край талантами богат: Краеведческие статьи и
очерки: в 2 т. Тамбов, 2016. Т. 2. С. 213-216.

Тамбовский библиотечный портал: сайт.
URL: <http://www.tambovlib.ru/litmap/>

История, культура и традиция Рязанского
края: сайт. URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/1345>

Альтернативная психология, семиотика, лин-
гвистика... Сайт. URL: [http://bav005.narod.ru/in-
dex10.htm](http://bav005.narod.ru/index10.htm)

Тамбовская областная детская библиотека:
сайт. URL: <http://odb.tamboff.ru/index.php?id=60&place=content>

Издательство Ситников: сайт. URL:
<http://www.izdatel-sitnikov.ru/authors/r/23/>

Источники информации

Руделёв, Владимир Георгиевич. Википедия.
URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Руделёв,_Влади-
мир_Георгиевич](https://ru.wikipedia.org/wiki/Руделёв,_Влади-мир_Георгиевич)

Экология языка и речи. Ведущая научная
школа / ТГУ имени Г.Р. Державина: официаль-
ный сайт. URL: [http://www.tsutmb.ru/nayk/nauch-
nyie_shkoly_i_napravleniya/filologicheskie-nauki/
ekologiya_yazyika_i_rechi](http://www.tsutmb.ru/nayk/nauch-nyie_shkoly_i_napravleniya/filologicheskie-nauki/ekologiya_yazyika_i_rechi)

Биографии известных людей. Факты, фото,
видео, интересные истории. URL: [https://people-
life.ru/248165](https://people-life.ru/248165)

Сайт студии «А3». URL: [http://stud-az.ucoz.
ru/index/0-30](http://stud-az.ucoz.ru/index/0-30)

Тамбовская областная детская библиотека /
Редактор и контент-менеджер Е. Гребеникова.
URL: [https://tambovodb.ru/joomla/index.php/10-pro-
ekty/2891-8-iyulya-85-let-so-dnya-rozhdeniya-vladi-
mira-georgievicha-rudeljova-1932](https://tambovodb.ru/joomla/index.php/10-pro-ekty/2891-8-iyulya-85-let-so-dnya-rozhdeniya-vladimira-georgievicha-rudeljova-1932)

Составители: А.С. Щербак, И.В. Ильина

In loving memory of V.G. Rudelev

Abstract. In loving memory of Vladimir Georgievich Rudelev (July 8, 1932 – November 19, 2018) – honoured worker of higher school of the Russian Federation, doctor of philology, profes-
sor, Soviet and Russian linguist, teacher, translator.

Keywords: V.G. Rudelev; Tambov Linguistic School; linguistic scholar

For citation: Shcherbak A.S., Ilyina I.V. (compilers). Russkiy yazyk. Svetloy pamyati V.G. Rude-
lyova [Russian Language. In loving memory of V.G. Rudelev]. *Neofilologiya – Neophilology*,
2019, vol. 5, no. 18, pp. 113-117. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-113-117 (In Russian,
Abstr. in Engl.)

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-118-128
УДК 81(092); 81:001.89

Роль профессора В.Г. Руделёва в создании и развитии Тамбовской лингвистической школы

Анатолий Леонидович ШАРАНДИН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>, e-mail: sharandin@list.ru

Role of professor V.G. Rudelev in the Tambov Linguistic School formation and development

Anatoly L. SHARANDIN

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>, e-mail: sharandin@list.ru

Аннотация. Цель – показать роль профессора В.Г. Руделёва как основателя Тамбовской лингвистической школы в ее становлении и развитии. Рассмотрены понятие научной школы и ее инвариантные признаки, которые были реализованы в научной деятельности данной школы. Главное, что отличает эту школу, – это наличие развиваемого в рамках Тамбовской лингвистической школы теоретико-информационного метода, обоснованного первоначально на материале фонологии в духе Н.С. Трубецкого. Доказано, что данный метод универсален, о чем свидетельствует его реализация на языковом материале различных уровней языковой системы русского языка. Роль В.Г. Руделёва определяется тем, что он сумел разработать исследовательскую программу на основе этого метода и привлечь к ее реализации научное сообщество преподавателей и исследователей ТГУ им. Г.Р. Державина. Результаты научной деятельности Тамбовской школы лингвистов отличаются новизной, теоретической и практической значимостью, востребованы в исследованиях по русскому языку.

Ключевые слова: В.Г. Руделёв; Тамбовская научная школа; теоретико-информационный метод; универсальный характер метода

Для цитирования: Шарандин А.Л. Роль профессора В.Г. Руделёва в создании и развитии тамбовской лингвистической школы // Неофилология. 2019. Т. 5, № 18. С. 118-128. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-118-128

Abstract. The aim is to show the role of professor V.G. Rudelev as a founder of Tambov Linguistic School in its formation and development. We consider the term of scientific school and its invariant features which were realized in the scientific activity of this school. The main feature is developing in the Tambov Linguistic School theoretical and information method on the phonology material inspired by N.S. Trubetskoy. This method is universal and its realization proves it on the language material of different levels of language system of the Russian language. V.G. Rudelev's role is that he could develop a research program on this method and attract to its realization scientific community of lectures and research workers of the Derzhavin Tambov State University. Results of scientific activity of the Tambov Linguistic School differ because of their novelty, theoretical and practical relevance in researches on the Russian language.

Keywords: V.G. Rudelev; Tambov scientific school; theoretical and information method; universal character of the method

For citation: Sharandin A.L. Rol' professora V.G. Rudelyova v sozdanii i razvitii tambovskoy lingvisticheskoy shkoly [Role of professor V.G. Rudelev in the Tambov Linguistic School formation and development]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 18, pp. 118-128. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-118-128 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Посвящается памяти основателя Тамбовской лингвистической школы профессора Владимира Георгиевича Руделёва (1932–2018)

Быть достойным университета!
(Из интервью В.Г. Руделёва 1995 г.)

Было бы наивно думать, что своими успехами Тамбовская школа лингвистов обязана только себе. Ее бы не было, этой школы, если бы в начале 70-х гг. в Тамбове... не возникла страстная жажда возродить в нашем городе закрытый когда-то Университет. Я называю сейчас эти 70-е гг. прошлого века и все последующие годы вплоть до открытия в 1995 г. Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина **Тамбовской Весной** (В.Г. Руделёв).

Человек, способный понять свое время, несомненно, заслуживает уважения и восхищения. Но вдвойне – тот, кто пошел дальше и предугадал, каким будет по своему пафосу и духу последующий временной промежуток. В этом случае, опережая свое время, человек может быть не понятым в тех или иных полученных результатах своей научной и творческой деятельности. На наш взгляд, многие идеи профессора В.Г. Руделёва еще не до конца осмыслены исследователями, вследствие чего оказались не в полной мере востребованными в решении научных проблем. Вот почему его научное наследие еще ждет своего исследователя «в потомстве» (ср. у Е.А. Баратынского, «читателя в потомстве»). Но, тем не менее, научным сообществом и образовательной системой Российской Федерации был признан один результат, наличие которого свидетельствовало о значимости научной деятельности профессора В.Г. Руделёва. Это – признание о наличии в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина научной лингвистической школы, основателем которой явился В.Г. Руделёв.

В первый раз о ней в официальных документах было заявлено в самом начале 1995 г. [1]. Это было время преобразования Тамбовского педагогического института в государственный университет, и данное известие прозвучало как одно из самых веских доказательств правомерности и необходимости подобного акта. Однако уже в течение 20 лет

научные изыскания, позволившие определить их как результаты деятельности научной школы, в той или иной степени находили отражение в публикациях сборников и материалах конференций. Это позволило в том же 1995 г. выпустить сборник, посвященный 20-летию Тамбовской лингвистической школы [2]. К этому времени по кафедре русского языка Тамбовского государственного университета было защищено 12 кандидатских диссертаций. В 1978 г. в Тамбове была проведена межвузовская конференция языковедов на тему «*Семасиология и грамматика*», привлекая внимание многих крупных ученых Москвы и Ленинграда. Признание научной школы в ТГУ им. Г.Р. Державина было представлено в «Вестнике гуманитарной науки» [3].

Как известно, наличие научной школы является знаковой приметой для характеристики деятельности не только научных (научно-исследовательских) учреждений, но и вузовских структур. Это своего рода отличительный и официально признаваемый статусный признак в научном пространстве образовательных учреждений разного типа, наличие которого учитывается в их рейтинге как системный показатель эффективности учреждения в ранжировании их деятельности. Как правило, наличие таких школ присутствует, прежде всего, университетам. Поэтому не случайно мы имеем такое устоявшееся сочетание, как «университетская наука», в определенном смысле противопоставленное понятию академической науки. По мнению исследователей университетской науки, «вуз, в котором нет исследовательской деятельности, не может называться «университетом», даже если там имеют место очень качественные образовательные программы. Все это вытекает из требований федеральных государственных образовательных стандартов» [4].

В сочетании «научная школа» понятие «школа» представлено словарным значением «направление, течение... связанное единством основных взглядов, общностью или преемственностью принципов и методов» [5, с. 721], а атрибут «научная» обуславливает сферу или область функционирования того или иного направления, течения. По мнению В.В. Колесова, «научная школа прежде всего именно «школа», в которой «учат», явление

научно-образовательного характера... В термине «научная школа» нет никакого риторического оксюморона или этического уничижения» [6, с. 393]. Поэтому, на наш взгляд, в самом общем виде научная школа может быть определена как система научных взглядов, объединенных общими или сходными принципами и методами исследования, которые реализуются в научной деятельности определенного коллектива ученых-единомышленников под руководством его лидера (учителя), предложившего основополагающие идеи для совместного решения в научно-исследовательской или научно-образовательной деятельности. В зависимости от концептуальных признаков или критериев, определяющих понятие научной школы, мы имеем различное понимание этого терминологического сочетания.

В качестве *инвариантных признаков* [7] можно выделить следующие: 1) наличие *научного метода*, лежащего в основе разрабатываемой теории или научной идеи, в той или иной степени реализованной в трудах основоположника. Это позволяет оценить теорию и действенность предлагаемого метода, увидеть конкретные результаты, признав их существенными, что влечет за собой 2) *признание основоположника* или другого видного ученого, принявшего его взгляды, в качестве создателя школы, *лидера (учителя)*, высшего авторитета. В связи с этим возникает 3) *необходимость объединиться (кооперироваться)* в рамках научного сообщества для дальнейших научных разысканий на основе определенной исследовательской программы с учетом близких духовно-нравственных, социально-психологических установок и общности в мотивации научных ценностей. При этом сохраняется 4) *преемственность традиций научной школы*, что предполагает постоянный приток новых исследовательских сил путем обучения молодых исследователей и повышения их научной квалификации. Однако это 5) не снижает творческого потенциала каждого из членов сформировавшегося сообщества, в рамках которого каждый способен реализовать *индивидуальные возможности* на пути своего самостоятельного научного развития и признания его как значимого и самостоятельного ученого-исследователя.

Все эти признаки, на наш взгляд, легко обнаруживаются в созданной В.Г. Руделёвым школе. Несомненно, важнейшим из них является 1-й признак – наличие нового метода. Однако, в рамках настоящей статьи и с учетом ее посвящения памяти профессора В.Г. Руделёва, хотелось бы остановиться, прежде всего, на 2-м признаке – *на признании В.Г. Руделёва в качестве создателя школы, лидера (учителя)*, высшего авторитета. Признание этого ученого в качестве лидера и учителя вполне закономерно, поскольку его научная эрудиция и результативность научной работы не вызывают сомнений. Возможно, именно это предвидел ректор Тамбовского педагогического института В.Д. Виноградов, приглашая В.Г. Руделёва в 1972 г. для работы в качестве заведующего кафедрой русского языка. Это не случайно, поскольку Владимир Дмитриевич был языковедом и смог объективно оценить исследовательские возможности молодого ученого, который успешно защитил в Ленинградском университете в 1971 г. докторскую диссертацию, посвященную типологии и истории русских вокалических систем. Этот фундаментальный труд поставил В.Г. Руделёва в ряд наиболее известных фонологов и историков русского языка. О научном признании исследований В.Г. Руделёва в этой области свидетельствует публикация его статьи о фонологической интерпретации русского аканья в журнале «Вопросы языкознания», издаваемом АН СССР (1963). В те годы публикация в этом журнале делала имя ученого не только широко известным, но и свидетельствовала о научной состоятельности и востребованности исследовательской позиции ученого-лингвиста.

И действительно, возглавив кафедру, В.Г. Руделёв сумел использовать научный потенциал преподавателей, сосредоточив часть исследовательской работы на изучении русских диалектов Тамбовской области, а другую часть связал с изучением фонологических изысканий в духе фонологии Н.С. Трубецкого. Если первое направление было закономерным и традиционным для научной деятельности кафедры, то исследования в области фонологии оказались в значительной степени новыми, поскольку фонология как самостоятельная учебная дисциплина только

пробивала себе дорогу и находила признание у молодых исследователей, поверивших руководителю-ученому в перспективность данных научных исследований. Примечательным научным результатом, позволившем убедить коллег и молодых исследователей в востребованности фонологических идей для описания диалектов, стала защита кандидатской диссертации С.В. Пискуновой «Фонологическое описание говора села Вирятино Сосновского района Тамбовской области».

Таким образом, уже на раннем этапе своей научной и профессиональной деятельности В.Г. Руделёву удалось приобщить преподавателей к основам именно *современной* науки, которая реализовывалась, как принято сейчас говорить, *в рамках приоритетных современных направлений*. Их перспективность и актуальность рассматриваемых в них проблем определялись поступательным характером лингвистики как науки. И при этом данное приобщение к актуальным проблемам, в частности, современной русистики было связано с существенным признаком университетского образования – вносить новое и в теоретические курсы русского языка как учебной дисциплины в вузе, что также является основополагающим признаком университетской науки.

Показательным в этом плане стало учебное пособие В.Г. Руделёва «Фонология слова» [8]. В *теоретическом отношении* эта книга примечательна в нескольких отношениях. *Во-первых*, в приверженности ученого к фонологическим методам описания русского языка, в реализации идей основателя фонологии как науки Н.С. Трубецкого. В тот период идеи Н.С. Трубецкого хотя и были востребованы в исследованиях ученых, но, тем не менее, они не получали методологического осмысления, не определяли методологический характер фонологии с ее методом оппозиций и теорией нейтрализации за пределами фонологии. *Во-вторых*, В.Г. Руделёв увидел, что фонология – это не только самостоятельная научная дисциплина, но и целостное «*научное мировоззрение*», которое способно было найти свое применение за пределами фонологии. Поэтому не случайно он, оценивая труды Н.С. Трубецкого, определил его идеи, как не оцененные XX веком, не ос-

мысленные в полной мере современными исследователями [9].

Характеризуя признание профессора В.Г. Руделёва в качестве лидера и учителя, отметим, *что* определяло эту сторону его деятельности в целом. Прежде всего, поражаало его стремление взглянуть на вполне известные и общепринятые идеи нестандартно, смело, когда привычные представления о тех или иных языковых явлениях и фактах оказываются в нашем сознании не такими уже незыблемыми истинами, какими мы их считали. Они давали возможность по-новому взглянуть на давно устоявшиеся традиции, увидеть и осознать их развитие в контексте современных лингвистических направлений и методов исследования. При этом важно отметить, что смелость и научная бескомпромиссность в отрицании этих привычных представлений не являются самоцелью рассуждений В.Г. Руделёва, поскольку он не ограничивается критикой идей по анализируемой проблеме, а дает возможность увидеть перспективы нового подхода, решения. И это уже определялось во многом благодаря научному методу, разрабатываемому или получавшему дальнейшее свое развитие в рамках создаваемой школы или научного направления.

Однако здесь, конечно, возникает вопрос о соотношении понятий «научная школа» и «научное направление». Этот вопрос не однозначно представлен в науковедении: одни исследователи считают, что понятие научной школы уже понятия научного направления (В.В. Колесов), другие, и их большинство, – наоборот. С этих позиций, говоря о Тамбовской лингвистической школе, мы имеем в виду широкое понимание научной школы. Показательным в этом отношении стало изменение названия в ее проблематике. Так, Тамбовскую лингвистическую школу нередко именуют по названию лаборатории «*Экология языка и речи*», проблематика которой с 1991 г. стала темой очень многих исследований, проводимых в рамках Тамбовской лингвистической школы, пафосом этих исследований и т. д. Однако первоначально в центре внимания научной деятельности школы были *проблемы взаимодействия лексической семантики и грамматики*, которые активно продолжали исследоваться и были ядром в

исследовательском поле научного коллектива кафедры русского языка. Поэтому сама научная школа не только сохранялась, но и окрепла – без каких-либо новых дополнительных названий, поскольку ее сущность определял научный метод – *теоретико-информационный метод*. При этом он оказался реализованным на всех уровнях языка, в синхронии и диахронии, в школьном преподавании русского языка [10; 11] и в чисто научном его осмыслении [9].

Теоретико-информационный метод заимствован В.Г. Руделёвым из работы великого русского ученого Н.С. Трубецкого «Основы фонологии». При этом необходимо отметить, что сам Н.С. Трубецкой не называл свой метод именем «*теоретико-информационный*», поскольку созданная К. Шенноном *теория информации* только начинала в середине 30-х гг. XX века пробивать себе дорогу. Суть интерпретируемого В.Г. Руделёвым теоретико-информационного метода заключается в констатации измеряемых оппозиций фонем: измерения происходят путем установления маркированных и немаркированных фонологических элементов. Констатируются также нейтрализации фонологических оппозиций, в которых происходят уподобления маркированных элементов немаркированным. Традиционному изучению фонетических (материальных) единиц (*звуков* или *фонем*) в фонологии Н.С. Трубецкого противопоставляется исследование *отношений* между упомянутыми единицами. Но, в отличие от его учения о нейтрализациях, В.Г. Руделёв осмелился лишить нейтрализацию ее признака факультативности, представив это явление как единственный способ опознания оппозиции: «*оппозиция существует тогда и только тогда, когда она нейтрализуется*», или: «*каждая оппозиция подвергается нейтрализации, и по ней только опознается*» [9; 12]. При этом фонологическая модель Н.С. Трубецкого вошла в исследования не механически, а с учетом ряда модификаций и усовершенствований. Как отмечает В.Г. Руделёв, во-первых, сочли возможным поставить в зависимость наличие оппозиций с нейтрализациями их в слабых положениях [12]: оппозиция существует тогда и только тогда, когда она исчезает, подвергается в особых положениях *нейтрализации*. Во-

вторых, *привативная (одномерная)* оппозиция описывалась не только как самостоятельная, но и оказывалась в описании языкового материала частью, звеном более сложной оппозиции, построенной по крайней мере на двух разновидностях (вариантах) одного и того же признака: $/a \rightarrow b/$ и $/b \leftarrow c/$ ($/a \rightarrow b \leftarrow c/$). Впервые корреляционный подход был применен в описании семантико-словообразовательных оппозиций по признаку пола в русском языке в 1978 г. [13].

Заявка на применение методов, аналогичных методу Н.С. Трубецкого, за пределами фонологии была сделана лингвистами, имеющими отношение к Тамбовской лингвистической школе, в 1987 г. [14]. И здесь произошло то, что можно соотнести с самым главным признаком научной школы, когда избранный исследователями или самими ими созданный *научный метод становится общим для всего направления* и применяется на разном, хотя и имеющем черты сходства, материале. Таким материалом стала система частей речи русского языка, и она оказалась подходящей для осмысления фактов целой группе исследователей.

В.Г. Руделёв экстраполирует идеи фонологии в грамматику русского языка, и прежде всего в морфологию. Конечно, экстраполяция фонологических понятий в другие области науки не означает, что исследователями должна игнорироваться специфика их предметов. Еще А.А. Реформатский, с которым В.Г. Руделёв был знаком и поддерживал научные связи, предупреждал: «Передовой опыт фонологии для становления структурного понимания языка в целом не должен соблазнять лингвистов к механическому переносу возможностей и закономерностей фонологии в иные разделы лингвистики. Явления дифференциации и нейтрализации имеются и в грамматике, и в лексике, но... указанные явления в фонологии, морфологии, синтаксисе и лексике – качественно отличны и специфичны» [15, с. 523]. По мнению В.Г. Руделёва, оппозиции позволяли увидеть специфику противопоставляемых объектов или явлений, а нейтрализации – механизм их взаимодействия, устанавливающий динамический характер этого взаимодействия.

Таким образом, для осмысления грамматических идей В.Г. Руделёва важным являет-

ся универсальный метод теоретико-информационного представления языковых систем, открытый Н.С. Трубецким. Главным теперь уже были не фонологические штудии, а морфология и синтаксис. Именно в этот период, по сути, и началась *Тамбовская лингвистическая школа* – с ее разработкой теоретико-информационного метода и оппозитивного анализа исследования на всех лингвистических уровнях, с ее интересом к слову как глобальной единице языка, с глубоким проникновением в смысл грамматических категорий и шифруемых ими семантических различий.

С признанием профессора В.Г. Руделёва несомненным научным лидером и принятием развиваемого им теоретико-информационного метода в качестве методологического для своих научных исследований в коллективе кафедры произошло объединение в рамках научного сообщества для дальнейших научных разысканий на основе определенной исследовательской программы. Свидетельством этого, в частности, стали исследования самого В.Г. Руделёва и членов данного сообщества в области изучения взаимодействия лексики и грамматики, а также разработка теории частей речи русского языка в контексте основополагающих идей динамической теории их реализации в речи.

Наблюдения над взаимодействием лексики и грамматики позволили В.Г. Руделёву определить функцию грамматики по отношению к лексике как ее «шифр». *Идея «шифрующей грамматики»* не нова, что отмечал сам В.Г. Руделёв [16, с. 83]. Но в своем системном, концептуально оформленном виде идея шифрующей грамматики была развита в работах В.Г. Руделёва. Он видит цель грамматического исследования в том, чтобы каждой грамматической категории найти соответствующий семантический (абстрактный лексический) коррелят. К наиболее простому способу шифровки абстрактной лексической семантики В.Г. Руделёв относил грамматические категории [17]. Наиболее полно в концептуальном отношении идея шифрующей грамматики на базе метода теоретико-информационного представления языковых систем, знаковой единицей которых является слово, реализована В.Г. Руделёвым на материале частей речи, что позволило ему обос-

новать динамическую теорию частей речи русского языка.

Надо отметить, что путь В.Г. Руделёва к ее разработке не был простым. В 1975 г. в сборнике «Русские языковеды» была опубликована статья «Грамматическая теория Ф.Ф. Фортунатова», в которой была представлена формальная классификация слов русского языка в духе Ф.Ф. Фортунатова. В результате анализа В.Г. Руделёв пришел к выводу о наличии в русском языке 16 частей речи, под которыми понимались грамматические классы. Статус частей речи получили такие образования, как полное причастие, полное прилагательное, числительное, краткое причастие, краткое прилагательное, деепричастие, качественное наречие, наречие, местоимение, существительное, псевдоместоимение, перфект, презенс, императив, инфинитив и междометие [18]. Но, как отмечает сам В.Г. Руделёв, «недостаточная разработанность критериев, позволяющих относить то, что принимается за слово, действительно к словам или только к формам слов, сразу же обнаружила изъяны формальной теории, ...ее непродуктивность... Возникла опасность чрезмерного усложнения словаря...» [19, с. 37-38].

Отход от формального подхода произошел в 1980-е гг., когда на первое место была поставлена абстрактная лексическая семантика, шифром которой оказывались грамматические категории. В качестве языкового механизма, обусловившего характер частеречной системы как динамической, явились оппозиции, члены которой обладали разной информационной мощностью, что определялось на основе установленных нейтрализаций частей речи в слабых позициях. Динамичность частеречной системы в этом смысле определялась В.Г. Руделёвым как способность системы сокращаться за счет частеречного пространства, представленного оппозициями и их корреляциями, ради увеличения скорости речи. При этом, однако, процесс сокращения не сопровождается потерей значимой концептуальной информации, передаваемой частями речи, поскольку ее восстановление всегда возможно при применении корректирующей модели языка, приводящей к исходному состоянию системы [20].

Прежде всего в этом плане была описана оппозиция «глагол – существительное». Это естественно, поскольку «она, по словам В.Г. Руделёва, более всего проливает свет на то, как устроена языковая модель отраженного мира. Субстантивы – это исходное знание об отраженном мире, его членении, запечатленном в языке и мышлении. Глаголы – это постоянные или переменные признаки исходных представлений субстантивного характера, это та дополнительная информация, без которой информация начального, субстантивного плана неподвижна и мертва» [21, с. 23]. Как известно, в лингвистической литературе неоднозначно решался вопрос о том, какая из этих частей речи важнее, весомее. Одни лингвисты отдавали предпочтение существительному, так как признаки вторичны, они должны чему-то принадлежать, и прежде всего предметам. Другие же видели большую различительную силу в глаголах, поскольку предметы осознаются с помощью признаков. Третьи считали эти части речи одинаково важными, имея в виду, что предметы предполагают признаки, различающие их, но, в свою очередь, признаки не существуют без их носителей.

Нейтрализация позволяла в данном случае объективно установить в теоретико-информационном аспекте весомость той или иной части речи, ибо маркированный оппозиит несет больше информации по сравнению с немаркированным. Показателем нейтрализации частей речи является, по мнению В.Г. Руделёва, «приобретение некоторыми из них формальных признаков других частей речи при сохранении инвариантного значения» [19, с. 36]. Анализ оппозиций, представленных конкретными лексемами типа «бегу – бег», позволил установить маркированность глагола и немаркированность существительного, то есть $\Gamma \rightarrow \text{С}$. Следовательно, глагол оказывается более информационной частью речи по сравнению с существительным.

В таком же ракурсе была описана и оппозиция «прилагательное – существительное» и установлена по результату нейтрализации – наличию архиформ типа «красота» – маркированность прилагательного и немаркированность существительного, то есть $\Pi \rightarrow \text{С}$.

Достаточно наглядными формами, совмещающими формальные признаки двух частей речи в русском языке, являются причастие и деепричастие. В динамической теории частей речи они рассматриваются как результат нейтрализации глагола и прилагательного (причастие), глагола и наречия (деепричастие). Сохранение инвариантного значения глагола позволяло установить в этих оппозициях его маркированность.

Таким образом, в динамической теории частей речи необходимо различать собственно части речи и результат их взаимодействия в оппозициях, подвергающихся нейтрализации. Такого рода образования (типа «бег», «красота», «читающий», «читая») В.Г. Руделёв обозначил термином «мимикрические» формы. Он пишет: «Уход» = «стол», «красота» = «доска». Но это только по форме, а не по содержанию: по содержанию «уход» остается глаголом, а «красота» – качественно-предикативным словом. В этом весь смысл динамической теории частей речи русского языка!» [19, с. 42].

Важным моментом для осмысления значимости полученных грамматических результатов в рамках Тамбовской лингвистической школы стало их использование в лексикографической практике. По мнению В.Г. Руделёва, «целесообразно освобождение системы слов (лексем) от всего, что лишь внешне напоминает слова: от союзов и частиц, от предлогов и междометий... Сохраняя звания слов только за полнозначными словами и лишая такого звания «слова» служебные, а также междометные фразы, мы тем самым упрощаем словарь, усиливая и расширяя грамматику» [22, с. 54]. В лексикографической практике рассмотрение мимикрической формы слова-лексем в качестве особой коммуникативно-дискурсивной формы позволяет решить в какой-то степени проблему сокращения количества словарных статей за счет включения таких мимикрических форм, как, например, девербатив и деадъектив, имеющих самостоятельную словарную статью, в структуру статьи исходной (словарной) формы, от которой они образованы и с которой сохраняют лексическую тождественность. В этом случае лексикографический потенциал слова-лексем определяется его лексическим пространством, границы кото-

рого структурированы разными языковыми формами, имеющими свою концептуализацию, но при этом совместимую с концептуальным содержанием лексического значения. Оно является базовым (обязательным) семиотическим в семантической структуре слова-лексемы и обуславливает тождественность лексического значения во всех семантико-синтагматических (коммуникативно-дискурсивных) формах, обслуживающих его в качестве концептуальной структуры.

Универсальный характер теоретико-информационного метода был продемонстрирован В.Г. Руделёвым в исследованиях поэтического языка, включая и анализ «Слова о полку Игореве». Важно заметить, что рассуждения профессора В.Г. Руделёва о поэтическом языке – это не абстрактные размышления ученого по поводу тех или иных художественных текстов, а это мысли *ученого-поэта*, который способен чувствовать и понимать «дух» поэтического произведения, его выразительность и поэтику, сориентированные на авторский замысел и донесение его до читателя. Для В.Г. Руделёва «творчество всегда индивидуально: там, где оно теряет эту свою удивительную черту, возникает имитация (подобие!) творчества (науки, поэзии, публицистики, наконец – просто хорошего говорения)» [23, с. 114]. И поэтому в научных статьях В.Г. Руделёва именно с этих позиций представлены конкретные образцы анализа поэтических текстов. Но, главное, в этом анализе В.Г. Руделёв не порывает с теоретико-информационным методом, считая, что и в поэтике оппозитивный метод, теория нейтрализации позволяют определять отношения между ее единицами, выступая в качестве универсального метода теоретико-информационного представления языковых систем. По его мнению, поэтические тексты выдающихся мастеров почти всегда отражают некую абстрактную грамматическую модель языка, в несколько раз более совершенную, чем те модели, которые представлены в современных грамматиках – как школьных, так и более высокого ранга [24]. Поэтому обращение к поэтическому языку позволило В.Г. Руделёву уточнить ряд положений динамической теории частей речи русского языка на основе применения теоретико-информационного метода. Исследования

В.Г. Руделёва в области поэтического языка и поэтики подтвердили, что открытия и находки грамматического (частеречного) типа в рамках Тамбовской лингвистической школы не были случайными и имеют непреходящее значение. Многое удалось выявить, исследовать заново, описать нетрадиционно (более подробно см.: [25–27]).

Таким образом, развиваемый в трудах В.Г. Руделёва теоретико-информационный метод, сформировавшийся на базе фонологических описаний русских диалектов, оказался универсальным по характеру своей реализации и использования на разных уровнях языковой системы русского языка. Это позволило исследователям научной школы, принявшим его в качестве методологического инструментария и связанного с ним понятийного аппарата, успешно реализовать различную проблематику, которая была предметом их исследований на разном языковом материале. Естественно, приходилось уточнять ряд положений, связанных с результатами описания языка на разных уровнях его реализации в речи (тексте), особенно учитывая то, что свой метод Н.С. Трубецкой на лексическом материале не применял и вообще не выходил за пределы фонологии.

Говоря о роли В.Г. Руделёва в развитии научной школы, созданной им, важно отметить, что в ней он стремился сохранить *преемственность традиций*, которые показали действенность их применения. Поэтому он заботился о постоянном притоке новых исследовательских сил путем обучения молодых исследователей и повышения их научной квалификации. Однако при этом данные традиции не рассматривались им как средство снижения творческого потенциала каждого из членов сформировавшегося научного сообщества, в рамках которого каждый способен реализовать *индивидуальные возможности* на пути своего самостоятельного научного развития и признания его как значимого и самостоятельного ученого-исследователя. Показательными в этом отношении стали выполненные докторские диссертации такими членами научной школы, как А.Л. Шарандин, С.В. Пискунова, О.А. Цыпин, А.С. Щербак.

В ноябре 2018 г. в Тамбове проходили праздничные мероприятия, посвященные

100-летию ТГУ им. Г.Р. Державина. Для Владимира Георгиевича восстановление исторической справедливости по воссозданию университета на Тамбовской земле всегда было важно и значимо. Поэтому вся его научная и профессиональная деятельность способствовала тому, чтобы в 1994 г. в Тамбове вновь появился университет. За заслуги перед университетом В.Г. Руделёв был награж-

ден высшей наградой университета – золотой медалью.

К сожалению, по причине болезни, он не смог принять участие в торжественных мероприятиях. Поэтому все, кто был знаком с Владимиром Георгиевичем Руделёвым, с печалью воспринимали это, ибо они высоко ценили его бескорыстное служение науке и ту роль, которую он сыграл в создании и развитии Тамбовской лингвистической школы.

Список литературы

1. *Зубец В.М.* Мечта становится реальностью // Тамбовский государственный университет. Спецвыпуск. 1995. Февр. № 1-6. С. 2.
2. *Слово 1: сб. науч. работ, посвящ. 20-летию Тамбовской лингвистической школы* / отв. ред. В.Г. Руделёв. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 1996.
3. *Орлицкий Ю.* Международная конференция «Слово», посвященная 20-летию Тамбовской лингвистической школы // Вестник гуманитарных наук. М., 1995. № 6. С. 5-8.
4. *Адамов Н.А.* Проблемы и перспективы университетской науки. URL: <https://www.erej.ru/upload/iblock/19a/19ae3b9295938ac307cedc78767cf584.pdf> (дата обращения: 10.12.2018).
5. *Словарь русского языка. Т. 4* / под ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1984. 782 с.
6. *Колесов В.В.* История русского языкознания: Очерки и этюды. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2003. 471 с.
7. *Кузнецова В.Ф.* Научная школа // Национальная философская энциклопедия. URL: <http://terme.ru/termin/nauchnaja-shkola.html> (дата обращения: 10.12.2018).
8. *Руделёв В.Г.* Фонология слова. Тамбов: ТГПИ, 1975.
9. *Руделёв В.Г.* Открытие, не осмысленное веком // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. М.: МГУ, 1995. Т. 2. С. 446-447.
10. *Руделёв В.Г.* Русский язык. Учение о предложении: учебник для VIII–IX кл. Тамбов: ТГПИ, 1992.
11. *Руделёв В.Г., Руделёва О.А.* Вначале было слово (Попул. лингв. теория, для учеников нац. школ. V–VII кл.). Тамбов: Тамб. гос. ун-т, 1995.
12. *Руделёв В.Г.* Типы нейтрализации и классификация оппозиций (на материале русского языка) // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М.: Наука, 1972. С. 319-333.
13. *Шарандин А.Л., Горват Г.Ф.* Семантико-деривационные оппозиции по признаку пола // Семасиология и грамматика. Тамбов, 1978. С. 25-30.
14. *Дриняева О.А., Каменская Н.В., Руделёва О.А.* Фонологические методы, их универсальность и применение за пределами фонологии // Исследования по русской фонологии. Тамбов: ТГПИ, 1987. С. 115-123.
15. *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970. 528 с.
16. *Руделёв В.Г.* Динамическая теория частей речи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 1996. Вып. 1. С. 83-89.
17. *Руделёв В.Г.* Типы и виды грамматик. Существуют ли грамматики, не являющиеся семантическим шифром? // Семасиология и грамматика. Тамбов: ТГПИ, 1977. С. 11-15.
18. *Руделёв В.Г.* Грамматическая теория Ф.Ф. Фортунатова // Русские языковеды. Тамбов: ТГПИ, 1975. С. 6-25.
19. *Руделёв В.Г.* Динамическая теория частей речи русского языка // Руделёв В.Г. Собрание сочинений: в 6 т. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2002. Т. 6. С. 36-49.
20. *Руделёв В.Г.* К уточнению термина «динамическая система» применительно к частеречному механизму русского языка // Филологическая регионалистика. 2014. № 1 (11). С. 71-76.
21. *Руделёв В.Г.* Существительное в русском языке. Тамбов: ТГПИ, 1979. 74 с.
22. *Руделёв В.Г.* Слово в словаре // Руделёв В.Г. Собрание сочинений: в 6 т. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2002. Т. 6. С. 49-62.
23. *Руделёв В.Г.* Творческий характер речи // Руделёв В.Г. Собрание сочинений: в 6 т. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2002. Т. 6. С. 113-115.

24. Руделёв В.Г., Руделёва О.А., Шарандин А.Л. Временная и видовая глагольные системы русского языка на службе русской поэзии (М. Лермонтов. Бородино) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 2 (106). С. 94-103.
25. Шарандин А.Л. Проблемы русской грамматики в трудах профессора В.Г. Руделёва // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2002. Вып. 3 (27). С. 50-63.
26. Шарандин А.Л. Ведь что-то значат слов сплетенья: к вопросу о поэтическом языке // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2002. Вып. 3 (27). С. 125-130.
27. Шарандин А.Л., Пискунова С.В., Руделёва О.А. Тамбовская лингвистическая школа // В лабиринте сознания, времени и языка. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 14-22.

References

1. Zubets V.M. Mechta stanovitsya real'nost'yu [The dream becomes a reality]. *Tambovskiy gosudarstvennyy universitet. Spetsvyypusk* [Tambov State University. Special Issue], 1995, February, no. 1-6, pp. 2. (In Russian).
2. Rudelev V.G. (executive editor). *Slovo 1: sbornik nauchnykh rabot, posvyashchennykh 20-letiyu Tambovskoy lingvisticheskoy shkoly* [Word 1: Collection of Scientific Works Dedicated to the 20th Anniversary of Tambov Linguistic School]. Tambov, Tambov State University Publ., 1996. (In Russian).
3. Orlitskiy Y. Mezhdunarodnaya konferentsiya «Slovo», posvyashchennaya 20-letiyu Tambovskoy lingvisticheskoy shkoly [International Conference “The Word”, Dedicated to the 20th Anniversary of the Tambov Linguistic School]. *Vestnik gumanitarnykh nauk* [Journal of Humanities]. Moscow, 1995, no. 6, pp. 5-8. (In Russian).
4. Adamov N.A. *Problemy i perspektivy universitetskoy nauki* [Problems and prospects of science at the university]. (In Russian). Available at: <http://www.erej.ru/upload/iblock/19a/19ae3b9295938ac307cedc78767cf584.pdf> (accessed 10.12.2018).
5. Evgenyeva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka. T. 4* [Dictionary of the Russian Language. Vol. 4]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1984, 782 p. (In Russian).
6. Kolesov V.V. *Istoriya russkogo yazykoznaneya: Ocherki i etyudy* [History of Russian Linguistics: Essays and Studies]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University Publ., 2003, 471 p. (In Russian).
7. Kuznetsova V.F. Nauchnaya shkola [Scientific school]. *Natsional'naya filosofskaya entsiklopediya* [National Philosophical Encyclopedia]. (In Russian). Available at: <http://terme.ru/termin/nauchnaya-shkola.html> (accessed 10.12.2018).
8. Rudelev V.G. *Fonologiya slova* [Phonology of Word]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute, 1975. (In Russian).
9. Rudelev V.G. Otkrytiye, ne osmyslennoye vekom [The discovery, not comprehended by century]. *Lingvistika na iskhode XX veka: Itogi i perspektivy* [Linguistics at the End of the 20th Century: Results and Prospects]. Moscow, Moscow State University Publ., 1995, vol. 2, pp. 446-447. (In Russian).
10. Rudelev V.G. *Russkiy yazyk. Ucheniye o predlozhenii: uchebnik dlya VIII–IX klassov* [Russian Language. The Study of Sentence: Textbook for 8th – 9th Grades]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1992. (In Russian).
11. Rudelev V.G., Rudeleva O.A. *Vnachale bylo slovo (Populyarnaya lingvisticheskaya teoriya dlya uchениkov natsionalnykh shkol V–VII klassov)* [In the Beginning There Was a Word (Popular Linguistic Theory, for Students of National Schools of 5th – 7th Grades)]. Tambov, Tambov State University Publ., 1995. (In Russian).
12. Rudelev V.G. Tipy neytralizatsii i klassifikatsiya oppozitsiy (na materiale russkogo yazyka) [Types of neutralization and classification of oppositions (based on the materials of the Russian language)]. *Problemy strukturnoy lingvistiki. 1971* [Problems of Structural Linguistics. 1971]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 319-333. (In Russian).
13. Sharandin A.L., Gorvat G.F. Semantiko-derivatsionnyye oppozitsii po priznaku pola [Semantic and derivational opposition on the basis of gender]. *Semasiologiya i grammatika* [Semasiology and Grammar]. Tambov, 1978, pp. 25-30. (In Russian).
14. Drinyayeva O.A., Kamenskaya N.V., Rudeleva O.A. Fonologicheskiye metody, ikh universal'nost' i primeneniye za predelami fonologii [Phonological methods, their universality and application beyond phonology]. *Issledovaniya po russkoy fonologii* [Research on Russian Phonology]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute, 1987, pp. 115-123. (In Russian).
15. Reformatskiy A.A. *Iz istorii otechestvennoy fonologii* [From the History of Russian Phonology]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 528 p. (In Russian).

16. Rudelev V.G. Dinamicheskaya teoriya chastey rechi [Dynamic theory of parts of speech]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 1996, no. 1, pp. 83-89. (In Russian).
17. Rudelev V.G. Tipy i vidy grammatik. Sushchestvuyut li grammatiki, ne yavlyayushchiyesya semanticheskimi shifrom? [Types and kinds of grammars. Are there any grammars that are not semantic ciphers?]. *Semasiologiya i grammatika* [Semasiology and Grammar]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1977, pp. 11-15. (In Russian).
18. Rudelev V.G. Grammaticheskaya teoriya F.F. Fortunatova [F.F. Fortunatov's grammatical theory]. *Russkiye yazykovedy* [Russian Linguists]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1975, pp. 6-25. (In Russian).
19. Rudelev V.G. Dinamicheskaya teoriya chastey rechi russkogo yazyka [Russian language dynamic theory of parts of speech]. In: Rudelev V.G. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Tambov, Tambov State University Publ., 2002, vol. 6, pp. 36-49. (In Russian).
20. Rudelev V.G. K utochneniyu termina «dinamicheskaya sistema» primenitel'no k chasterechnomu mekhanizmu russkogo yazyka [To the specification of the term "dynamic system" in relation to the part-speech mechanism of the Russian language]. *Filologicheskaya regionalistika* [Philological Regionalistics], 2014, no. 1 (11), pp. 71-76. (In Russian).
21. Rudelev V.G. *Sushchestvitel'noye v russkom yazyke* [Noun in Russian Language]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1979, 74 p. (In Russian).
22. Rudelev V.G. Slovo v slovare [Word in the Dictionary]. In: Rudelev V.G. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Tambov, Tambov State University Publ., 2002, vol. 6, pp. 49-62. (In Russian).
23. Rudelev V.G. Tvorcheskij kharakter rechi [Creative Nature of Speech]. In: Rudelev V.G. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Tambov, Tambov State University Publ., 2002, vol. 6, pp. 113-115. (In Russian).
24. Rudelev V.G., Rudeleva O.A., Sharandin A.L. Vremennaya i vidovaya glagol'nyye sistemy russkogo yazyka na sluzhbe russkoy poezii (M. Lermontov. Borodino) [Temporal and specific verbal systems of the Russian language in the service of Russian poetry (M. Lermontov. Borodino)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, Tambov, 2012, no. 2 (106), pp. 94-103. (In Russian).
25. Sharandin A.L. Problemy russkoy grammatiki v trudakh professora V.G. Rudelyova [Issues of Russian grammar in V.G. Rudelev's works]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, Tambov, 2002, no. 3 (27), pp. 50-63. (In Russian).
26. Sharandin A.L. Ved' chto-to znachat slov spleten'ya: k voprosu o poeticheskom yazyke [After all, mixtures of words are meaningful: on poetical language]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2002, no. 3 (27), pp. 125-130. (In Russian).
27. Sharandin A.L., Piskunova S.V., Rudeleva O.A. Tambovskaya lingvisticheskaya shkola [Tambov Linguistic School]. *V labirinte soznaniya, vremeni i yazyka* [In the Labyrinth of Consciousness, Time and Language]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2013, pp. 14-22. (In Russian).

Информация об авторе

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: sharandin@list.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>

Поступила в редакцию 09.01.2019 г.

Поступила после рецензирования 21.01.2019 г.

Принята к публикации 25.03.2019 г.

Information about the author

Anatoly L. Sharandin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: sharandin@list.ru

Contribution: study conception, literature analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>

Received 9 January 2019

Reviewed 21 January 2019

Accepted for press 25 March 2019

Мария Знобищева

Памяти В.Г. Руделёва

Я не плачу, но вспомнить бы, как называется
След чужого дыхания на мокром стекле.
«Говори, говори же...» Но связь прерывается.
Нет, не все можно вымолвить здесь, на земле.

Надышать, нашептать, а сказать – не получится
Так, чтоб нежность легла, как рука на плечо.
Просто я ученица, наверно, не лучшая.
А в груди горячо, горячо...

Разлучится душа с человеческим обликом,
Содрогнется от счастья остаться нагой.
Вот она проплывает сияющим облаком,
Переливчатой сферой, небесной дугой.

Отойдите, деревья! Какие вы черные!
Разве он вам прекрасными быть не сказал?!
Вот и лютни запели, и в сборе придворные,
Но так тесен торжественный зал...

А душа добредет до небесного Бремена,
Где простор музыкантам и зритель не строг...
У глагола «любить» нет прошедшего времени.
Это был Ваш последний урок.

¹ ЗНОБИЩЕВА Мария Игоревна, кандидат филологических наук, поэт, литературный критик, член Союза писателей России, президент литературного клуба «Свеча». г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: znobishcheva@yandex.ru

ZNOBISHCHEVA Maria Igorevna, Candidate of Philology, Poet, Literary Critic, Member of the Union of Writers of Russia, President of Literary Club "Candle". Tambov, Russian Federation. E-mail: znobishcheva@yandex.ru

² Перепечатка с портала Стихи.Ру. © Мария Знобищева, 2018. Свидетельство о публикации № 118112204349 (дата обращения: 10.01.2019).

**Светлой памяти
Владимира Георгиевича Руделёва**

На 87-м году жизни покинул пределы этого мира выдающийся лингвист, педагог, поэт, прозаик, критик, член Международной Академии Зауми Владимир Георгиевич Руделёв.

45 лет назад профессор Руделёв возглавил кафедру русского языка на филфаке Тамбовского педагогического института. Мне довелось тогда слушать его первые лекции. В Тамбове он создал собственную лингвистическую школу, сделав наш город одним из центров современного языкознания, собирая на конференциях и симпозиумах цвет науки. Сам оригинальный литератор и глубокий знаток и аналитик литературы, Владимир Георгиевич рассматривал лингвистику как неотъемлемую часть филологии. А филологическая наука для него была частью художественности. Вспоминаю его внеучебные семинары, в которых на равных участвовали студенты, аспиранты и преподаватели, где анализировались самые разные тексты русских поэтов: от классических до авангардных и поставангардных. Диапазон его предпочтений в искусстве был органически широк. Он легко откликался на самые неожиданные идеи и сам выдвигал не менее неожиданные. Многие годы мы были в постоянном диалоге – дружеском и рабочем. Передо мной книги В.Г. Руделёва. Раскрываю – и диалог продолжается...

Сергей Бирюков

¹ БИРЮКОВ Сергей Евгеньевич, кандидат филологических наук, доктор культурологии, саунд-поэт, перформер, критик, переводчик, историк и теоретик авангарда, основатель и президент Международной Академии Зауми. Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, г. Галле, Саксония-Анхальт, Федеративная Республика Германия; почетный профессор. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: sibirjukov@googlemail.com

BIRYUKOV Sergey Evgenievich, Candidate of Philology, Doctor of Culturology, Sound Poet, Performer, Critic, Translator, Historic and Theoretic of Avant-Garde, Founder and President of International Academy of Zaum. Martin Luther University of Halle-Wittenberg, Halle, Saxony-Anhalt, Federal Republic of Germany; Honored Professor. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: sibirjukov@googlemail.com

² Перепечатка из: Поэтоград. Народная литературная газета. 2018. Декабрь. № 49 (357). С. 1. URL: <http://www.poetograd.ru/nomer.php?id=23717> (дата обращения: 09.01.2019).

Категория времени в современной науке: анализ и интерпретация

**Айнакуль Бектасовна ТУМАНОВА, Татьяна Васильевна ПАВЛОВА,
Наталья Юрьевна ЗУЕВА**

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, 71
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9666-069X>, e-mail: a.tumanova@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5597-4625>, e-mail: pavlova.tatyana@bk.ru
E-mail: nataliazueva@rambler.ru

The category of time in modern science: analysis and interpretation

Ainakul B. TUMANOVA, Tatyana V. PAVLOVA, Natalya Y. ZUEVA

Al-Farabi Kazakh National University
71 al-Farabi Ave, Almaty 050040, Republic of Kazakhstan
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9666-069X>, e-mail: a.tumanova@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5597-4625>, e-mail: pavlova.tatyana@bk.ru
E-mail: nataliazueva@rambler.ru

Аннотация. Посвящено описанию категории времени и ее интерпретации в современной науке. Представлен краткий обзор лексикографических источников и научных работ, посвященных определению данной категории и ее анализу. Цель – на основе анализа категории времени и ее типологии установить специфику художественного времени как текстовой категории. Приведены основные определения времени, представленные в разных науках: физике, философии, естествознании и лингвистике. Установлено, что категории времени и пространства являются взаимосвязанными и текстообразующими. Особое внимание уделено описанию художественного времени; в основу исследований положены работы Д.С. Лихачева, З.Я. Тураевой, И.Я. Чернухиной и др. Приведены основные показатели категории времени в художественном тексте: система глагольных форм, лексические единицы со значением времени, синтаксические конструкции. Для иллюстрации результатов наблюдений авторами представлена интерпретация художественного времени на основе поэтических текстов казахстанских писателей/поэтов (Т. Айбергенова, И. Исемберлина, А. Алимжанова). В исследовании использованы следующие приемы и методы: описательный, сравнительно-сопоставительный, наблюдение, метод сплошной выборки, лингвостилистический; подведены итоги.

Ключевые слова: категория времени; художественное время; текстовая категория; анализ; интерпретация

Для цитирования: Туманова А.Б., Павлова Т.В., Зуева Н.Ю. Категория времени в современной науке: анализ и интерпретация // Неофилология. 2019. Т. 5, № 18. С. 131-138. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-131-138

Abstract. We focus on the description of the time category and its interpretation in modern science. We present an overview of lexicographical sources and scientific papers on the definition of category and its analysis. Our purpose is to establish the specifics of artistic time as a text category based on the analysis of the time category and its typology. We give the basic definitions of time represented in different sciences: physics, philosophy, natural science and linguistics. We determine that time and space categories are interrelated and text-forming. We pay special attention to the description of artistic time. The research is based on the works of D.S. Likhachev, Z.Y. Turayeva, I.Y. Chernukhina and others. We provide the main indicators of time category in the artistic text: system of verb forms, lexical units with the meaning of time, syntactic constructions. To illustrate the results of observations, we present an interpretation of the artistic time based on materials of poetic texts of Kazakh writers and poets (T. Aybergenov, I. Isemberlin, A. Alimzhanov).

We use the following techniques and methods: descriptive, comparative, observation, method of continuous sampling, linguistic and stylistic; conclusions are drawn.

Keywords: time category; artistic time; text category; analysis; interpretation

For citation: Tumanova A.B., Pavlova T.V., Zuyeva N.Y. Kategoriya vremeni v sovremennoy nauke: analiz i interpretatsiya [The category of time in modern science: analysis and interpretation]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 18, pp. 131-138. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-131-138 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Известно, что категория времени является универсальной и многоаспектной. Проблемой времени стали заниматься вначале в естествознании, физике, философии, а затем и в других науках: культурологии, психологии, лингвистике, энтолингвистике и др. Прежде всего обратимся к этимологии понятия *время*. Слово *время* в русском языке является заимствованным из церковно-славянского, древнерусского 'веремья', образовано от той же основы, что и глагол *вертеть*; первоначальное его значение 'нечто вращающееся' [1, с. 361; 2, с. 81]. Наиболее полное его описание, на наш взгляд, приведено в Толковом словаре В.И. Даля: «ВРЕМЯ ср. длительность бытия; пространство в бытии; последовательность существования; продолжение случаев, событий; дни за днями и века за веками; последовательное течение суток за сутками» [3, с. 265].

В рамках физики и философии *время* представляется как базовая категория научной картины мира. В Толковом словаре С.А. Кузнецова указывается, что термин относится к философии, определяется как «основная (наряду с пространством) форма существования бесконечно развивающейся материи» [4, с. 157]. А в Новой философской энциклопедии дается детальная конкретизация данной формы: «ВРЕМЯ – форма протекания всех механических, органических и психических процессов, условие возможности движения, изменения, развития [5, с. 450]. Как видим, понятие *времени* соотносится с понятиями движение, цикличность, регулярность, последовательность. Здесь уместно привести и определение С.Т. Мелюхина, в котором *время* характеризуется как всеобщая форма бытия материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире [6, с. 94].

В естествознании понятия *времени* и *пространства* также не отделяются друг от

друга и понимаются как универсальные категории. Это значит, отмечает А.М. Мостепаненко, что ни одно явление или процесс невозможны вне пространства и времени [7, с. 21]. Ученый различает *время реальное* и *перцептуальное* (субъективное). *Реальное время* относится к сфере объективного внешнего мира, оно связано с порядком смены состояний реальных объектов и явлений. *Перцептуальное время* отражает восприятие внешнего мира отдельным индивидуумом, именно «с перцептуальным временем связано наше чувство настоящего, прошедшего и будущего» [7, с. 4-14]. По мнению исследователя, *перцептуальное время* не всегда совпадает с реальным, хотя является его отражением. *Реальное время* имеет два вида свойств: топологические (временной порядок, порядок смены событий; качественный аспект времени) и метрические (временная протяженность, длительность; количественный аспект времени) [7, с. 66-68].

В языкознании *время* понимается как антропоцентричная, субъективная категория, так как человек воспринимает мир через призму собственных ощущений. Мысль о том, что *время* соотносится со взглядом говорящего на мир, впервые появилась в теории лингвистической относительности Б.Л. Уорфа и затем продолжена в работах Ю.Д. Апресяна и Н.Д. Арутюновой.

Как известно, средства репрезентации *времени* существуют на грамматическом и лексическом уровнях. На лексическом уровне *время* представлено именами существительными с темпоральным значением, например: *секунда, минута, час, сутки, утро, день, вечер, ночь, весна, лето, осень, зима, пора, век, год, эпоха* и др. На морфологическом уровне представляется формами глаголов со значением времени, например: *наступает, наступил, наступит; живет, прожил, проживет* и др. На синтаксическом уровне *время* передается темпоральными синтакси-

ческими конструкциями, например: *Идет экзамен; Время прошло; Годы пролетят; Наступила минута славы, Время – деньги* и др.

Время получает выражение в языке, а следовательно, и в культуре. Данная категория связана с понятием языковая картина мира (ЯКМ), которая традиционно трактуется как «зафиксированная в языке специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности» [8, с. 9]. Иначе говоря, *время* – «вместилище событий, другое название жизни» [9, с. 55]. Действительно, жизнь человека состоит из таких элементов времени: *день, неделя, месяц; детство, юность, старость; рождение, момент, год, вечность, смерть* и др., по которым можно судить о том, что *время* измеримо и дискретно.

Сложность, многослойность понятия времени позволила ученым признать его универсальным концептом наряду с такими, как *судьба, душа, родина, дорога, труд* и др. (Н.Д. Арутюнова, Д.С. Лихачев, Ю.Д. Апресян, Т.В. Матвеева, И.Я. Чернухина, Ю.С. Степанов, В.А. Маслова и др.).

Исследователями выявлены разные модели концептуализации *времени* в различных культурах и языках. Так, с древнейших времен в сознании человека сосуществуют две основные модели *времени* – время «циклическое» и время «линейное». Циклическое представление о времени как о вращении по кругу, как о последовательности однотипных событий было характерно для архаических цивилизаций. Оно связано по происхождению с циклическими явлениями природы. А развитие представлений о линейном движении времени связано с формированием исторического сознания [8, с. 100-101; 9, с. 123-124]. *Линейное время* представляется как прямая линия без начала и конца, расчлененная «точкой присутствия» на прошлое, будущее и связующее их настоящее [10, с. 52]. Ученые отмечают, что в рамках ЯКМ *циклическое* и *линейное время* дополняют друг друга. *Циклическое* восприятие *времени* отражается в лексическом составе, *линейное время* – в грамматической системе [10; 11].

Кроме рассмотренных интерпретаций *времени*, существует и множество других. Так, в связи с развитием и активизацией ис-

следований в области лингвистики текста появился термин «текстовая категория времени» с соответствующей типологией. Т.В. Матвеева дает следующее определение: «Текстовая категория, с помощью которой содержание текста соотносится с осью времени: реальной исторической перспективной действительности или ее преломлением» [12, с. 536].

По мнению И.Я. Чернухиной, текстовая категория *времени* – векторная категория, имеющая полевой характер, в описании которой важна точка отсчета. Она определяет *время* как продукт творчества автора, то есть *время* определяется в художественном тексте и получает название *художественное время* [13, с. 38].

Первым ученым, обратившимся к исследованию *художественного времени*, был А.А. Потебня, который рассматривал соотношение *реального времени* и *художественного* в текстах устного народного творчества [14]. Термин «художественное время» введен в научный оборот Д.С. Лихачевым: Художественное время – это не мысль писателя о времени, это то время, «которое писатель сам творит в своем произведении» [15, с. 76].

Исследование трудов ученых показало наличие в науке различных типологий *художественного времени*:

- 1) реальное объективное, циклическое, субъективное, ирреальное (А.Ф. Папина);
- 2) календарное, событийное, перцептивное (Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова);
- 3) конкретное, абстрактное, обобщенное, поэтически трансформированное (И.Я. Чернухина);
- 4) сюжетное, фабульное, авторское, субъектное время персонажей (Н.А. Николина);
- 5) ирреальное (астральное, интерференальное, волшебное, мифологическое, сказочное, фантастическое, фантазмагорическое, время Зазеркалья) (А.Ф. Папина);
- 6) реальное и виртуальное (Т.В. Жеребило) (цитируется по словарю Т.В. Жеребило) [16, с. 395].

С позиции лингвистического подхода к анализу художественного произведения, на наш взгляд, наиболее перспективной является типология времени, представленная И.Я. Чернухиной [13]. Как справедливо отмечает автор, *художественное время* может

быть конкретное, абстрактное, обобщенное, поэтически трансформированное. Действительно, писателю/поэту в процессе создания произведения и раскрытия художественного вымысла на определенную тему – в результате творческого отражения действительности – избирается какое-то конкретное время создания, затем необходимо абстрагироваться от него для творческого полета мысли или представить время в обобщенном виде, направляя свои мысли к читателю любого поколения и времени. И, конечно, в творческом контексте художника слова *время* может быть и есть поэтически трансформированное. В этой связи можно согласиться с точкой зрения З.Я. Тураевой, что рассматривать художественное время нужно как одну из важных категорий текста: «лишь в тексте можно выявить кардинальные особенности времени» [17, с. 88]. В отличие от грамматической категории времени художественное время есть категория более сложная, родовая, ей подчиняется грамматическое время как одно из средств своего выражения [18, с. 210]. Исследователь отмечает, что категория художественного времени – это определенная модель действительности, в которой сочетаются реальное и вымысел. Поэтому художественное время представляется как переплетение свойств нескольких времен: реального, перцептуального и индивидуального [17, с. 87].

1. Художественный текст неповторим и индивидуален, в нем представлен творческий подбор языковых единиц различного уровня, что и характеризует своеобразность идиостиля того или иного писателя/поэта. Наблюдения показали, что для выражения *художественного времени* используются не только лексические средства, система грамматических времен, но и различные стилистические приемы, разного рода повторы, инверсии, композиция текста и др. Рассмотрим сказанное на конкретных примерах. Так, в стихотворении Т. Айбергенова *время* образно представляется с помощью словонаименований со значением движения, например: *время-поток, время-лавина, волны летящие, закружат тебя*. Сам лирический герой в движении: *иду я, желая, в пути берегу, обнимаю, не принимаю, и понять не могу*. В последних строчках стихотворения усили-

вается выразительность выражения авторской мысли посредством противопоставления характеристик ключевых слов *сокол* и *скакун* статичному и вечному понятию любви к родине. Сокол – птица, характерная для географического пространства Казахстана, автор включает в ее определение – *крылатая семья* (та, которая летит и летает в любое время, на то и даны крылья). Скакун – конь – важный концепт в тюркской культуре, они даны тоже в понимании движения во времени: *табун, свободой беспечный* (кони без привязи и стреноги). Но вот преданность, любовь к родной земле – *единственной и вечной* – это константы, это неизменно. Именно об этом с гордостью заявляет автор, что он предан своей родной земле – *единственной и вечной*, это то, что невозможно отнять у каждого человека. Ср.:

Время – поток. И лавина кипящая
Мчится вперед лишь, стогласно трубя.
Не поторопишься – волны летящие,
Словно песчинку, закружат тебя...
Иду я, желая любви и врагу,
И честь как святыню в пути берегу,
Я небо и землю душой обнимаю
И счастья без родины не принимаю –
И счастья такого понять не могу...

У сокола – своя крылатая семья.
У скакуна – табун, свободой беспечный.
Но преданны ль они вот так же, как и я,
Своей родной земле – единственной и вечной?
(Т. Айбергенов)

2. В народной песне «Елим-ай» – «О, мой многострадальный народ», представленной И. Есенберлиным в романе «Кочевники», описывается тяжелое время в жизни казахского народа – время бегства от джунгарского нашествия:

Караваны горя спускаются с гор Каратау,
И возле каждого каравана уныло плетется
Сиротинушка-верблюжонок.
О, как тяжело лишиться родины,
Крупные слезы мешают смотреть на мир...
О, что за время пришло – время страданий!
Птица счастья покинула нашу горькую степь.
Люди бегут из родных мест, как развеванные
бурей птицы,
Холоднее лютых буранов зимних оставляемый
ими белый след.

О, что за время пришло – время скорби великой!
И нет просвета в безбрежности времен...
Как одинокое дерево, оставшееся от родного леса,
Купаю свои ветви в озере горьких слез.
О, как тверда черная земля, когда спишь на ней
голым телом!

Откуда этот безбрежный поток горя и страданий?
Тяжко ступать ногам по этой земле...
Где ж наши быстрые кони, о господи?!
О, что за время пришло – время разлуки,
Дети на земле остались без родителей,
Ничего нет тяжелее прощания,
Когда не знаешь, встретишься ли вновь!..

(Народная песня в романе И. Есенберлина
«Кочевники», М., 1978)

Художественное время представлено в контексте песни особым подбором идентичных конструкций в виде повтора риторических предложений-восклицаний + конструкция-определение. Автор трижды обращается к образу *времени*, в каждом случае давая ему определения, в которых выражается его душевная боль и страдания: *время страданий, время скорби, время разлуки*. Ср.:

О, что за время пришло – время страданий!
О, что за время пришло – время скорби великой!
О, что за время пришло – время разлуки.

Горе людей сравнивается с птицами, разбросанными сильным ветром, лютыми буранами, с караванами, с потоком горя и страданий... В словах *птицы, бураны, караваны, поток*, как видим, наблюдается сема движения. Кроме того, автор дважды отмечает безбрежность (неограниченность, дискретность, линейность) времени, ср: *И нет просвета в безбрежности времен...; Откуда этот безбрежный поток горя и страданий?* Выражение высшей степени горя и страданий достигается автором, на наш взгляд, с помощью приема обобщения образа, идеи: И возле каждого каравана уныло плетется *сиротинушка-верблюжонок* (не верблюжата); *Птица счастья* покинула нашу горькую степь (не птицы); Как *одинокое дерево*, оставшееся от родного леса (не деревья); *Дети* на земле остались *без родителей* (не народ без родины). И это в целом усиливает драматизм художественного времени, представленного посредством описываемых событий – о бегстве народа, у которого нет

уверенности в возможность/вероятность возвращения в родные края:

Ничего нет тяжелее прощания,
Когда не знаешь, встретишься ли вновь!..

3. А. Алимжанов в своем историческом романе «Гонец» также описывает тяжелые времена джунгарского нашествия, трагедия которого усиливалась описанием великого голода, унесшего с собой сотни тысяч людей. Так, в авторских сентенциях, написанных в форме традиционного национального плача-жогтау по умершему, говорится об этом тяжелом времени в жизни казахского народа:

А над степью, умножая тоску, тихо и скорбно
неслись

Песни, одна печальнее другой...
Что за время? Время тоски... Время тяжких
испытаний...

Что за время? Время смут и унижений... Время
безвластья и раздоров... Будьте прокляты, ханы!
Что за время? Народ, как стадо, бежит от врага, и
пылью окутана степь, словно январской метелью.
Что за время? Время безвластья и страха...

Родина, родные остались позади. Лишь слезы,
лишь слезы застилают глаза...
Вернется ли счастье народу, вернется ли прошлое
единство?

Скажите нам, батыры...

(А. Алимжанов)

В контексте данного фрагмента *художественное время* представлено трижды посредством структурно-семантической модели: риторический вопрос + конструкция определения времени. Наши наблюдения позволяют утверждать, что автор намеренно отмечает: *это время не только тоски, испытаний, смут и унижений, но и время безвластья и раздоров, время безвластья и страха...* Ср.:

Что за время? Время тоски... Время тяжких
испытаний...

Что за время? Время смут и унижений... Время
безвластья и раздоров... Будьте прокляты, ханы!
Что за время? Время безвластья и страха...

Важно отметить, что в данных конструкциях дается не просто описание, но и выражение оценки важных исторических событий в судьбе родного народа с позиций совре-

менного взгляда, о которых раньше в исторических сведениях умалчивалось.

Таким образом, обзор и анализ научной литературы, посвященной категории времени, показал, что данная категория – сложная и многоаспектная. Особый интерес представляет исследование художественного времени как текстовой категории. Наши наблюдения показали, что при интерпретации категории времени в художественном тексте

следует учитывать план содержания и план выражения, которые вступают в сложные смысловые отношения и переплетения посредством различных языковых единиц разных уровней: лексического, морфологического, синтаксического (на примере поэтических текстов). На наш взгляд, исследования в этом направлении имеют большие перспективы.

Список литературы

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Пер. с нем. 4-е изд. Т. 1. М.: Прогресс, Астрель, 1986; 2004. 576 с.
2. Кузнецов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. 432 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. Санкт-Петербург; Москва: Изд-во тип. М.О. Вольфа, 1880–1882; 2000. 812 с.
4. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург; Москва: Норинт; Рипол классик, 2008. 1534 с. (Библиотека энциклопедических словарей).
5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / науч.-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. М.: Мысль, 2010. Т. 1. 744 с. URL: <https://alleng.org/d/phil/phil078.htm> (дата обращения: 15.01.2019).
6. Мелюхин С.Т. Время // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
7. Мостепаненко А.М. Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. Л.: Наука, 1969. 229 с.
8. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
9. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1-2-3. С. 47-56. URL: http://www.nspu.net/fileadmin/library/books/2/web/xrest/article/leksika/aspekts/yak_art01.htm (дата обращения: 15.01.2019).
10. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 1997; 2004. 982 с.
11. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. 352 с.
12. Матвеева Т.В. Текстовое время, или темпоральность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.
13. Чернухина И.Я. Общие особенности поэтического текста (лирика). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 160 с.
14. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 613 с.
15. Лихачёв Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74-87.
16. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.; 6-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2016. 610 с.
17. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст. Структура и семантика. М.: Просвещение; Либроком, 1986; 2012. 127 с.
18. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). М.: Высш. шк.; Либроком, 1979; 2009. 219 с.

References

1. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: in 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. 4th ed. Moscow, Progress, Astrel Publ., 1986, 2004, vol. 1, 576 p. (In Russian).
2. Kuznetsov G.A. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, Poligrafuslugi Publ., 2005, 432 p. (In Russian).

3. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. St. Petersburg, Moscow, M.O. Wolf's Typography, 1880–1882, 2000, vol. 1, 812 p. (In Russian).
4. Kuznetsov S.A. (ed.-in-chief). *Noveyshiyy bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Newest Large Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, Moscow, Norint, Rapol Classic Publ., 2008, 1534 p. (In Russian).
5. Stepin V.S., Guseynov A.A., Semigin G.Y., Ogurtsov A.P. (scientific editorial council). *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols.]. Moscow, Mysl Publ., 2010, vol. 1, 744 p. (In Russian). Available at: <https://alleng.org/d/phil/phil078.htm> (accessed 15.01.2019).
6. Melyukhin S.T. Vremya [Time]. In: Ilyichev L.F., Fedoseev P.N., Kovalev S.M., Panov V.G. (eds.). *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1989, 815 p. (In Russian).
7. Mostepanenko A.M. *Problema universal'nosti osnovnykh svoystv prostranstva i vremeni* [Versatility Problem of the Basic Features of Space and Time]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 229 p. (In Russian).
8. Yakovleva Y.S. *Fragments russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian Linguistic Worldview (Models of Space, Time and Perception)]. Moscow, Gnosis Publ., 1994, 344 p. (In Russian).
9. Yakovleva Y.S. K opisaniyu russkoy yazykovoy kartiny mira [To the description of the Russian linguistic worldview]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*, 1996, no. 1-2-3, pp. 47-56. (In Russian). Available at: http://www.nspu.net/fileadmin/library/books/2/web/xrest/article/leksika/aspekts/yak_art01.htm (accessed 15.01.2019).
10. Stepanov Y.S. *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury: opyt issledovaniya* [Constants: Dictionary of Russian Culture: Research Experience]. 3rd ed., rev., and add. Moscow, Akademicheskii Proyekt Publ., 1997, 2004, 982 p. (In Russian).
11. Arutyunova N.D. Vremya: modeli i metafory [Time: models and metaphors]. In: Arutyunov N.D., Yanko T.E. (executive eds.). *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical Analysis of Language. Language and Time]. Moscow, Indrik Publ., 1997, 352 p. (In Russian).
12. Matveyeva T.V. Tekstovoye vremya, ili temporal'nost' [Text time, or temporality]. In: Kozhina M.N. (ed.). *Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed., rev., and add. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006, 696 p. (In Russian).
13. Chernukhina I.Y. *Obshchiye osobennosti poeticheskogo teksta (lirika)* [General Features of the Poetic Text (Lyric)]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1987, 160 p. (In Russian).
14. Potebnya A.A. *Estetika i poetika* [Aesthetics and Poetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, 613 p. (In Russian).
15. Likhachev D.S. *Vnutrenniy mir khudozhestvennogo proizvedeniya* [The inner world of the artwork]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 1968, no. 8, pp. 74-87. (In Russian).
16. Zhrebilo T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 5th ed., rev., and add. Nazran, Pilgrim LLC Publ., 2010, 486 p.; 6th ed., rev., and add. Nazran, Pilgrim LLC Publ., 2016, 610 p. (In Russian).
17. Turayeva Z.Y. *Lingvistika teksta. Tekst. Struktura i semantika* [Text Linguistics. Text. Structure and Semantics]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., Librokom Publ., 2012, 127 p. (In Russian).
18. Turayeva Z.Y. *Kategoriya vremeni. Vremya grammaticheskoye i vremya khudozhestvennoye (na materiale angliyskogo yazyka)* [Time Category. Grammatical Time and Artistic Time (on Material of the English Language)]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., Librokom Publ., 1979, 2009, 219 p. (In Russian).

Информация об авторах

Туманова Айнакуль Бектасовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Вклад в статью: разработка дизайна исследования, применение различных приемов и методов исследования, окончательное одобрение рукописи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9666-069X>

Information about the authors

Ainakul B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor of Russian Philology and World Literature Department. Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Contribution: study design development, use of different research techniques and methods, final manuscript approval.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9666-069X>

Павлова Татьяна Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской филологии и мировой литературы. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: pavlova.tatyana@bk.ru

Вклад в статью: обзор научной литературы, анализ текстов казахских писателей и поэтов, написание части статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5597-4625>

Зуева Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и мировой литературы. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: nataliazueva@rambler.ru

Вклад в статью: анализ текстов народных казахских песен, написание и оформление статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Туманова Айнакуль Бектасовна
E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Поступила в редакцию 14.02.2019 г.
Поступила после рецензирования 12.03.2019 г.
Принята к публикации 20.05.2019 г.

Tatyana V. Pavlova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Russian Philology and World Literature Department. Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: pavlova.tatyana@bk.ru

Contribution: scientific literature review, Kazakh writers' and poets' texts analysis, part of article drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5597-4625>

Natalya Y. Zueva, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Philology and World Literature Department. Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: nataliazueva@rambler.ru

Вклад в статью: folk Kazakh song texts analysis, manuscript drafting and design.

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Ainakul B. Tumanova
E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Received 14 February 2019
Reviewed 12 March 2019
Accepted for press 20 May 2019

Метафора в терминосистеме банковского дела

Святослав Юрьевич СПИРЧАГОВ

ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет»
129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4, корп. 1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4555-6144>, e-mail: svyatoslavs@mail.ru

Metaphors in banking

Svyatoslav Y. SPIRCHAGOV

Moscow City University
4-1 2-y Selskokhozyaystvennyy Dr., Moscow 129226, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4555-6144>, e-mail: svyatoslavs@mail.ru

Аннотация. Современная теория метафоры подчеркивает ее когнитивную природу в отличие от традиционного взгляда на метафору как на троп. Приведены статус и значение концептуальных метафор банковской терминологии английского языка. Масштабный анализ корпуса банковского дискурса (1888728 слов) проведен для выявления использования данного тропа. Применение когнитивного подхода к банковскому дискурсу позволило выявить метафорические структуры, характеризующие банковский дискурс. Подтверждена возможность использования корпуса терминосистемы для выделения (органической, механической, военной, жидкостной, спортивной) моделей метафор. Данное исследование доказывает, что банковский дискурс часто использует метафоры и производит их заимствование из различных терминологических областей. Установлена эволюция некоторых метафор. Определены связи между понятийными областями когнитивных карт. Доказано, что не все семы переносятся из исходной в целевую область, что подтверждает их связь на понятийном уровне. Особое внимание уделяется связи института банкинга и социально-политических аспектов национальных культур. Это, в свою очередь, дало возможность обосновать и проверить теорию концептуальной метафоры, а также послужило средством для детального изучения концептуальных метафор как культурно обусловленного явления в языке. Учитывая, что метафора является динамическим когнитивным механизмом, обнаружены различные способы метафоризации.

Ключевые слова: эволюция банковской терминологии; моделирование; метафора; понятие; корпус терминосистемы; когнитивная лингвистика

Для цитирования: Спирчагов С.Ю. Метафора в терминосистеме банковского дела // Неофилология. 2019. Т. 5, № 18. С. 139-149. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-139-149

Abstract. Contemporary theory of metaphor highlights its cognitive nature as opposed to traditional view of metaphor as rather a trope. We address the status and significance of conceptual metaphors in English banking terminology. A large-scale corpus analysis of English banking discourse (1888728 words) is conducted to determine how this trope is used. The application of a cognitive approach to a banking discourse has led to identification of metaphoric structures characterizing banking discourse. We confirm the use of terminology system corpus for (organic, mechanical, military, liquid, sports) metaphor models. We prove that banking discourse is highly metaphoric and borrows metaphors from multiple terminological domains. We establish the evolution of certain metaphors. We define the connections between concept areas of cognitive maps. We also prove that not all semes are transferred from the source to the target area, which confirms the connection at the conceptual level. Special attention is paid to the nexus of banking institution and social and political aspects of national cultures. This in turn allows to substantiate and test the theory of conceptual metaphor, and also served as means for a detailed study of conceptual metaphors as a culturally determined phenomenon in language. Given that metaphor is a dynamic cognitive mechanism, we detect diverse ways of metaphorization.

Keywords: evolution of banking terminology, modelling, metaphor, concept, terminology system corpus, cognitive linguistics

For citation: Spirchagov S.Y. Metafora v terminosisteme bankovskogo dela [Metaphors in banking]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 18, pp. 139-149. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-139-149 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Когнитивная лингвистика утверждает, что человеческая мысль и язык основаны на опыте и взаимодействии, что делает дискурс продуктом познания и социального взаимодействия. Применение когнитивного подхода к исследованию банковской терминологии привело к выявлению метафорических структур, характеризующих данный дискурс. Метафора в специальной лексике является чрезвычайно актуальной проблемой. Эта актуальность объясняется как важностью роли метафоры в научном познании и в образовании новых терминов, так и многообразием подходов современной лингвистики к оценке и изучению этого явления. Теоретические положения данной работы опираются на фундаментальные идеи и концепции российских и зарубежных ученых в области лингвистики и терминологии: В.М. Лейчика, А.В. Татаринова, С.Д. Шелова, С.В. Гринева-Гриневича, В.П. Даниленко, Д.С. Лотте, К.Я. Авербуха, В.И. Карасика, Э. Сепира, П. Серио, Э.А. Сорокиной, Ю.С. Степанова, В. Antia, F. Bargiela-Chiappini, Teun A. van Dijk, R. De Beaugrande, M. Cabré, A. Cienki, H. Cuyckens, D. Geeraerts, J. Grady, C. Fillmore, M. Halliday, K. Kageura, Z. Kövecses, G. Lakoff, H. Picht, R. Temmerman, J. Sager и др. Объект исследования – специальная терминологическая лексика банкинга, а предмет – характеристика метафоры в когнитивном плане. Материалом исследования послужили: термины толкового словаря Dictionary of Banking Terms общим объемом 2852 единицы (все определения даны по данному словарю), эквивалент на русском языке взят из Большого англо-русского словаря по экономике и менеджменту ООО «Экономикус».

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ БАНКОВСКОГО ДЕЛА

Когнитивная лингвистика утверждает, что мысль и язык основаны на внешнем опыте

и взаимодействии с внешним миром, соответственно, дискурс является результатом познания и взаимодействия с социумом.

Понимание семантических методов модификации значения в терминологии удачно сформулировала Р. Теммерман: “The objectivist structuralist credo of traditional Terminology offered no tools for dealing with metaphor and metonymy, which were treated as unwanted and belonging to figurative language and had to be replaced by literal equivalents. Figurative language was avoided as it was an impediment for scientific i. e. logical thinking. Experientialism attempts to study the particular influence of metaphorical models on categorisation and understanding, whereas paradigmaticism studies the influences of existing categories on new ones.

In contrast with objectivism in which reality and the understanding thereof is seen as objective, language independent and disembodied, cognitive semantics sees understanding and categorisation as *experiential*, i. e. embodied and based on human interpretation, and as *paradigmatic*, i. e. influenced by previously acquired knowledge” [1, p. 69].

Рассматривая явление переноса значения, нам представляется необходимым разграничить явления метафоризации и метонимизации. Так, “Traditional linguists would say that at the heart of each metaphor is a similarity drawn between one entity and another: the entities themselves are separate and usually unrelated, and they represent different kinds of thing. In conceptual metaphor theory, this would be expressed in terms of correspondences between two entities which represent two different domains. In both cases, the topic and vehicle, or target and source, remain essentially separate. In contrast, at the heart of each metonym is a closeness rather than a similarity or correspondence (some scholars refer to this closeness as contiguity). The metonym is an integral part of the entity that it is used to refer to, or vice versa, or is closely connected to it by association: the two elements in a metonym are essentially part of a single thing, and belong to the same do-

main. The metonym either picks up on one component or connected feature in order to name the whole – or else picks up the whole to refer to a part” [2, p. 41].

Ассоциируя две различные категории объектов, метафора семантически двойственна. Двупланность, составляющая наиболее существенный признак метафоры, не позволяет рассматривать ее в изоляции от определяемого. Однако Дж. Грейди утверждает, что “directionality is more than an interesting and characteristic feature of metaphorical conceptualizations; it is evidence against a traditional and still common view of metaphor, in which a metaphorical usage is most fundamentally a reflection of “similarity” between the source and target ideas. If the ultimate basis for the Theories-as-Buildings pattern is an underlying similarity (called a ground, in some philosophical studies), metaphorical substitutions might be just as valid in either direction; clearly they are not. More importantly, there are cases where it is hard to identify what the similarity might be between the source and target concepts in a metaphor, even in a simple and familiar pattern such as the understanding of happiness as brightness” [3, p. 191].

Представляется целесообразным дать определение метафоре: “A linguistic metaphor is “a stretch of language that creates the possibility of activating two distinct domains”. There are no hard and fast rules for determining how long such a stretch is, and so we have to determine this based on the presence of topic and vehicle terms. The vehicle terms are “the words that signal the incongruous domain” [4, p. 674].

Например,

Pool – в общелитературном языке – лужа, лужица, бассейн.

Pool – в банковском деле – group of mortgages, consumer loans, commercial loans, or other credit receivables acting as collateral for an issue of bonds, mortgages backed securities, or asset-backed securities.

Метафоризация значения произошла посредством семы «общего фонда», множества предметов, намеренно объединенных для выполнения общей цели, как и бассейн – искусственный водоем, сооруженный для плавания множества людей.

Процесс метафоризации терминов банковского дела может привести к созданию

целого класса терминов. Рассмотрим указанное явление на примере термина *collar*:

Collar – в общелитературном языке – воротник.

Floor – в общелитературном языке – пол.

Cap – в общелитературном языке – шапка, головной убор.

Collar – в банковском деле – two-sided interest rate guaranty protecting both the borrower and lender. It consists of a floor and an interest rate cap. The lower end, the floor, assures the lender the rate will not fall below a fixed amount; the upper end, the cap, assures the borrower that the cost of credit will not rise above a stated level.

Как следует из данных определений, все три термина образованы метафоризацией, основанной на образном соответствии воротника. На русский язык понятие *collar* зачастую переводится как «вилка», «коллар», «воротник», «ошейник» (максимальное и минимальное ограничение цены в срочном или долгосрочном контракте; напр., ограничение ставки процента в облигационном займе. Комбинация двух опционов, которая представляет собой защиту накопленной ценности базового актива: одновременная продажа опциона «колл» по цене исполнения выше текущей и покупка опциона «пут» по цене исполнения ниже текущей; оба опциона «без денег», но один опцион продается, а другой покупается, что компенсирует потери). Значения двух других терминов – *floor* и *cap* – становятся понятными, если знать «основной термин». Ср.:

Floor – минимальный уровень (нижний предел ставки процента в облигационном или ипотечном займе с плавающей процентной ставкой).

Cap – верхний [максимальный] предел, потолок (верхний предел ставки процента в облигационном или ипотечном займе с плавающей процентной ставкой).

Cap and collar – «шапка и воротник» (условие кредита с плавающей процентной ставкой, по которому она не может превысить определенного максимума и опуститься ниже оговоренного минимума).

Или, например: *smurf* – a person who carries out cash transactions in a money laundering scheme. A smurf, also known as a runner, attempts to deposit cash in small amounts (under

\$10,000) to disguise the owners of the cash or to conceal the ultimate purpose for which the money will be used (человек, который помогает отмывать деньги; отмывать большую сумму денег, разбивая ее на небольшие порции, которые обрабатываются разными людьми в разных банках).

Smurfing is the term used for a person making deposits into various bank accounts on the same or subsequent days. (смерфинг (отмывание денег путем большого количества мелких банковских операций)) [5, p. 314].

По результатам анализа регистрируется метафоризация словосочетаний или отдельных компонентов. Таким образом, верно, что: "It is not a new scientific theory nor a new technical concept which is at play, but the development of an ideological paradigm aimed at influencing a collective perception" [6, p. 194].

Witching hour – в общелитературном языке – the witching hour the hour at which witches are supposed to appear, usually midnight.

Witching hour – в банковском деле – a critical moment on a stock exchange, where several options expire at the same time (час колдовства (время, когда истекают сроки фьючерсных и опционных контрактов)).

А также несколько других банковских терминов:

Double witching day – в банковском деле – double witching occurs when any two of the different classes of stock options, index options, stock index futures or single stock futures expire on the same day. It is similar to triple witching, and quadruple witching, except only two of the four classes of options or futures expire on the same day (день двойного колдовства (день, когда истекают сроки связанных опционных и фьючерсных контрактов (например, день исполнения опциона и фьючерса на один и тот же фондовый индекс))).

Triple witching day – в банковском деле – triple witching occurs when the contracts for stock index futures, stock index options and stock options expire on the same day. Triple witching days happen four times a year – on the third Friday of March, June, September and December. Triple witching days, particularly the final hour of trading preceding the closing bell, can result in escalated trading activity and volatility as traders close, roll out or offset their ex-

piring positions («тройной колдовской день» (третьи пятницы марта, июня, сентября и декабря, когда истекают сроки большинства фьючерсных и опционных контрактов (на индексы и отдельные акции)); обычно имеется в виду последний час торговли перед закрытием биржи, когда резко увеличиваются объемы торговли и усиливается неустойчивость конъюнктуры; в остальные месяцы в третьи пятницы также истекают сроки части контрактов, и активность на рынке несколько возрастает)).

К. Пантер и Л. Торнбург полагают, что: "it is sufficient to define conceptual metaphor as a case of structural similarity, i. e. a set of correspondences (mappings) between two conceptual structures (source and target). The relation between source and target can be seen as iconic (isomorphic): the target meaning is, mostly, conceptually organized in the same way as the source meaning, although certain correspondences may be blocked due to the inherent conceptual structure of the target meaning" [7, p. 16].

Chinese wall – в общелитературном языке – an insurmountable barrier, especially to the passage of information.

Chinese wall – в банковском деле – 1. popular name for the legal separation between a commercial bank and its trust department, designed to prevent conflicts of interest that may influence the trust department's role as a fiduciary and investment advisor for trust accounts (китайская стена, принцип китайских стен (разделение функций банка в сфере приема вкладов и кредитования и в сфере торговли ценными бумагами во избежание злоупотреблений в связи с использованием внутренней информации; для этого используются правила разделения функций, создаются изолированные подразделения или специализированные дочерние компании, причем головной банк часто не может быть клиентом последних)).

2. legal separation between commercial banking and investment banking dating to the Glass-Steagall act of 1933, which directed commercial banks to divest their investment banking subsidiaries (закон Гласса-Стиголла (запрещает коммерческим банкам заниматься размещением и другими операциями с ценными бумагами, 1933 г.)).

В нижеприведенных примерах значения слов *loan shark*, *dragon* («азиатский дракон», так как дракон ассоциируется с Азией), *phantom* совпадают с общелитературными значениями:

Loan shark – lender, other than a regulated financial institution, who makes a business of lending money at rates above legally permitted interest rates. An example is a \$5 loan on Monday to be repaid Friday for \$6 – an annual percentage rate of 1040 %, not including interest compounding. Loan-sharking was a pervasive activity through much of the nineteenth century, leading to the formation of cooperative associations, such as mutual savings banks and credit unions, to arrange small loans at reasonable interest rates. State small loan laws generally prohibit loan-sharking, although state laws differ on what is, or is not, an excessive rate of interest.

Dragon bond – A U.S. dollar-denominated bond issued in the so-called “Dragon” economies of Asia, such as Hong Kong, Singapore, and Taiwan ((евро-долларовая облигация, выпущенная на рынок одной из быстроразвивающихся азиатских стран и имеющая листинг на какой-либо азиатской бирже, обычно в Сингапуре или Гонконге)).

Phantom income – income represented by ownership of a security considered taxable to the holder, even though no cash is received (призрачный доход, условный доход – доход, на который есть право, но который еще не получен).

Интересным термином является *arm’s length transaction* – transaction carried out by unrelated or unaffiliated parties, as by a willing buyer and a willing seller, each acting in his own self-interest. Pricing based on such transactions is the basis of fair market valuations (сделка «на расстоянии вытянутой руки», коммерческая сделка, сделка без заинтересованности (сделка между сторонами, которые не имеют каких-либо юридических и финансовых связей, для предотвращения конфликта интересов (напр., сделка между мужем и женой или между корпорацией и дочерней компанией не может считаться сделкой «на расстоянии вытянутой руки»); сделки такого рода являются основой для независимого определения рыночной цены предмета сделки (напр., актива); при составлении финансовой отчетности предполагается, что все сдел-

ки были коммерческими, но поскольку это может быть не так, и при этом пользователь отчетности не будет знать об этом, существуют стандарты, требующие раскрытия информации о сделках между связанными сторонами)). Первое впечатление о термине *arm’s length transaction* может быть ошибочно, так как складывается впечатление «близости», нахождения на расстоянии «вытянутой руки». Однако данный термин образовался из образа первого рукопожатия незнакомых (*unrelated, unaffiliated*) людей.

Элементы, обозначающие цвета и звуки, широко используются в качестве терминов, образованных на основе метафоры:

blue sky laws – US state laws to protect investors against fraudulent traders in securities;

blue chip – a very safe investment, a risk-free share in a good company;

blue-chip investments, blue-chip shares, blue-chips – low-risk shares in good companies;

boom share – a share in a company which is expanding.

Метафора достаточно широко используется при образовании прилагательных и наречий:

bricks-and-mortar (прилагательное) – 1. conducting business in the traditional way in buildings such as shops and warehouses and not being involved in e-commerce. 2. referring to the fixed assets of a company, especially its buildings;

clicks-and-mortar (прилагательное) – denoting a business that trades from physical premises (“bricks”) as well as on the Internet (“clicks”);

belly up – to go belly up – to fail or to go into liquidation.

Редки случаи использования метафоры для создания юмористического эффекта, однако, в следующем примере очевидна отсылка к терминам, имеющим сему *blue*:

And Paulson was a smart guy. Handpicked by President George W. Bush the year before, he had been the chairman of *Goldman Sachs, the bluest of Wall Street’s blue bloods*. He was an Ivy Leaguer, a man who knew what the hell he was talking about [8, p. 6].

Очевидно, что границы метафоры нечетки. Дж. Грейди высказывается об этом факте следующим образом: “...it is difficult or impossible to make neat distinctions between me-

taphorical and nonmetaphorical language. For example, there is no sharp line between metaphor and cases where a category is “stretched” to accommodate a new item, and the difference between metaphor and literal language can be seen as a matter of degree rather than a qualitative distinction. At bottom, these difficulties arise because it is often (perhaps usually) not possible to give precise definitions for individual concepts or conceptual domains” [3, p. 206].

Мы выделяем наиболее четко очерченные категории метафоры (organic, mechanical, warfare, liquids, and sports [9, p. 144]) и экстраполируем список Б. Камичиоттоли на наш корпус, представив результаты анализа в виде табл. 1.

По результатам нашего анализа наибольшей частотностью обладает «спортивная» метафора (run, home, go, record, play, game, lose, strike, team, track, score, win, race,

park, catch, ball, turf, bat, coach), что можно объяснить высокой конкуренцией, стремлением получить максимальный доход. Меньшей частотностью обладает «военная» метафора (take over, war, target, force, attack, hit, withdraw, fight, struggle, defend, battle, dominate, hostile, enemy, combat, kill, conquer, raid, mobilize, invade, manoeuvre, retaliate, truce), что объясняется стремлением банковской системы сохранить себя в обществе, а также противодействием людей, обществ, теорий этой зачастую нелегальной системе банкинга. Категории «органической» и «механической» метафоры представлены практически в равном объеме. Частотность глаголов «жидкостной» метафоры низка. Полученные данные отражают понимание социально-политических и культурных процессов и их влияние на банкинг.

Таблица 1

Частотные характеристики категорий метафоры в банковском дискурсе
(на основе анализа главного корпуса)

Категория метафоры	Частотность	Категория метафоры	Частотность	Категория метафоры	Частотность	Категория метафоры	Частотность	Категория метафоры	Частотность
Органическая		Механическая		Военная		Жидкостная		Спортивная	
strong	3252	start up	107	take over	147	flow	2062	run	3686
health	860	slow down	59	war	4885	liquid	1040	home	3568
grow	682	force	1927	target	2703	bubble	630	go	3353
suffer	565	move	1893	force	1927	float	445	record	1281
die	378	drive	767	attack	602	circulate	218	play	1185
survive	297	leverage	706	hit	515	dry	105	game	1083
sustain	292	fine	598	withdraw	413	fluid	76	lose	936
stimulate	240	slow	555	fight	348	inject	54	strike	577
mature	212	trigger	358	struggle	296	leak	36	team	569
recover	207	pick up	86	defend	269	buoyant	24	track	500
boost	206	engine	167	battle	257	mop	14	score	465
remedy	206	fuel	161	dominate	247	trickle	9	win	366
chronic	152	accelerate	152	hostile	219			race	242
cure	147	halt	102	enemy	151			park	193
disease	130	pump	58	combat	148			catch	186
sick	70	catalyst	52	kill	80			ball	129
flourish	52	overhaul	45	conquer	56			turf	43
starve	30	brake	33	raid	51			bat	34
symptom	29	spark	32	mobilize	42			coach	20
wither	14	gear	30	invade	40				
ail	12	dismantle	19	manoeuvre	37				
stunt	5	dampener	5	retaliate	4				
resuscitate	1	locomotive	5	truce	4				
		overheat	5						
		sputter	3						
Итого	8039		7925		13441		4713		18416

Интересен термин *junk bond*, который является результатом эволюции источника метафоры – *junk food*, который появился раньше (*junk food* – food that has low nutritional value, typically produced in the form of packaged snacks needing little or no preparation). Приведем определение термина *junk bond*:

Junk bond – bond issued by companies whose credit ratings are below investment grade, and generally given a bond rating of BB or lower by bond rating agencies. Bond ratings higher than BB are possible, though, through over collateralization. To attract investors, junk bonds pay a higher interest rate than INVESTMENT GRADE bonds and are regarded as speculative investments, because the bond issuers either are unknown in the market or are well-known companies that are highly leveraged. The bonds pay higher yields because the credit risk is greater than in investment grade issues.

Очевидно, что новая сема активировалась в метафоре посредством перехода *low nutritional value* в *below investment grade*, однако, банковский термин имеет сему “credit risk is greater”, которая отсутствует («вредная для здоровья») в термине *junk food*. Появившаяся сема «рискованный» говорит о сдвиге значения, когда в метафоре происходит сдвиг идеологии, новая сема выкристаллизовывается с понятием «опасный для средств, а значит и для здоровья». Отсутствие доверия к такому виду инвестициям повлияло на появление термина *junk science* (used to refer to ideas and theories that seem to be well researched and scientific but in fact have little evidence to support them), который используется за пределами терминосистемы банкинга.

Разнонаправленные тенденции рынка также могут быть источниками метафор.

Bear spread – trading strategy in which a trader sells contracts (goes short) in nearby months and buys contracts (goes long) in months further out, acting on the belief that short-term interest rates are rising faster than long-term rates and market prices of currencies, financial instruments, and so on, are falling. This is selling the spread in futures trading. In options trading, a combination of puts and calls intended to take advantage of falling prices. The opposite is a bull spread.

Bull spread – trading strategy in which a trader buys contracts in nearby months (goes long), and sells contracts in future months (goes short), expecting to realize a profit if prices rise.

Семы «понижающихся» и «повышающихся» цен являются общеизвестными, однако, являются ли способы атаки данных животных или слова “bulletin” (документы, которые заполняли при активной торговле) и “bare” (пустая, незаполненная доска во время торгов) источниками метафоры, установить трудно. Но метафора *bear* дала ряд терминов:

Bear squeeze – official intervention by central banks in the foreign exchange markets to force speculators short selling a currency to cover their positions, preventing the speculators from making quick profits;

Bear bond – bond considered likely to increase in value in a bear market, i.e., when interest rates are rising.

Важным является идеологичность банковского дискурса. Ведь, по мнению Л. Камерон: “In situated discourse collections of connected metaphors are ‘systematic metaphors’ relative to a particular socio-cultural group or discourse community. Appropriate descriptors for systematic metaphors are not the highly generalized labels given to conceptual metaphors, but labels that work at a level of generalization just sufficient to gather together the ideational and affective content of the connected linguistic metaphors. Systematic metaphor can be used as evidence of the thinking within the particular discourse community” [10, p. 324]. Участники банковского дискурса должны знать метафорические значения для того, чтобы принадлежать банковскому дискурсивному сообществу. Метафора может развиваться в другой терминосистеме и перейти в банковскую:

Stress test – simulation technique to evaluate a bank’s survivability if sudden, unanticipated events were to occur. Stress tests help determine the amount of private capital a bank would need to get through a severe economic downturn. The Treasury Department performed stress testing on major U.S. banks in 2009, a period of general economic instability (тестирование с нагрузкой, стресс-тест: а) (проверка функционирования системы в условиях нагрузки); б) (моделирование влияния различных возможных состояний рынка на эффективность портфеля финансовых инструмен-

тов)). Или *blind trust* – trust created to avoid appearance of conflict of interest by an individual whose job involves a conflict with investing. The party named as trustee can be a bank trust department or any third party, other than a relative, employee, or business partner (слепой трастовый фонд (траст, бенефициары которого не могут получать информацию об активах фонда и влиять на решения, принимаемые доверительными управляющими (попечителями) фонда; как правило, речь идет о фонде, где помещаются ценные бумаги физического лица, должность которого создает возможность конфликта интересов при принятии инвестиционных решений (напр., ценные бумаги политического деятеля); называется слепым, потому что такое лицо не имеет права делиться информацией с управляющими фондом, соответственно, и оно не может получать информацию об активах фонда)).

Очевидно, что технический (и/или медицинский) термин ограничил понятие из другой области, дав толчок новой теории в специальной области, а также объяснил неспециалистам данное понятие. Но и данное утверждение не всегда верно. Например, термин *straddle* (simultaneous purchase of a call option and a put option with the same exercise date and exercise price. This is an option position designed to profit from an expected increase in the price volatility of the underlying instrument) раскрывает свое значение через сему «шагать, быть широко расставленными (о ногах), растягиваться, перекидываться», а именно: опционная стратегия, которая заключается в одновременной покупке «колл» и «пут» опционов с одинаковой ценой исполнения, применяется в том случае, если инвестор предвидит резкое изменение курса того или иного актива, однако, не уверен, в каком направлении это изменение реализуется – пойдут цены вверх или вниз. Однако для понимания данного метафорического термина требуется знание еще ряда метафорических терминов: *call option* (опцион покупателя [«колл», на покупку], колл-опцион, колл (право купить определенный финансовый инструмент или товар по оговоренной цене до истечения оговоренного срока, предоставленное продавцом опциона в обмен на полученную при продаже опциона премию; конкретные условия зависят от типа опционного

контракта)), *put option* (опцион продавца [на продажу], опцион «пут» (контракт, дающий покупателю право (но не обязанность) продать соответствующий финансовый инструмент по оговоренной цене в течение определенного времени в обмен на уплату премии; покупаются инвесторами, которые верят в снижение цен инструментов в основе опционов)), *exercise date* (дата истечения (срока) опциона (последний день, в который опцион может быть исполнен)), *exercise price* (цена исполнения, цена страйк, страйк-цена (цена, по которой владелец опциона может купить или продать ценную бумагу или другой актив, лежащий в основе опционного контракта)).

Следовательно, образование банковских терминов на основе метафоры происходит под влиянием систематических метафорических соотношений близких идей – проецируя элементы одной концептуальной области на элементы банковской области (объекты, характеристики, отношения, события, сценарии). Например, *white knight* – в общелитературном языке – a person or thing that comes to someone's aid.

These alternatives can include selling the company either to a white knight or to a group of investors seeking to buy the company as an LBO. To find an international LBO opportunity, or a white knight, one has to be able to access potential participants in the United States and the rest of the world quickly, efficiently, and confidentially. U.S. firms have this capability and, after a slow beginning, it has become fairly common to see U.S. investment banks working alongside, or in place of, British merchant banks in raid defenses in the United Kingdom and in seller representations in the rest of Europe [11, p. 213].

Употребление в тексте банковского термина наряду с квазисинонимичным термином (LBO – leverage buy-out – выкуп за счет кредита (покупка контрольного пакета акций корпорации, финансируемая выпуском новых акций или с помощью кредитов, которые должна погасить сама корпорация (обеспечением служат ее активы); такой выкуп корпорации может быть организован ее менеджерами; иногда предполагается ликвидировать компанию и заработать на распродаже ее активов)) не выделяет таковой из текста, где *white knight* – «белый рыцарь» (дружест-

венный инвестор, который делает новое, более выгодное, предложение о поглощении компании, уже являющейся объектом попытки враждебного поглощения со стороны «черного рыцаря»).

Отличительной и значимой особенностью метафоры является ее способность формировать и вербализовать новые понятия в тех подсистемах языка, где установка на образность не является ведущей, в том числе в банковском дискурсе.

Niche – в общелитературном языке – 1 a: a recess in a wall esp. for a statue;

b: something that resembles a niche;

2 a: a place, employment, status, or activity for which a person or thing is best fitted;

b: a habitat supplying the factors necessary for the existence of an organism or species;

c: the ecological role of an organism in a community esp. in regard to food consumption;

d: a specialized market.

Niche – в банковском деле – bank that services only a segment of the market in its geographic region, or that offers a limited number of services to its special advantage.

Mezzanine – в общелитературном языке – 1: a low-ceilinged story between two main stories of a building; esp.: an intermediate story that projects in the form of a balcony;

2 a: the lowest balcony in a theater;

b: the first few rows of such a balcony.

Mezzanine financing – 1. in corporate finance, a leveraged buyout or restructuring financed through subordinated debt, such as preferred stock or convertible debentures;

2. second or third level financing of companies financed by venture capital.

New York interest – interest computed by the exact number of days in a month, rather than a 30-day month or other combinations.

Odd days interest – interest earned in a mortgage or closed-end installment loan during a time interval that is either longer or shorter than other loan payment periods.

Quick assets – current assets of a business, excluding inventories, that could be converted into cash if necessary within a short period, usually one year or less.

Cloud on title – title that is encumbered by prior liens, attachments, or court judgments, impairing the owner's ability to transfer title to someone else.

Bargain hunter – a person who looks for cheap deals (искатель выгодных сделок (инвестор или биржевой игрок, стремящийся купить акции по исключительно низкому курсу)).

Bargain hunting – noun looking for cheap goods or shares, which no one has noticed (покупка акций, цены которых низко упали, в расчете на перепродажу при новом повышении их стоимости).

Catastrophe bond – a bond with very high interest rate but, which may be worth less, or give a lower rate of interest, if a disaster such as an earthquake occurs.

Underwater loan – a loan which is worth less than its book value, as when an item bought with a loan loses its value on the market.

Underwater option – an option which has no value.

Мы также можем отметить прием персонализации, который наделяет человеческими чертами различные сущности.

A low reading is interpreted to mean that a central bank will not have to increase interest rates to fight inflation. A jump in a price index, however, could have the opposite effect. Inflation watching is a favorite pastime of market players [12, p. xxii].

Невозможно отделить реализации концептуальной метафоры от лингвистического, когнитивного и социального контекста, а значит, требуется дискурсивный и корпусный подход к изучению метафоры. Электронные корпуса могут способствовать обнаружению паттернов употребления быстрее, чем интуиция или анализ индивидуальных тестов. Конечно, по верному замечанию С. Везеца: “Computerised corpus analysis cannot aid in detecting a creative, extraordinary or idiosyncratic use of language; instead, it helps the researcher observe the usual and typical patterns of particular words within its immediate linguistic environment. That would leave us with conventional and dead metaphors” [13, p. 167]. Однако этому можно противопоставить тот факт, что многие метафоры клишированы, конвенциональны, и их новизна парадигматически и синтагматически ограничена. Метафора может быть не только способом пополнения данной терминосистемы, но определять способ концептуализации явлений в других терминосистемах, а также и в

общелитературном языке, где термин может повлиять на идеологическую парадигму.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы можем сделать вывод, что метафора является продуктивным способом образования терминов дела, однако ее удельный вес невелик – 12,76 % терминов от общего числа нашей выборки. Образование банковских терминов на основе метафоры происходит под влиянием систематических метафорических соотношений близких идей – проецируя элементы (объекты, характеристики, отношения, события, сценарии) одной концептуальной области на элементы банковской сферы. На основе масштабного анализа корпуса банковского дискурса были определены статус и значение концептуальных метафор банковской терминологии английского языка. Подтверждена возможность использования корпуса терминосистемы для выделения (органической, механической, военной, жидкостной, спортивной) моделей метафор. Установлена эволюция некоторых метафор. Доказано, что не все семы переносятся из исходной в целевую область, что подтверждает

их связь на понятийном уровне. Термины-метафоры банкинга являются культурно и социально-политически обусловленным явлением в дискурсе.

Такого рода термины могут применяться в банковском дискурсе благодаря тому, что их значения точно определены в специальных отраслевых словарях, поэтому их «стершаяся» внутренняя форма не влияет на их правильное понимание в контексте.

Установлена эволюция некоторых метафор. Определены связи между понятийными областями когнитивных карт. Доказано, что не все семы переносятся из исходной в целевую область, что подтверждает их связь на понятийном уровне. Особое внимание уделяется связи института банкинга и социально-политических аспектов национальных культур. Это, в свою очередь, дало возможность обосновать и проверить теорию концептуальной метафоры, а также послужило средством для детального изучения концептуальных метафор как культурно обусловленного явления в языке. Учитывая, что сама метафора является динамическим когнитивным механизмом, мы обнаружили различные способы метафоризации.

Список литературы

1. *Temmerman R.* Towards New Ways of Terminology Description: The Sociocognitive Approach. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Company, 2000. 258 p.
2. *Knowles M., Moon R.* Introducing Metaphor. N. Y.: Routledge, 2006.
3. *Grady J.E.* Metaphor // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* / ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford: Oxford University Press, 2007.
4. *Cameron L.* Metaphor in Educational Discourse. L.: Continuum, 2003.
5. *Manning G.A.* Financial Investigation and Forensic Accounting. Boca Raton: Taylor and Francis Group, 2005.
6. *Rossi M.* Terminological metaphors and the nomadism of specialized terms: some observations on intralinguistic and interlinguistic variation // *Multiple Perspectives on Terminological Variation* / ed. by P. Drouin, A. Francœur, J. Humbley, A. Picton. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Company, 2017. P. 181-211.
7. *Panther K.-U., Thornburg L.L.* Metonymy // *Handbook of Cognitive Linguistics* / ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 236-263.
8. *Muolo P., Padilla M.* Chain of Blame. How Wall Street Caused the Mortgage and Credit Crisis. Hoboken: John Wiley and Sons, Inc., 2007.
9. *Camiciottoli B.C.* The Language of Business Studies Lectures: a Corpus-Assisted Analysis. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Company, 2007. 236 p.
10. *Cameron L.* A discourse approach to metaphor: explaining systematic metaphors for literacy processes in a school discourse community // *Language in the Context of Use: Usage-Based Approaches to Language and Language Learning* / ed. by A. Tyler, Y. Kim, M. Takada. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008.
11. *Smith R.C., Walter I.* Global Banking. Oxford: Oxford University Press, Inc., 2003.
12. *Picker A.D.* International Economic Indicators and Central Banks. Hoboken: John Wiley and Sons, Inc., 2007.

13. Vereza S. Exploring metaphors in corpora // *Confronting Metaphor in Use: an Applied Linguistic Approach* / ed. by M.S. Zanotto, L. Cameron, M.C. Cavalcanti. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Company, 2008.

References

1. Temmerman R. *Towards New Ways of Terminology Description: The Sociocognitive Approach*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ. Company, 2000, 258 p.
2. Knowles M., Moon R. *Introducing Metaphor*. New York, Routledge, 2006.
3. Grady J.E. Metaphor. In: Geeraerts D., Cuyckens H. (eds.). *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford, Oxford University Press, 2007.
4. Cameron L. *Metaphor in Educational Discourse*. London, Continuum, 2003.
5. Manning G.A. *Financial Investigation and Forensic Accounting*. Boca Raton, Taylor and Francis Group, 2005.
6. Rossi M. Terminological metaphors and the nomadism of specialized terms: some observations on intralinguistic and interlinguistic variation. In: Drouin P., Francœur A., Humbley J., Picton A. (eds.). *Multiple Perspectives on Terminological Variation*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ. Company, 2017, pp. 181-211.
7. Panther K.-U., Thornburg L.L. Metonymy. In: Geeraerts D., Cuyckens H. (eds.). *Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford, Oxford University Press, 2007, pp. 236-263.
8. Muolo P., Padilla M. *Chain of Blame. How Wall Street Caused the Mortgage and Credit Crisis*. Hoboken, John Wiley and Sons, Inc., 2007.
9. Camiciottoli B.C. *The Language of Business Studies Lectures: a Corpus-Assisted Analysis*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ. Company, 2007, 236 p.
10. Cameron L. A discourse approach to metaphor: explaining systematic metaphors for literacy processes in a school discourse community. In: Tyler A., Kim Y., Takada M. (eds.). *Language in the Context of Use: Usage-Based Approaches to Language and Language Learning*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2008.
11. Smith R.C., Walter I. *Global Banking*. Oxford, Oxford University Press, Inc., 2003.
12. Picker A.D. *International Economic Indicators and Central Banks*. Hoboken, John Wiley and Sons, Inc., 2007.
13. Vereza S. Exploring metaphors in corpora. In: Zanotto M.S., Cameron L., Cavalcanti M.C. (eds.). *Confronting Metaphor in Use: an Applied Linguistic Approach*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ. Company, 2008.

Информация об авторе

Спирчагов Святослав Юрьевич, соискатель, кафедра англистики и межкультурной коммуникации института иностранных языков. Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: svyatoslavs@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, обработка материала, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4555-6144>

Поступила в редакцию 15.04.2019 г.

Поступила после рецензирования 27.05.2019 г.

Повторное рецензирование 04.06.2019 г.

Принята к публикации 17.06.2019 г.

Information about the author

Svyatoslav Y. Spirchagov, Competitor, Anglistics and Intercultural Communication Department of Institute of Foreign Languages. Moscow City University, Moscow, Russian Federation. E-mail: svyatoslavs@mail.ru

Contribution: study conception, material processing, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4555-6144>

Received 15 April 2019

Reviewed 27 May 2019

Second peer review round 4 June 2019

Accepted for press 17 June 2019

**Врачи-иностранцы в произведениях Ф.М. Достоевского:
ономастический аспект****Светлана Анатольевна СКУРИДИНА**ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026, Российская Федерация, г. Воронеж, Московский пр-т, 14
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4449-938X>, e-mail: saskuridina@yandex.ru**Doctors-foreigners in the Dostoevsky's works:
onomastic aspect****Svetlana A. SKURIDINA**Voronezh State Technical University
14 Moskovskiy Ave., Voronezh 394026, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4449-938X>, e-mail: saskuridina@yandex.ru

Аннотация. Раскрывается специфика антропонимикона врачей-иностранцев в творчестве Ф.М. Достоевского. Обращение писателя к образу врача обусловлено стремлением Ф.М. Достоевского ответить на вопрос, является ли человек данной профессии только врачом тела или может выступать в роли врача души и даже духа. Размышления о предназначении врача продиктованы биографией Ф.М. Достоевского: в области медицины работал не только отец писателя – М.А. Достоевский, но и его двоюродный дед – В.М. Котельницкий. Цель данной работы – выявление особенностей антропонимической лексики, используемой для номинации врачей. Именник врачей в художественных текстах Ф.М. Достоевского социально и национально детерминирован, а также хронотопичен: обилие иностранных антропонимов является яркой характеристикой изображаемой писателем эпохи, когда врачебную практику вели специалисты, приехавшие из других стран. Ф.М. Достоевский создает антропонимы по традиционным моделям, типичным для того или иного языка, но при этом использует легко раскрываемую этимологию, в связи с чем многие иностранные фамилии можно отнести к числу «говорящих» и комических, способствующих созданию образа малокомпетентного и странноватого лекаря. Другим распространенным приемом ономастической лаборатории Ф.М. Достоевского является уподобление иноязычного имени русскому – с целью снижения или разоблачения образа врача.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; ономастика; антропоним; антропонимы врачей; прототип

Для цитирования: Скуридина С.А. Врачи-иностранцы в произведениях Ф.М. Достоевского: ономастический аспект // Нефилология. 2019. Т. 5, № 18. С. 150-155. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-150-155

Abstract. We reveal the specificity of anthroponymicon of doctors-foreigners in the Dostoevsky's works. The writer's appeal to the image of a doctor is due to the desire of F.M. Dostoevsky to answer the question whether a person of this profession is only a healer of the body or can act as a healer of the soul and even spirit. Reflections on the purpose of the doctor dictated by the F.M. Dostoevsky biography: in the field of medicine worked not only the writer's father – M.A. Dostoevsky, but also his great-uncle V.M. Kotelnitsky. The purpose of this study is to identify the features of anthroponymic vocabulary used for doctors nominations. Doctors' list of names in Dostoevsky's literary texts is socially and nationally determined, as well as chronotopical: the abundance of foreign anthroponyms is a vivid characteristic of the era depicted by the writer, when medical practice was conducted by specialists who came from other countries. F.M. Dostoevsky creates anthroponyms according to traditional models typical for a particular language. At the

same time, he uses an easily disclosed etymology, in connection with which many foreign surnames can be attributed to “eloquent” and comic, contributing to the creation of an incompetent and strange doctor’s image. Another common technique of onomastic Dostoevsky’s laboratory is the assimilation of foreign name with Russian – with the aim of reducing or disclosure of the doctor’s image.

Keywords: F.M. Dostoevsky; onomastics; anthroponym; doctors’ anthroponyms; prototype

For citation: Skuridina S.A. Vrachy-inostrantsy v proizvedeniyakh F.M. Dostoyevskogo: onomasticheskiy aspekt [Doctors-foreigners in the Dostoevsky’s works: onomastic aspect]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 18, pp. 150-155. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-150-155 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Как известно, отцом Ф.М. Достоевского был лекарь московской Мариинской больницы для бедных Михаил Андреевич Достоевский, который был признан в обществе врачей профессионалом и пользовался высокой репутацией. В связи с тем, что семья будущего писателя общалась с двоюродным дедом Ф.М. Достоевского В.М. Котельницким – профессором Московского университета, неоднократно избиравшимся деканом медицинского факультета, перед глазами Ф.М. Достоевского был не только образ практикующего врача в лице отца, но и образ врача-ученого [1, с. 76]. В связи с вышеперечисленным становится понятным многократное обращение Ф.М. Достоевского к образу врача: писатель пытается решить для себя вопрос – является человек данной профессии врачом не только тела, но и врачом души, или даже духа? Последнее отражено в статье «Дневника писателя» с эмблематичным названием «Единичный человек»: Ф.М. Достоевский говорит о 84-летнем докторе Гинденбурге, отдавшем с себя рубаху для того, чтобы завернуть в нее только что родившегося младенца, как об общечеловеке: «Кстати, почему я назвал старичка доктора «общечеловеком»? Это был не «общечеловек», а скорее «общий человек»... [2, т. 25, с. 90]. Другим врачом, перед которым преклонялся писатель, был Федор Петрович Гааз, открывший для арестантов больницу. Как отмечает Г. Пономарева, «Гааз остался для Достоевского высшим воплощением врачевания, прежде всего – духовного» [1, с. 77].

Предназначение врача, по мнению В.М. Котельницкого, – «служение страждущему человечеству», но в художественном творчестве Ф.М. Достоевского множество врачей, забывших о своей миссии. Малопривлекательный образ врача-иностранца выве-

ден в монологе Черта в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Совсем, совсем, я тебе скажу, исчез прежний доктор, который ото всех болезней лечил, теперь только одни специалисты и все в газетах публикуются. Заболи у тебя нос, тебя шлют в Париж: там, дескать, европейский специалист носы лечит. Приедешь в Париж, он осмотрит, я вам, скажет, только правую ноздрю могу вылечить, потому что левых ноздрей не лечу, это не моя специальность, а поезжайте после меня в Вену, там вам особый специалист левую ноздрю долечит» [3, с. 75]. Не смог Черт вылечиться и народными средствами по методике «одного немца-доктора», который «посоветовал в бане на полке медом с солью натереться» [2, т. 15, с. 76]. Тем не менее, в романе отмечается, что мальц-экстракт Гоффа оправдал надежду Черта вылечиться от насморка [2, т. 15, с. 76]: фамилия *Гофф* восходит к немецкому глаголу *Hoffen* – ‘надеяться’ [3, с. 452].

Обращение Ф.М. Достоевского к образу врача-иностранца, особенно немца, обусловлено не только автобиографичностью, но и исторической действительностью, так как «прибывшие из-за границы в XVIII–XIX веках немецкие врачи составляли значительную долю медицинских кадров» [4, с. 75]. Образ врача-иностранца, впервые обозначившись в петербургской поэме «Двойник» в лице Крестьяна Ивановича Рутеншпица, является сквозным для всего творчества Ф.М. Достоевского. Стоит отметить, что уже с этого произведения писатель вводит в обиход прием номинации лекарей, который впоследствии станет типичным для его ономастической лаборатории – уподобление иноязычного имени русскому с целью снижения или разоблачения образа врача.

По мнению В.П. Владимирцева, собственное имя врача, к какому обратился Голядкин, – это «языковой кентавр, парадоксальное и вызывающее сочетание разноречевых и разноречивых компонентов», представляющее собой «народный способ языкового приспособления (адаптации) иноязычных собственных имен к нормам русского именовательного словоупотребления, привычным стандартам русского именника, или именованного слова» [5]. Превращение имени *Христиан* в *Крестьян* – типичная ситуация для того времени, например, четырехчастный антропоним Эвениус Георг Гейнрих Христиан Людвиг, принадлежавший первому нижегородскому фармацевту, был переделан в *Егор Крестьяныч* [6, с. 76]. Как указывает В.И. Даль, «Иван Иванович – почетное или шуточное имя и отчество немцев» [7, с. 5]. Возможно, что имя и отчество для своего героя Ф.М. Достоевский позаимствовал из гоголевской комедии «Ревизор», где представлен врач-немец Христиан Иванович Гибнер. М.С. Альтман усматривает сходство двух лекарей и в проявлении такой вредной привычки, как курение: Крестьян Иванович Шпицрутен не вынимает сигару изо рта, а в первоначальной редакции «Ревизора» Гибнер предлагает Хлестакову сигару [8, с. 147]. Фамилия Крестьяна Ивановича *Рутеншиц* – прозрачная анаграмма, представляющая собой сочетание двух немецких слов *Ruten* ‘прутья, розги’, *Spitz* ‘острый’ [3, с. 846]. Интересно мнение И. Волгина относительно фамилии доктора в «Двойнике»: нечистую силу, не отличимую от натуральных людей в романе, «выдают «ненастоящие» пародийные фамилии Бассаврюковы, Рутеншиц» [9].

Об одном из докторов, прописавших лекарство для облегчения боли в ногах, повествует Макар Долгорукий в романе «Подросток»: «третьего года мне Лихтен, доктор, Едмунд Карлыч, в Москве прописал, и помогала мазь, ух помогала; ну, а вот теперь помогать перестала» [2, т. 13, с. 286]. По мнению А.Л. Бема, в трехчастном антропониме значим порядок слов: «Если составить из начальных частей фамилии и имени-отчества сокращение, то получится слово лекар (Л-Е-Кар)» [6, с. 422]. Имя *Едмунд* (*Edmund*) типично для немца, оно восходит к др.-герм. *Эд* ‘собственность, имущество’ + *мунд* ‘за-

щита’ [3, с. 338]. Эпентетический *j* в начале русифицированного имени используется с целью речевой характеристики Макара Долгорукого. С подобной целью вводится в текст и разговорный вариант отчества *Карлыч*, восходящего к распространенному немецкому имени: *Карл* – усечение др.-герм. имени *Карлманн*: *карл* ‘мужчина, мужественный’ + *ман* ‘человек’ [10, с. 205]. Фамилия *Лихтен* восходит к немецкому существительному *Licht* ‘свет, освещение’ [3, с. 563].

В повести «Кроткая» упоминается врач Шредер (Шрёдер): «Шредер ее не очень осматривал (эти медики бывают иногда свысока небрежны)» [2, т. 24, с. 26], а фамилия врача князя Мышкина – Шнейдер: *Schneider/Schröder* ‘резак; портной’. «Возможно, что Достоевский выбрал эти фамилии потому, что в это время в Петербурге был доктор Э.И. Шредер, а в Москве практиковал врач Ф.Д. Шнейдер» [7, с. 172], а может быть, потому что «фамилия *Schneider* восходит к глаголу, описывающему профессиональную деятельность врача: *schneiden* ‘оперировать, резать’» [3, с. 794].

Герценштубе – фамилия доктора из Скотопригоньевска, пациентами которого были Лиза Хохлакова и Илюша Снегирев. Г.Н. Пономарева считает, что возможным прототипом доктора Герценштубе является профессор медицинского факультета В.М. Котельницкий, так как фамилия *Герценштубе* – перифраз адъектива *добрейший*, использовавшегося студентами для характеристики В.М. Котельницкого («добрейший Котельницкий» [1, с. 77]: *Herz* ‘сердце’ + *Stube* ‘комната’ [3, с. 437, 881]. На наш взгляд, данное предположение является слабообоснованным в связи с тем, что компетентность доктора Герценштубе, в отличие от компетентности возможного прототипа, в романе «Братья Карамазовы» ставится под сомнение: «этот Герценштубе всегда придет и говорит, что ничего не может понять» [2, т. 14, с. 165]; «все это время доктор Герценштубе, по приглашению Катерины Ивановны, ездил постоянно и аккуратно через день к больному, но толку от его посещений выходило мало, а пичкал он его лекарствами ужасно» [2, т. 14, с. 487].

Эйзеншмидт – доктор, о котором вспоминает старец Зосима, рассказывая о своем

брате Маркеле: «Приедет бывало доктор – старик немец Эйзеншмидт ездил...» [2, т. 14, с. 261]. Фамилия *Эйзеншмидт* образована от двух немецких лексем: *Eisen* ‘железо’ + *Schmied* ‘кузнец’ [3, с. 234, 791], может быть, намекая на прежнюю профессию немца на родине.

Кроме немцев, встречается в романе «Братья Карамазовы» врач по национальности итальянец: графа Маттеи Черт просит дать средство от насморка: «С отчаяния графу Маттеи в Милан написал: прислал книгу и капли, бог с ним» [2, т. 15, с. 76]. Фамилия *Mammei* является производной от итальянского прилагательного *matto* ‘сумасбродный, чудной; фальшивый, рискованный’, характеризуя не только доктора из Италии, но и предостерегая Черта от сумасбродства в выборе способа лечения.

Еще одна фамилия в последнем романе Ф.М. Достоевского принадлежит врачу-французу: выписанный для Илюши из Москвы доктор рекомендует жену штабс-капитана Снегирева «направить в Париж, в лечебницу доктора пси-хи-атра Ле-пель-летье...» [2, т. 14, с. 505]. По-видимому, первый слог фамилии *Ле-* является французским артиклем *le*. Фамилия *Пельлетье* восходит к фр. *pelletier* ‘скорняжный’, ‘скорняк’, ‘меховщик’, в очередной раз выявляя истинную профессию персонажа, подобно профессии врачей-немцев по фамилии Шнейдер/Шредер (см. выше).

Как видим, тексты Ф.М. Достоевского, демонстрирующие обилие иностранных фамилий, можно рассматривать как исторический источник, зафиксировавший характерную тенденцию того времени – большую распространенность врачей-иностранцев среди населения России. Как отмечает Б. Унбегаун, «немецкое население крупных городов, в особенности Петербурга, было столь велико, что в адресной книге за 1910 г. три немецкие фамилии вошли в сотню наиболее частотных фамилий города: Шмидт/Шмид (нем. Schmidt/Schmid) на 67-м месте, Мюл-

лер (нем. Müller) на 75-м месте и Шульц/Шульце (нем. Schulz/Schulze) на 89-м месте» [11, с. 268]. Многие из приехавших в Россию немцев были врачами, а многие избирали эту профессию в России, не имея должного образования. В паспортах немецких докторов нередко встречалась запись: “Zum profitieren seinen Glück” (‘чтобы заработать себе на счастье’) [12], хотя, видимо, не все приезжие доктора были малокомпетентными: по данным Е.А. Чижовой и С.Н. Светозарского, «из 5 существовавших в середине XIX века в Санкт-Петербурге медицинских обществ 3 были организованы немецкими врачами» [4, с. 75].

В соответствии с вышесказанным уместно говорить о социальной детерминированности имен собственных, рассматриваемой в рамках Воронежской ономастической школы среди основных факторов (наряду с авторским сознанием, системностью онимов и хронотопностью), влияющих на выбор писателем ономастических единиц [13, с. 10]. Именник врачей в художественных текстах Ф.М. Достоевского не только социально обусловлен, но и национально детерминирован: писатель создает антропонимы по традиционным моделям, типичным для того или иного языка, но при этом использует легко раскрываемую этимологию, в связи с чем многие иностранные фамилии можно отнести к числу «говорящих» и комических, способствующих созданию образа малокомпетентного и странноватого лекаря. Имена иностранцев выступают индикаторами хронотопа: обилие иностранных антропонимов в художественных текстах является яркой характеристикой изображаемой писателем эпохи, когда врачебную практику вели специалисты, приехавшие из других стран. Другим распространенным приемом ономастической лаборатории Ф.М. Достоевского является уподобление иноязычного имени русскому – с целью снижения или разоблачения образа врача.

Список литературы

1. Пономарева Г. Ф.М. Достоевский – сын врача и врачеватель больного мира (К 185-летию со дня рождения) // Врач. 2007. № 1. С. 76-78.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1988.

3. Немецко-русский словарь / под ред. И.В. Рахманова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. 1117 с.
4. Чижова Е.А., Светозарский С.Н. Немецкие имена в российской медицине // Архивъ внутренней медицины. 2014. № 2 (16). С. 74-77.
5. Владимирцев В.П. Немецкая тема в «петербургской поэме» Ф.М. Достоевского «Двойник». URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/5_3.html (дата обращения: 10.01.2019).
6. Бем А.Л. Словарь личных имен у Достоевского. Ч. 1: произведения художественные // О Достоевском. Прага, 1933. Т. 2. С. I–VIII, 1-89.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Терра, 1995. Т. 2. 780 с.
8. Альтман М.С. По вехам имен. Саратов, 1975. 280 с.
9. Волгин И.Л. Хомо субститутус: человек подмененный. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/104.htm (дата обращения: 10.01.2019).
10. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. 528 с.
11. Унбегаун Б. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
12. Заблудовский П.Е. Развитие медицины у народов СССР до феодализма и в феодальный период. Медицина в Московском феодальном государстве. М.: Медгиз, 1955. 32 с.
13. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. С. 3-27.

References

1. Ponomareva G. F.M. Dostoyevskiy – syn vracha i vrachevatel' bol'nogo mira (K 185-letiyu so dnya rozhdeniya) [F.M. Dostoevsky – son of a doctor and physician of the sick world (to the 185th anniversary of his birth)]. *Vrach* [Doctor], 2007, no. 1, pp. 76-78. (In Russian).
2. Dostoyevsky F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete Works in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1988. (In Russian).
3. Rakhmanov I.V. (ed.). *Nemetsko-russkiy slovar'* [German-Russian Dictionary]. Moscow, Foreign and National Dictionaries of State Publ., 1956, 1117 p. (In Russian).
4. Chizhova E.A., Svetozarskiy S.N. Nemetskiye imena v rossiyskoy meditsine [German names in Russian medicine]. *Arkhiv" vnutrenney meditsiny* [Archive of Internal Medicine], 2014, no. 2 (16), pp. 74-77. (In Russian).
5. Vladimirtsev V.P. *Nemetskaya tema v «peterburgskoy poeme» F.M. Dostoyevskogo «Dvoynik»* [German theme in "Petersburg poem" by F.M. Dostoevsky "The Double"]. (In Russian). Available at: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/5_3.html (accessed 10.01.2019).
6. Bem A.L. *Slovar' lichnykh imen u Dostoyevskogo. Ch. 1: proizvedeniya khudozhestvennyye* [Dictionary of personal names in Dostoevsky's works. Part 1: artistic works]. *O Dostoyevskom* [About Dostoevsky]. Praha, 1933, vol. 2, pp. I–VIII, 1-89. (In Russian).
7. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language: in 4 vols.]. Moscow, Terra Publ., 1995, vol. 2, 780 p. (In Russian).
8. Altman M.S. *Po vekham imen* [By Names Milestones]. Saratov, 1975, 280 p. (In Russian).
9. Volgin I.L. *Khomo substitutus: chelovek podmenenny* [Homo substitutus: substituted person]. (In Russian). Available at: https://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/104.htm (accessed 10.01.2019).
10. Superanskaya A.V. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian Personal Names]. Moscow, AST Publ., 1998, 528 p. (In Russian).
11. Unbegaun B. *Russkiye familii* [Russian Surnames]. Moscow, Progress Publ., 1989, 443 p. (In Russian).
12. Zabudovskiy P.E. *Razvitiye meditsiny u narodov SSSR do feodalizma i v feodal'nyy period. Meditsina v Moskovskom feodal'nom gosudarstve* [The Development of Medicine Among the Peoples of the USSR Before Feudalism and in the Feudal Period. Medicine in the Moscow Feudal State]. Moscow, Medgiz Publ., 1955, 32 p. (In Russian).
13. Kovalev G.F. *Aspekty izucheniya imen sobstvennykh v khudozhestvennykh proizvedeniyakh* [Aspects of the proper names study in artistic works]. In: Kovalev G.F. *Izbrannoye. Literaturnaya onomastika* [Selected Works. Literary Onomastics]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2014, pp. 3-27. (In Russian).

Информация об авторе

Скуридина Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: saskuridina@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, работа с литературными источниками, написание текста статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4449-938X>

Поступила в редакцию 27.02.2019 г.

Поступила после рецензирования 21.03.2019 г.

Принята к публикации 22.04.2019 г.

Information about the author

Svetlana A. Skuridina, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language and Cross-Cultural Communication Department. Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation. E-mail: saskuridina@yandex.ru

Contribution: main study conception, work with literature references, manuscript text drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4449-938X>

Received 27 February 2019

Reviewed 21 March 2019

Accepted for press 22 April 2019

Паремии «*волчье солнце*» и «*солнце волков*»

Чуньян ДУ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-475X>, e-mail: duchunyang92@bk.ru

Paroemias “*wolf’s sun*” and “*sun of wolves*”

Chunyang DU

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-475X>, e-mail: duchunyang92@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются сочетания перифрастического характера «волчье солнце», «волчье солнышко», «солнце волков», «солнце волчье», которые используются для названия образа ночного времени в названиях телесериала и стихотворных текстах. Установлено, что перифразы для называния луны используются с целью заинтересовать читателей, слушателей, зрителей; избежать тавтологию; информировать (пояснить или сообщить дополнительные знания о времени суток), охарактеризовать луну и сделать акцент на определенных признаках времени суток, объективно отразить эмоционально-субъективную оценку автора текста. Выявлено, что анализируемые артионимные единицы возникают в результате творческого индивидуального процесса артионимизации – перехода нарицательных существительных в разряд имени собственного – артионима. Названия луны с помощью паремий «волчье солнце», «волчье солнышко», «солнце волков», «солнце волчье» отражают как положительную, так и отрицательную коннотацию. В случае, когда «волчье солнце» символизирует время влюбленных, ночное светило характеризуется положительной семантикой, о чем свидетельствует уменьшительно-ласкательная форма «солнышко» в паремии «волчье солнышко». В случае, когда совершают ночное воровство или девушки промышляют «ночным промыслом», то образ луны обретает отрицательную характеристику. Замечено, что в китайской лингвистической науке перифраза как отдельная лексико-стилистическая категория не рассматривается, что весьма затрудняет перевод русских паремий на китайский язык.

Ключевые слова: перифраза; лексико-стилистическая категория; луна; волчье солнце; волчье солнышко; солнце волков; солнце волчье

Для цитирования: Ду Чуньян. Паремии «*волчье солнце*» и «*солнце волков*» // Нефилология. 2019. Т. 5, № 18. С. 156-161. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-156-161

Abstract. We consider the combinations of the periphrastic nature of “wolf’s sun”, “wolf’s sunshine”, “sun of wolves”, “sun of wolf”, which are used to name the night time image in the titles of the television shows and poetic texts. We establish that periphrases for naming the moon are used in order to interest readers, listeners, viewers; to avoid tautology; to inform (clarify or notify additional knowledge about the time of day), to characterize the moon and focus on certain signs of the time of day, to reflect objectively the author’s emotional and subjective assessment of the text. We reveal that the analyzed artionymic units occur as a result of the creative individual process of artionymization – the transition of common nouns into the category of proper noun – artionym. The names of the moon by means of paroemias “wolf’s sun”, “wolf’s sunshine”, “sun of wolves”, “sun of wolf” reflect both positive and negative connotation. If the “wolf’s sun” symbolizes lovers time, the night luminary characterizes by positive semantics, as evidenced by the diminutive form “sunshine” in the paroemia “wolf’s sunshine”. If there is a night-time theft or the girls do “night affairs”, the image of the moon takes on a negative characteristic. We note that in the Chinese lin-

guistic study, periphrasis is not considered as a separate lexical and stylistic category, which makes it very difficult to translate Russian paroemias into Chinese.

Keywords: periphrasis; lexical and stylistic category; moon; wolf's sun; wolf's sunshine; sun of wolves; sun of wolf

For citation: Du Chunyang. Pareмии «volch'ye solntse» i «solntse volkov» [Paroemias “wolf's sun” and “sun of wolves”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 18, pp. 156-161. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-156-161 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Имена собственные как особый класс слов в современном русском языке изучаются в разделе языкознания – ономастике [1] и находят отражение в любой деятельности человека и во всех процессах общественной жизни. Это дает право считать ономастические изыскания весьма привлекательными для изучения названий произведений, поскольку свидетельствуют о тесной связи ономастики с различными отраслями знания: лингвистикой, культурологией, искусством, географией, историей и др. [2].

Обращают на себя внимание имена собственные, которые служат названиями различных произведений искусства. Речь идет о таких паремиях, как название телесериала «Волчье солнце» (фильм снят в 2013 г. режиссером Сергеем Гинзбургом), выражение «волчье солнышко» в текстах стихотворений Веры Константиновны Харченко (современный белгородский выдающийся ученый-лингвист и известный поэт) и Игоря Кочергина; перифразы «солнце волков» в поэзии Натальи Стороженко; «Волчье солнце» в названиях стихотворений Андрея Дергунова, Веры Виленской, Александра Бунакова, перифразы «солнце волчье» в стихотворении Виталия Аксенова и многих других поэтов, которые используются для названия луны.

Ночь – подружка давняя...

В.К. Харченко

Светит волчье солнышко,
Освещает спящего,
Сеет полночь с донышка
Зерна предстоящего.

Волчье солнышко

Игорь Кочергин

В ворот небушка погляжу,
Почелую ночку в губы.
Не беда, что ухожу
Вдаль, ведь светит мне волчье солнышко.
...
Дядька, душу не плещи.
Дурень пьет за воскрешенье.

А в понедельник к полночи

Вновь пойдет искать волчье солнышко.

Заметим, что «Словарь воровского жаргона» отмечает «волчье солнышко» в значении «луна» // www.вокабула.рф/словари/словарь-воровского-жаргона/волчье-солнышко.

Песня на стихи Натальи Стороженко в исполнении Саши Сирень под названием «Солнце волков» описывает луну как «солнце волков», когда девушки легкого поведения занимаются «ночным промыслом»:

В платьях от Кардена, в цацках по колено.

Девочки крутышки при параде.

Соблюдают принцип, ждут заморских принцев.

У меня ни тачки, ни нарядов.

Только луна – солнце волков, только одна –

жизнь на двоих,

Только глаза цвет васильков, только тома

полной любви.

Названия произведений зрелищного вида искусства (кино), стихотворений или песен даются людьми искусства не случайно, они отсылают нас к образу ЛУНЫ – волчьему солнцу. В это время, под покровом ночи, можно делать сомнительные дела, о чем и рассказывает телесериал «Волчье солнце» и содержание текста песни «Солнце волков».

Во всех приведенных примерах речь идет об образе луны, который репрезентируют сочетания перифрастического характера «волчье солнце», «волчье солнышко», «солнце волков», служащие ключевыми словами для понимания содержания всего текста, выделяя произведение для их быстрого понимания и узнаваемости среди ряда других.

Перифразы, называющие луну, используются для номинации произведений и в текстах самих произведений искусства с определенной целью, а именно:

– заинтересовать читателей, слушателей, зрителей, избежать тавтологии;

- информировать (пояснить или сообщить дополнительные знания о времени суток);
- охарактеризовать референт и сделать акцент на определенных его признаках;
- объективно отразить субъективную оценку автора текста песни, стихотворения или сюжета сериала и передать эмоциональность автора в восприятии ночи.

Как известно, перифраза восходит к термину (от греч. *periphrasis* – описательное выражение, иносказание) [3, с. 5]. В образовании перифраз особое место отводится символу, близкому к метафоре, когда в результате вторичной номинации насыщенная семантика перифразы вмещает в себя иносказание с любой сложной символикой и служит для более понятного описания природного объекта, чтобы «дать его наиболее обобщенное наименование» [4, с. 334], например, – *ночное светило* дает обобщающее наименование ЛУНЫ с помощью нового перифрастического описания. Ср.:

Ночное светило

М.Ю. Субботин

Ночное светило, открой свою тайну.
Скажи, отчего же так сердце трепещет?
Твое наступление я распознаю,
Пусть даже в туманный, дождливый вечер.
Ответь, почему же я с детства влюблен
В холодный твой свет, чарующий – яркий?
И так восхищает вокруг ореол,
Что сам растворяюсь я в нем без остатка!

В этом стихотворении речь идет об огромной, яркой и чарующей луне, которая воздействует на человека.

Широко известное название луны *ночное светило* относится к числу двухсловных перифраз, которые довольно частотны в русской традиции, например, *царица ночи, светило ночи, небесная лампа, бледная жница, королева ночи, королева снов, волчье солнце, волчье солнышко, солнце волков*. Ср.:

Волчье солнце

Андрей Дергунов

Вдруг *волчье солнце* разорвало облака!
С небес на землю прыгнул страх!
Спасенья нет! Страх роли наши поменял!
Охотник – ты, добыча – я!

...

Королева снов кошмарных,
Подойди ко мне поближе.

Взглядами соприкасаясь,
Свой взаимный страх усилим.

Волчье солнце

Вера Виленская

Волчье солнце горит... Ослепительна мгла.
Так в пустыне судьбы каждый сам за себя.
Кто достойней из нас выносить приговор?
Посмотреть бы в глаза, свой не пряча укор...

Волчье Солнце

(из текста песни Иллет)

Наплевать, что будет поле, а пока
Убегает от меня по облакам
Волчье Солнце – Луна.
Волчье Солнце – Луна...

Волчье солнце

Виталий Аксенов

Где ж ты *солнце* мое *волчье*?..
Дотянуть бы до ночи...
Повыл бы вдоволь тебе...
Застыл бы гордо в тебе...

Волчье Солнце

Александр Бунаков

Порвалась в клочья тишина
Полночным воем,
Я Волк, а Ты моя Луна,
И я Твой воин.
...
Душа летит Тебе во след
И песней льется,
Я Белый Волк,
А Ты мой свет,
Ты – *Волчье Солнце*.

В ономастической литературе для названия произведений искусства используется термин «артионим» (от лат. *ars/artis* ‘искусство’, греч. бтода ‘имя’), отмеченный Н.В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии»: «имя собственное (название) произведения искусства (живописи, скульптуры, графики, пластики)» [1, с. 38], «вид идеонима, название произведения изобразительного искусства...» [5, с. 137]. Таким образом, термин «артионим» используется как индивидуальное название произведений любого вида искусства, то есть служит для обозначения номинации любого произведений искусства.

Артионимы были подробно исследованы волгоградским артионимистом Е.А. Бурмистровой. Ученый рассмотрел названия произведений искусства как объект ономастики,

выявил их универсальное средство кодирования информации о фактах и явлениях окружающей действительности [6; 7].

Артионимная единица «*волчье солнце*» возникла в результате процесса артионимизации – перехода словосочетания нарицательных существительных в разряд имени собственного – артионима. Этот творческий процесс является индивидуальным для автора [8] и нацелен на чувственное восприятие адресата, что характерно для людей искусства в целом.

Перифразы «*волчье солнышко*» и «*солнце волков*» являются семантически идентичными и структурно отличаются лишь тем, что первое сочетание содержит прилагательное и существительное, а второе – трансформируется в словосочетание с двумя нарицательными существительными «*солнце волков*».

Итак, «*волчье солнце*», «*волчье солнышко*» и «*солнце волков*» – это луна, месяц. Это время, когда светит «*воровское солнце*», в русском фольклоре еще называют «*цыганское солнце*», «*цыганское солнышко*» – луна, дающая свет в ночное время. Ср.:

Цыганское солнце

Игорь Цыбанев

Цыганское солнце не дарит загара.
Оно для стихов, воскового нагара.
Оно для любви и сплетенья теней.
Оно для следов, что остались на ней.
Оно для тоски и протяжного воя.
Оно для смертельного, ближнего боя.
Оно для обмана, короткой расправы.
Оно перевидало всякие нравы.
Цыганское солнце – родная Луна:
Земля отплатила стихами сполна!

Можно считать, что названия литературных произведений тоже примыкают к артионимам, например, книга под названием «*Волчье солнце*», посвященная Вере Вертер, была выпущена Д. Бурлюком. Заглавие книги восходит к образу “*soleil des loups*”, что означает «солнце волков» – «луна»). Советский поэт Вольф Иосифович Эрлих был другом Сергея Есенина (С. Есенин посвятил ему свое последнее стихотворение). Свой первый сборник стихов Эрлих Вольф выпустил в 1928 г. под названием «Волчье солнце».

Артионимам характерны в первую очередь апеллятивная, прагматическая и позна-

вательная функции. Кроме того, артионимы выполняют экспрессивно-эмоциональную функцию и обладают оценочной характеристикой, которая во многом зависит от субъективного восприятия автором изображаемого объекта.

Апеллятивная функция служит для создания имени собственного – наименования тех или иных литературных произведений и предстает как конкретный или собирательный образ или как определенный символ, отражающий идеи автора.

Прагматическая функция воздействует на зрителя, слушателя, читателя с целью привлечь внимание к просмотру телесериала, познакомиться со стихотворением, прочесть текст произведения или прослушать песню.

Познавательная функция ориентирует зрителя, слушателя или читателя в мире произведений искусств.

Артионимы, восходящие к слову «луна», могут нести в себе как положительную, так и отрицательную коннотацию. В случае, когда «*волчье солнце*» символизирует время «любви и сплетенья теней», ночное светило характеризуется положительной оценкой. Использование уменьшительно-ласкательной формы «солнышко» в словосочетании «*волчье солнышко*» служит для передачи положительной коннотации.

Если же речь идет о времени, когда светит луна, в которое можно совершать ночное воровство и девушкам заниматься «ночным промыслом» («в платьях от Кардена» ждут заморских принцев»), то образ луны обретает отрицательную характеристику.

Волчье солнце

Чтобы каждый брат сумел заняться делом,
Пусть нам светит *Волчье Солнце* – круглая
луна...
(Текст Кошка Сашка)

Слово «волк» входит в название такого астрологического явления, как полнолуние. Так, североамериканские индейцы называли полнолуние января «Волчьей луной» и «Полнолуние Волка», видимо, потому что январь – самый холодный месяц в году и самое голодное время в году. В длинные и холодные ночи января волки особенно заметно и продолжительно воют на луну.

Перифразы номинативного характера «*волчье солнце*», «*волчье солнышко*», «*солнце волков*», «*солнце волчье*» в сознании русских людей связаны с образом луны, которая вызывает мистические ассоциации – активизацию потусторонних сил и активность животных. С фазами новолуния и полнолуния древние связывали все происходящие на Земле события. Неудивительно, что мифологический образ луны так распространен у всех народов.

Для китайской культуры образ самой яркой и большой луны приходится на 15-й день 8-го месяца по китайскому календарю (примерно во второй половине сентября, когда лунный диск самый круглый в году). Этот день считается особым семейным праздником: китайцы собираются всей семьей и кушают традиционные так называемые «лунные лепешки» или «лунные пряники», по форме напоминающие лунный диск. «Лунные лепешки и пряники» дарят друзьям с пожеланием благополучия в семье.

Согласно китайскому мифу, богиню луны звали Чан Э, она была женой стрелка по имени И. Тайком от мужа Чан Э приняла снадобье бессмертия, которое ее муж получил от «владычицы запада» Си Ванму, и вознеслась на луну, оставив на земле мужа ожидать неминуемой смерти. Там Чан Э превратилась в жабу Чань (которую обычно изображали с тремя лапами). Считалось, что на луне

вместе с богиней живет и Юэту – «лунный заяц». Вероятно, образ Чан Э связан с образом древней богини луны по имени Чанси.

В последние годы ученые рассматривают специфику лингвистической парафразы на материале разных языков [9]. Если обратиться к перифрастическим выражениям в китайском языке, то следует отметить, что в китайской лингвистической науке перифраза как отдельная лексико-стилистическая категория не рассматривается [10], что затрудняет изучение русских перифраз. При переводе русских перифраз на китайский язык необходимо понять их особый культурный смысл.

Термины «перифраза», «перифрастическое выражение», «перифрастический оборот» в русском языке отражают стилистическое средство языка, троп (代用语; 迂回说法). Следует учитывать, что эти лингвистические единицы вызывают затруднения у китайских учеников и студентов, изучающих русский язык, потому что требуют замены односложного наименования небесного тела описательными выражениями: прилагательное + существительное (*волчье солнце/солнышко*), существительное + прилагательное («*солнце волчье*»), существительное + существительное (*солнце волков*), то есть словосочетаний, описательно передающих смысл слова ЛУНА, ее переносно-иносказательное название.

Список литературы

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1988.
2. Никонов В.А. Имя и общество. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1974.
3. Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). М.: Русский язык, 2004.
4. Бельчиков Ю.А. Перифраза // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Дрофа, 2003.
5. Супрун В.И. Размышления над ономастической терминологией // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 8 (62). С. 133-138.
6. Бурмистрова Е.А. К вопросу о функционировании прецедентных артионимов // Ономастика Поволжья: сб. ст. Ярославль, 2012. С. 283-287.
7. Бурмистрова Е.А. Названия произведений искусства как объект ономастики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
8. Гарвалик М. К вопросу о современной ономастической терминологии // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 5-13.
9. Теучеж З.Г. Структурно-семантическая и коммуникативно-прагматическая специфика лингвистической парафразы (на материале русского и французского языков). Майкоп, 2008.
10. У Л. Анализ перевода многозначных слов с китайского на русский язык с точки зрения контекста // Молодой ученый. 2015. № 7. С. 1012-1015.

References

1. Podolskaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russian).
2. Nikonov V.A. *Imya i obshchestvo* [Name and Society]. Moscow, Main Editorial of Eastern Literature "Nauka" Publ., 1974. (In Russian).
3. Novikov A.B. *Slovar' perifrasy russkogo yazyka (na materiale gazetnoy publitsistiki)* [Dictionary of Russian Periphrasis (on Newspapers Materials)]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2004. (In Russian).
4. Belchikov Y.A. *Perifraza* [Periphrasis]. In: Karaulov Y.N. (ed.). *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Moscow, Drofa Publ., 2003. (In Russian).
5. Suprun V.I. Razmyshleniya nad onomasticheskoy terminologiyey [Reflection on onomastic terminology]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2011, no. 8 (62), pp. 133-138. (In Russian).
6. Burmistrova E.A. K voprosu o funktsionirovani pretsedentnykh artionimov [To the issue of precedent artionyms functioning]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga Region]. Yaroslavl, 2012, pp. 283-287. (In Russian).
7. Burmistrova E.A. *Nazvaniya proizvedeniy iskusstva kak ob'yekt onomastiki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Art Works Titles as a Subject of Onomastics. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Volgograd, 2006. (In Russian).
8. Garvalik M. K voprosu o sovremennoy onomasticheskoy terminologii [To the issue of contemporary onomastic terminology]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2007, no. 4, pp. 5-13. (In Russian).
9. Teuchezh Z.G. *Strukturno-semanticheskaya i kommunikativno-pragmaticheskaya spetsifika lingvisticheskoy parafrazy (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Structural-Semantic and Communicative-Pragmatic Specificity of Linguistic Periphrasis (on the Material of the Russian and French Languages)]. Maykop, 2008. (In Russian).
10. U L. Analiz perevoda mnogoznachnykh slov s kitayskogo na russkiy yazyk s točki zreniya konteksta [Analysis of polysemantic words translation from Chinese into Russian from the context point of view]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*, 2015, no. 7, pp. 1012-1015. (In Russian).

Информация об авторе

Ду Чуньян, аспирант, кафедра русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: duchunyang92@bk.ru

Вклад в статью: концепция исследования, изучение литературы, анализ полученных результатов, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-475X>

Поступила в редакцию 01.03.2019 г.

Поступила после рецензирования 16.03.2019 г.

Принята к публикации 20.05.2019 г.

Information about the author

Chunyang Du, Post-Graduate Student, Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: duchunyang92@bk.ru

Contribution: study conception, literature study, obtained results analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-475X>

Received 1 March 2019

Reviewed 16 March 2019

Accepted for press 20 May 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-162-169
УДК 82.0+82.02

Развитие русского сравнительного литературоведения: идеи А.Н. Веселовского и В.М. Жирмунского

Сунь ЦЯВЕНЬ

Биньхайский институт внешних дел, политологии и правоведения
при Тяньцзиньском университете иностранных языков
300072, Китайская Народная Республика, г. Тяньцзинь, Мачанг Роуд, 117
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4193-477X>, e-mail: sunjiawen8169@163.com

Russian comparative literature studies development: ideas of A.N. Veselovsky and V.M. Zhirmunsky

Sun JIAWEN

Binhai Institute of Foreign Affairs, Political Science and Law
of Tianjin Foreign Studies University
117 MaChang Rd, Tianjin 300072, People's Republic of China
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4193-477X>, e-mail: sunjiawen8169@163.com

Аннотация. Рассматриваются идеи крупнейших русских литературоведов дореволюционного периода в России, заложивших основы литературоведческой компаративистики. Устанавливается, что современное представление о сравнительном литературоведении во многом определяют идеи, заложенные русскими учеными А.Н. Веселовским и В.М. Жирмунским, разработавшими отдельные литературоведческие аспекты на материале различных литературных фактов и явлений. Доказывается, что на основе идей русских ученых компаративное литературоведение формировалось в рамках господствовавшей в тот период культурно-исторической школы, что в настоящее время на их основе разрабатываются новые методологические принципы и подходы, которые могут применяться исследователями для плодотворных сравнительных изысканий на постсоветском пространстве. Обращается внимание на тот факт, что в литературоведческой компаративистике на сегодня выделились собственные подходы: сравнительно-исторический подход, при котором изучаются генетические и контактные связи; сравнительно-типологический (сопоставительный) подход, при котором исследуются тематические, образные, жанровые, стилевые сходства и различия; интертекстуальный подход, который включает «один текст» в «другой текст»; подход межлитературных взаимодействий, когда изучается переводческая деятельность произведения. Обосновывается, что в аспекте данных подходов можно лучше понять национальное своеобразие национальной литературы.

Ключевые слова: литературоведение; компаративистика; литературоведческие идеи; А.Н. Веселовский; В.М. Жирмунский

Для цитирования: Цявень Сунь. Развитие русского сравнительного литературоведения: идеи А.Н. Веселовского и В.М. Жирмунского // Нефилология. 2019. Т. 5, № 18. С. 162-169. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-162-169

Abstract. We consider the ideas of the largest Russian literature studies scholars of the pre-revolutionary period in Russia, who laid the foundations of literature studies comparativistics. We establish that the modern idea about comparative literature studies is largely determined by the ideas of Russian scientists A.N. Veselovsky and V.M. Zhirmunsky. They developed individual literature studies aspects on the material of various literary facts and phenomena. We prove that on the basis of Russian scientists' ideas, comparative literature studies were formed within the framework of the cultural and historical school that prevailed at that time, that new methodological principles and approaches are being developed on their basis, which researchers can apply for productive comparative researches in the Post-Soviet territory. We pay attention to the fact that in lite-

rature studies comparativistics nowadays emerged its own approaches: a comparative historical approach, in which genetic and contact relationships are studied; comparative typological (matching) approach, which explores thematic, figurative, genre, stylistic similarities and differences: an intertextual approach which incorporates "one text" into "another text"; the approach of inter-literary interactions when studying the translation of the written work. We substantiate that in the aspect of these approaches it is possible to better understand the national identity of national literature.

Keywords: literature studies, comparativistics, ideas of literature studies, A.N. Veselovsky, V.M. Zhirmunsky

For citation: Jiawen Sun. Razvitiye russkogo sravnitel'nogo literaturovedeniya: idei A.N. Veselovskogo i V.M. Zhirmunskogo [Russian comparative literature studies development: ideas of A.N. Veselovsky and V.M. Zhirmunsky]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 18, pp. 162-169. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-162-169 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Сравнительное литературоведение, или литературоведческая компаративистика – это одно из ведущих направлений в современной филологической науке, однако, ученые подчеркивают исчерпанность классической модели сравнительных поисков [1].

Литературоведческая компаративистика занимается сопоставлением эволюционных тенденций национальных литератур, исследованием связей между ними, имеющих непосредственный или опосредованный характер, установлений их подобий или отличий. Компаративистика изучает отдельные произведения, литературные направления, школы, стили, но не изолированно, а в сравнении, сопоставлении, то есть в процессе осмысления всегда обращается к двум или большему количеству объектов. Возникшая из необходимости осознания национальной литературы в мировом литературном контексте литературоведческая компаративистика обращается к сопоставлениям и близкородственным литератур и литератур, отдаленных друг от друга и временем, и географически¹.

В центре сравнительных исследований обычно находится выявление межлитературных контактов, взаимодействия, когда изучается влияние одного писателя на другого, а также школ, направлений. Однако в последние годы весьма плодотворными оказались исследования, в которых литература сопос-

тавляется с другими видами искусства (музыка, живопись, скульптура – интермедийные исследования) и с иными областями гуманитарного знания [2].

За годы развития этого направления науки представление о ее месте в системе наук, а также о ее целях и задачах менялось. В общем виде можно говорить о том, что сегодня литературоведческая компаративистика изучает литературные связи и влияния, сходства и различия (в области проблематики и тематики), типологию литературных направлений, типологию жанров и др. Сравнительно молодой отраслью компаративистики является имагология (от лат. *imago* – «изображение, образ»), изучающая образы народов, сложившиеся у другого народа [3–5].

В литературоведческой компаративистике выделились собственные подходы. Первый и самый развитый из них – это сравнительно-исторический поход, при котором изучаются генетические и контактные связи. Второй – сравнительно-типологический (сопоставительный) подход, при котором, оставив без внимания генетические и контактные связи, исследуются тематические, образные, жанровые, стилевые сходства и различия, позволяющие типологически систематизировать собранный материал. Третий подход называют интертекстуальным. Он дает возможность изучать литературное произведение в связи с «чужим» текстом, который оно может содержать (цитаты, аллюзии, реминисценции, переключки и др.). Он связан с теорией постструктурализма, полагающего, что литература является единым интертекстом и для ее изучения не обязательно прибегать к поискам генетических или контактных связей, а можно изучать литературную

¹ Восток – Запад: диалог культур в пространстве русской словесности: сб. науч. ст. по итогам 6 Междунар. науч. конф., посвящ. третьей годовщине основания Института Конфуция в ВГСПУ. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. 482 с.; Восток – Запад: Пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре: сб. ст. по итогам 4 Междунар. науч. конф. Волгоград: Изд-во «Парадигма», 2011. 476 с.

игру, переключки произведений друг с другом или рядом произведений, что, в свою очередь, открывает новый взгляд на литературу и культуру в целом. Еще одним плодотворным подходом является изучение перевода как формы междисциплинарных взаимодействий. Все это позволяет исследовать литературу с помощью ее выхода за национальные границы и вместе с тем лучше понять ее национальное своеобразие, ее место в системе других литератур, а также других областей гуманитарного знания. Как и всякая научная отрасль, литературоведческая компаративистика тесно взаимодействует с другими разделами науки о литературе и другими отраслями знания [6].

Современное представление о сравнительном литературоведении складывалось не сразу, в его развитие внесло вклад несколько поколений ученых, разрабатывавших отдельные аспекты, проводивших изучение разнородных литературных явлений и на этой основе вырабатывавших ее методологические принципы, подходы, которые развиваются и сегодня. К сожалению, в середине XX века развитие сравнительного литературоведения затормозилось в связи с идеологическим давлением на ученых. Но в последние тридцать лет у исследователей на постсоветском пространстве появились огромные возможности для плодотворных сравнительных исследований.

Компаративное литературоведение формировалось в недрах господствовавшей тогда культурно-исторической школы. Основателем сравнительного литературоведения, одним из наиболее выдающихся ученых был Александр Николаевич Веселовский, который открыл в Санкт-Петербургском университете первое в России романо-германское отделение на филологическом факультете, где с тех пор изучаются основательно иностранные языки. Литературоведческие идеи А.Н. Веселовского значительно опережали время и выходили за рамки изучения влияний и взаимовлияний. Ученый стремился понять закономерности историко-литературного процесса, который связывал с социально-историческим развитием. А.Н. Веселовский стремился разработать историю литературы как науку и считал, что историко-литературный процесс – это часть историче-

ского процесса в целом. Потому ему было важно раскрыть объективные исторические закономерности литературного развития, на которых он считал возможным строить историю литературы как науку.

В.М. Жирмунский подчеркивал: «А.Н. Веселовский – крупнейший русский литературовед дореволюционного времени. По своему научному кругозору, исключительной широте своих знаний, глубине и оригинальности теоретической мысли он намного превосходит большинство своих современников, как русских, так и иностранных. Литературное наследие А.Н. Веселовского включает более 289 статей и книг; оставшееся незавершенным собрание его сочинений (изд. Академии наук) должно было насчитывать 26 томов. А.Н. Веселовский был не только историком и теоретиком литературы, но и лингвистом и филологом, издателем и комментатором средневековых текстов, русских и западных. Круг его исследований охватывает итальянское Возрождение и романтизм в России и на Западе, средневековую литературу и фольклор, вопросы теории литературы и поэтики» [7, с. 85].

А.Н. Веселовский ставил перед собой задачу создания истории литературы и изучал разные национальные литературы в их сходстве и различии. В итоге ученый подходит к пониманию законов творчества, общих для всех литератур, то есть приближается к созданию истории всеобщей литературы. Свое понимание этой проблемы А.Н. Веселовский высказал в лекции «О методе и задачах истории литературы как науки». Он предложил своим слушателям представить, что они изучают какую-то эпоху. При этом изучении они должны обратить внимание на крупные явления и на «житейскую мелочь», из-за которой эти явления произошли. Затем изучить причинно-наследственные связи между ними. Подходя к изучению крупных явлений, исследователь будет осмысливать их по частям и каждый раз приходить к каким-то частным выводам. Затем при сопоставлении выводов появится возможность обнаружить общее, близкое и различное, позволяющее сделать обобщения. Постепенно, делая все новые и новые обобщения, исследователь приходит к выводам по поводу изучаемой эпохи. Таким образом, А.Н. Веселовский описал индук-

тивный метод исследования явлений, который является более точным, чем умозрительные заключения. Этот сравнительный метод дает возможность ученому накапливать литературоведческие факты.

Изначально ученые использовали сравнительный метод для обнаружения сходства, которое помогало им устанавливать закономерности. В зависимости от школы, к которой они принадлежали, они делали разные выводы из обнаруженного сходства. Представители мифологической школы думали, что сходство означает происхождение из общего источника (предка). Представители теории заимствования думали, что сходство означает влияние одного произведения на другое. Представители теории самозарождения считали, что сходство означает типологическую близость явлений, обусловленных одинаковыми условиями жизни и национальной психологией.

А.Н. Веселовский учитывал все три подхода, но каждый раз стремился установить, каковы причины обнаруженного им сходства, особенно если он работал с произведениями, сохранившимися в отрывках, в частях, разных жанров и у разных народов. Таким образом ему удавалось из разрозненных явлений создавать целостную картину литературного развития. Этот метод помогал этнографам, фольклористам того времени делать выводы об особенностях развития национальных культур и литературы.

В центре научных интересов А.Н. Веселовского находилась поэзия. Он интересовался историей поэтических родов, особенно тем моментом, когда из эпоса выделились лирика и драма. Он думал, что роды литературы были связаны со временем, когда они появились, и с психологией народа. Потом было важно выявить элементы эпоса, лирики, драмы и романа у каждого народа, чтобы уточнить хронологию литературных родов на большом, а не только национальном материале. Для решения такой задачи А.Н. Веселовский успешно использовал подходы, которые к этому времени уже разработала наука – мифологический, заимствования и «замозарождения», а накопленные наблюдения применял для изучения истории литературных родов. В результате этого исследования, построенного на обобщении большого коли-

чества фактов, А.Н. Веселовский открыл причинно-следственную цепь связанных друг с другом явлений литературы и искусства.

Начальным этапом научной концепции ученого была проблема происхождения поэзии и ее родов. Он рассматривал эпос, лирику и драму как исторически сложившиеся типы произведений и был сторонником теории первобытного синкретизма, то есть соединения ритмических движений с песней (музыкой) и со словом. Возникновение эпоса и лирики произошло путем выделения и смешения, причем, выделяясь, элементы эпоса и лирики образовали однородные, генетически близкие ряды и вышли на путь самостоятельного развития. Драма, вероятно, родилась из культов и обрядов, из хора, затем соединялась с церковной драмой. Поэтому нельзя говорить о прямом и линейном пути ее зарождения и изучать ее следует отдельно в каждой национальной литературе и лишь затем делать какие-то общие выводы.

Следующий этап разработки А.Н. Веселовским его теории связан с проблемой мотивов и сюжетов. Для ученого история сюжетов была центральной проблемой его деятельности, он собирал отдельные, разрозненные сюжеты на протяжении всей жизни. Сначала сюжет и тему он считал синонимами, но постепенно он понял тесную связь сюжета с формой произведения. Он думал, что сюжеты и мотивы имеют признаки общности и повторяемости, которые можно проследить от мифа к эпосу, от сказки к национальной саге и роману. Изучая мотивы и сюжеты, он ввел понятие «схематизм», то есть типичность, повторяемость, обобщение ситуаций, образов и приемов творчества. Схематизация ограничивала творчество, иногда приводила к образованию клише, шаблонов, но всегда была исходным пунктом для дальнейшего развития, для индивидуального, своеобразного. Потому литература развивается как схематичное и своеобразное, которые проникают друг в друга и вырастают друг из друга. Обобщение вызывало схематизацию в рамках сюжетных схем, а эти схемы легли в основу жанров.

А.Н. Веселовский хотел проследить, как происходила эволюция жанров, начиная с самого начала, но эта проблема, которую можно назвать первоначальным генезисом

сюжетности, могла решаться только по отношению к мотивам. Сюжеты же из-за сложности своих схем такому изучению не поддавались. Поэтому ученый сосредоточился на изучении мотивов, которые отличаются от сюжета одночленностью схематизма, то есть их схема не разлагается далее (злая старуха изводит красавицу, кто-то съедает солнце (затмение) и др.). Потому мотивами он называл простейшие повествовательные единицы, которые могли зарождаться в разных национальных литературах независимо друг от друга и были обусловлены одинаковыми или похожими условиями жизни человека. В связи с этим А.Н. Веселовский настаивал, что нельзя строить теорию заимствования на изучении мотивов: самозародившиеся мотивы не отличаются от заимствованных.

Но в отношении сюжетов такую задачу решить можно. Сюжеты всегда являются комбинацией мотивов, причем сочетающихся и комбинирующихся свободно, не всегда завися от содержания, но и от авторской воли. А.Н. Веселовский считал, что в сюжетности существует два уровня: первичный – мотивный и вторичный – сюжетный. Чтобы изучить сюжеты, нужно обращаться к вопросам литературной истории, а для изучения мотивов – к древним памятникам, в которых можно вычленивать простейшие схемы мотивов. Тогда можно выяснить, какие явления действительности зафиксировались в них, а также как они наполнились новым содержанием и уже как условные формулы вошли в литературные сюжеты. Так, ученому удалось выяснить, что с жизнью в тотеме связаны мотивы превращения людей в зверей, брака человека и животного и др., а матриархат обусловил рождение мотива о борьбе отца с сыном. Восстанавливая путем сравнения первые мотивные формулы, А.Н. Веселовский прослеживал, как они вливались в сложные сюжетные комбинации, затем как сами сюжеты варьировались, впитывали в себя новые мотивы, а также комбинировались друг с другом.

Еще одна проблема, над которой работал ученый, это проблема поэтического стиля, под которым он понимал особенность, отличающую язык художественных произведений от обычной речи. Он думал, что язык разделился на поэтический и прозаический в

результате появления абстрактного мышления. Прозаический стал служить для обозначения отвлеченных понятий, а поэтический сохранял конкретно-чувственное содержание. А.Н. Веселовский изучал средства, благодаря которым образность сохранялась в языке, постепенно превратив его в особый стиль. По его мнению, в поэтическом языке всегда присутствует эпитет и образные словосочетания, что нашло отражение в его работах «Из истории эпитета» (1895), «Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля» (1898).

Заслуги А.Н. Веселовского перед сравнительным литературоведением огромны. Он заложил основы создания истории всеобщей истории литературы, стремился открыть законы, обусловившие развитие литературы. В его сравнительно-историческом методе были обобщены достижения его предшественников – ученых-мифологов, сторонников теории заимствования и самозарождения. Благодаря тонкому использованию возможностей сравнительного анализа, он сделал выдающиеся открытия в области фольклора, византийской, русской, романо-германской литератур. Он показал, что Византия выполняла роль культурного «посредника» между Западом и Востоком, и благодаря этому стали понятны пути проникновения литературных произведений от одного народа к другому. Он успешно изучал творчество Данте, итальянское Возрождение, славянские литературы. Но главное – работая над «Исторической поэтикой», А.Н. Веселовский использовал принцип историзма к исследованию стиля, сюжета, личности писателя и ее места в историко-литературном процессе, прояснив вопросы преемственности и новаторства.

Его идеи легли в основу русского сравнительного литературоведения, их успешно развивали другие ученые и, прежде всего, выдающийся русский исследователь В.М. Жирмунский, основоположник советской германистики, автор работ по сравнительному литературоведению, вопросам германского, общего и тюркского языкознания, диалектологии, истории западной и русской литературы, теории литературы, поэтики, стиховедения, востоковедения. Он начинал свою научную деятельность с работы по поэтике: «Композиция лирических стихотворений»

(1921), «Рифма, ее история и теория» (1923). Но за какую проблему он ни брался, выводы вели его к сравнительному изучению произведений литературы. Ему казалось неправильным изображать межнациональные литературные связи только как заимствования идей или фиксировать параллели между литературами, когда ученые не делают выводы о закономерностях их развития. Попытку найти такие закономерности он предпринял в своей докторской диссертации «Байрон и Пушкин» (1924), которая стала классической работой. В те годы В.М. Жирмунский был убежден, что предметом изучения должно быть именно литературное произведение, а влияние – это следствие наследования традиции и проявляется оно в поэтических приемах. Предметом его исследования были композиция, стиль, другие элементы формы, а также тематика, только понимаемая как содержание с художественной точки зрения. Иначе говоря, ученый думал, что один поэт заимствует у другого не идеи, а мотивы, и влияют на другого поэта чужие образы, а не система идей. В.М. Жирмунский пришел к выводу о том, что влияние – это не пассивное усвоение, а всегда творческая переработка, иногда проходящая в борьбе, в преодолении с тем, что влияет.

В 1935 г. В.М. Жирмунский выступил с докладом на тему «Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний», в котором ученый критиковал теорию контактных связей между литературами как узкую и поставил задачу сравнения аналогичных литературных явлений, которые родились в похожих социально-исторических условиях и не влияли друг на друга. Этим он закладывал основу сравнительно-типологического (сопоставительного) подхода. Сравнение он понимал как прием, который дает возможность ученому установить закономерность возникновения литературных явлений, а задачу сравнительного литературоведения видел в том, чтобы создать всеобщую историю литературы. Здесь он выступал продолжателем дела А.Н. Веселовского, а также пошел дальше него. В.М. Жирмунский думал, что изучение влияний не исключает исследования типологических связей, а сами влияния в разные периоды развития нацио-

нальных литератур могут иметь разный характер.

Одна из выдающихся книг В.М. Жирмунского – «Гёте в русской литературе» (1937). Во введении к ней ученый сформулировал важные положения своей теории сравнительного литературоведения, в том числе о значимости переводных произведений. «Переводы художественной литературы, – писал он, – в особенности сделанные самостоятельными художниками слова, оригинальными писателями, а не профессиональными переводчиками, всегда появляются для удовлетворения идеологического запроса, возникшего на данном историческом этапе у той или иной литературно-общественной группы. Сам выбор автора или произведения как объекта для перевода является фактом знаменательным, свидетельством наличности определенных исторических установок и художественных вкусов и знаком, знаменующим данное литературное направление. Всякий перевод, как и более отдаленное и свободное подражание литературному образцу, связан с творческим переосмыслением, с частичной перестройкой подлинника на основе стиля самого переводчика, или, по крайней мере, выдвигает, усиливает, раскрывает определенный аспект подлинника, наиболее близкий и потому наиболее понятный переводчику. <...> Такие творчески освоенные переводы органически входят в состав литературы, к которой принадлежит переводчик, включаются в закономерную последовательность ее развития, занимая в ней место, не вполне совпадающее с тем, какое занимает оригинал в своей родной литературе» [8, с. 12]. Это представление о значимости перевода до сих пор является одним из важных положений при изучении перевода как формы междокультурных взаимодействий.

В 1960 г. В.М. Жирмунский выступил с докладом «Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур», в котором сосредоточился на проблемах изучения типологических схождений и влияний. Он утверждал, что особенность влияний определяется закономерностями национального развития, а трансформация заимствованного материала является творческой переработкой и приспособлением к условиям жизни общества, особенностям национальной жизни, характера,

традиций и др. Своим предшественником В.М. Жирмунский считал А.Н. Веселовского и высоко оценивал его труд «Историческая поэтика».

Как и его предшественник, ученый думал над созданием всеобщей истории литературы. Он отмечал, что периодизацию литературы нужно строить по течениям и стилям и преодолеть европоцентризм литературоведения, чтобы история литературы была по-настоящему мировой. Свой вклад в эту работу он видел в изучении фольклора, особенно его жанров и сюжетов, заложив основы фольклористической компаративистики и ее методологии. В круг ее задач входили изучение сходства и различия в устном народном творчестве разных народов, общее и различное в жанрах фольклора, характер контактов в этот период развития, взаимодействие литературы и фольклора, а также сходное и различное в поэтике фольклора разных народов.

Вклад В.М. Жирмунского в развитие сравнительного литературоведения состоит еще и в том, что он выделил несколько его основных аспектов, что для того времени было очень важно: историко-типологическое, историко-генетическое и связанное с культурными взаимодействиями, названия для которого он не нашел. Ученый думал, что типологическая общность является закономерностью фольклора. Он исследовал типологические общности в героическом эпосе и разработал теорию его возникновения, генетических корней и типологически сходных

этапов его развития в разных национальных литературах. Его последователем в этом вопросе можно считать Е.М. Мелетинского.

Идеи В.М. Жирмунского относительно типологии героического эпоса ученые впоследствии распространили на изучение обрядового фольклора, лирики, народной прозы, жанров баллады и волшебной сказки, обнаружив общность в поэтике, жанрах, сюжетах; они нашли параллели, совпадения, сходжения, ввели такое понятие, как типологическая преемственность. Поскольку ученый был убежден, что изолированного культурного развития у никакой нации не существует, он много писал и о типологических проблемах, и о межлитературных взаимосвязях и контактах. Этому посвящены работы В.М. Жирмунского о «странствующих» сюжетах, которые еще и сегодня не потеряли своей научной и методологической ценности.

Таким образом, идеи А.Н. Веселовского и В.М. Жирмунского открыли доступ к изучению устойчивых стереотипных образов в литературе Востока и Запада и осмыслению национального сознания. Идеи русских ученых позволили сегодня исследователям литературы обратиться к множеству источников – не только к языку и литературе, но и к когнитивной лингвистике, культурологии, страноведению, искусству, этнографии, этнологии, истории, географии и т. д., что позволяет глубже проникнуть в национальный менталитет и систему ценностей того или иного этноса.

Список литературы

1. Бекметов Р.Ф. Литературная компаративистика как методологическая проблема: к эскизу научной стратегии в ракурсах новейших исканий // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 4 (22). С. 197-203.
2. Богаткина М.Г. О формировании новой парадигмы в современной компаративистике // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: труды и материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казан. ун-та. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 302-304.
3. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. М., 2011. № 4. С. 31-40.
4. Папилова Е.В. Художественная имагология: немцы глазами русских (на материале литературы XIX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 21 с.
5. Фиссер Е.В. Имагология: речь как способ характеристики персонажей иностранцев (на примере образа немца в русской литературе) // Имагологические аспекты русской и зарубежной литературы: межвуз. сб. науч. тр. Киров: ООО «Радуга-Пресс», 2012. С. 252-259.
6. Ощепков А.Р. Россия в книге Т. Готье «Путешествие в Россию» // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. 2000. С. 154-157.

7. Жирмунский В.М. А.Н. Веселовский и сравнительное литературоведение // Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Избранные труды. Л.: Наука, 1979.
8. Жирмунский В.М. Гёте в русской литературе. Л.: Наука, 1982.

References

1. Bekmetov R.F. Literaturnaya komparativistika kak metodologicheskaya problema: k eskizu nauchnoy strategii v rakursakh noveyshikh iskanii [Comparative studies in literature as a methodological problem: to the scientific strategy sketch from the perspective of newest researches]. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tatar State University of Humanities and Education], 2010, no. 4 (22), pp. 197-203. (In Russian).
2. Bogatkina M.G. O formirovanii novoy paradigmy v sovremennoy komparativistike [On development of a new paradigm in modern comparativistics]. *Trudy i materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii posvyashchennoy 200-letiyu Kazanskogo universiteta: "Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: sostoyaniye i perspektivy"* [Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 200th Anniversary of Kazan Federal University: "Russian and Comparative Philology: Condition and Prospects"]. Kazan, Kazan Federal University Publ., 2004, pp. 302-304. (In Russian).
3. Papilova E.V. Imagologiya kak gumanitarnaya distsiplina [Imagology as a humanitarian discipline]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskiye nauki – Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities: Philology Series*, 2011, no. 4, pp. 31-40. (In Russian).
4. Papilova E.V. *Khudozhestvennaya imagologiya: nemtsy glazami russkikh (na materiale literatury XIX v.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Artistic Imagology: Germans Through the Eyes of Russians (Based on 19th Century Literature). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2013, 21 p. (In Russian).
5. Fisser E.V. Imagologiya: rech' kak sposob kharakteristiki personazhey inostrantsev (na primere obraza nemtsa v russkoy literature) [Imagology: speech as a means for foreign characters description (on example of German person image in Russian literature)]. *Imagologicheskiye aspekty russkoy i zarubezhnoy literature* [Imagological Aspects of Russian and Foreign Literature]. Kirov, "Raduga-Press" LLC Publ., 2012, pp. 252-259. (In Russian).
6. Oshchepkov A.R. Rossiya v knige T. Got'ye «Puteshestviye v Rossiyu» [Russia in T. Gautier's book "A Trip to Russia"]. *Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvovedeniya* [Problems of Philology, Culturology and Art Studies], 2000, pp. 154-157. (In Russian).
7. Zhirmunsky V.M. A.N. Veselovskiy i sravnitel'noye literaturovedeniye [A.N. Veselovsky and comparative literature studies]. *Sravnitel'noye literaturovedeniye. Vostok i Zapad. Izbrannyye trudy* [Comparative Literature Studies. East and West. Selected Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. (In Russian).
8. Zhirmunsky V.M. Gyote v russkoy literature [Goethe in Russian Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. (In Russian).

Информация об авторах

Цявень Сунь, кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка. Биньхайский институт внешних дел, политологии и правоведения при Тяньцзиньском университете иностранных языков, г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика. E-mail: sunjiawen8169@163.com

Вклад в статью: идея, анализ литературы, обработка материала, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4193-477X>

Поступила в редакцию 30.04.2019 г.

Поступила после рецензирования 20.05.2019 г.

Принята к публикации 17.06.2019 г.

Information about the authors

Sun Jiawen, Candidate of Philology, Head of Russian Language Department. Binhai Institute of Foreign Affairs, Political Science and Law of Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, People's Republic of China. E-mail: sunjiawen8169@163.com

Contribution: idea, literature analysis, material processing, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4193-477X>

Received 30 April 2019

Reviewed 20 May 2019

Accepted for press 17 June 2019

Жанровая специфика повести В. Астафьева «Перевал»

Вероника Аркадьевна ЩЕРБАКОВА

ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»
393760, Российская Федерация, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7130-8385>, e-mail: veronikapoluschkina@yandex.ru

Genre specificity of the novella “The Pass” by V. Astafyev

Veronika A. TSCHERBAKOVA

Michurinsk State Agrarian University
101 Internatsionalnaya St., Michurinsk 393760, Tambov Region, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7130-8385>, e-mail: veronikapoluschkina@yandex.ru

Аннотация. Охарактеризованы особенности жанровой специфики повести В. Астафьева «Перевал». Обосновывается своеобразие жанрово-стилевой системы мировидения писателя. Целью является доказательство мысли о синтетической природе жанра «Перевал». Необходимость такого исследования, прежде всего, вызвана непрекращающимся интересом к уникальному творчеству В. Астафьева как со стороны критиков и литературоведов, так и со стороны общества. На примере первого серьезного произведения писателя проясняется начальный художественный уровень и замысел его творений. С помощью исследования трудов критиков и литературоведов, работы которых посвящены творчеству В. Астафьева, а также посредством обращения к прозе других русских и зарубежных авторов предпринимается попытка раскрыть феномен жанровой полифонии произведений писателя, в частности повести «Перевал». Выделяются и анализируются элементы, характерные для автобиографической повести, романа воспитания, социального романа, рассматривается их взаимодействие и синтез. Впервые в произведении выявляется актуализация традиционных сюжетных схем, свойственных «литературе фронта». В повести обнаруживается и рассматривается важная для писателя тема «освоения Сибири» и вытекающие из нее историко-социальные явления. На примере морально-этических проблем прослеживается смысловая полемика В. Астафьева с зарубежными авторами.

Ключевые слова: жанровая специфика; синтез жанров; автобиографическая повесть; роман воспитания; социальный роман; «литература фронта»; художественные схемы

Для цитирования: Щербакова В.А. Жанровая специфика повести В. Астафьева «Перевал» // Нефилология. 2019. Т. 5, № 18. С. 170-177. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-170-177

Abstract. We describe the genre specificity of the V. Astafyev's novella “The Pass”. We substantiate the originality of the genre and style system of the author's world outlook. We focus on proving the idea of the synthetic nature of the “The Pass” genre. The need for such research is primarily due to the continuing interest in the unique work of V. Astafyev, both from critics and literature studies scholars, and from society. On the example of the writer's first serious work, we clarify the initial artistic level and the idea of his creations. We attempt to reveal the phenomenon of genre polyphony of the writer's works, and in particular the novella “The Pass” through the study of the works of critics and and literature studies scholars, whose works are devoted to the work of V. Astafyev, as well as through an appeal to the prose of other Russian and foreign authors. By studying the works of critics and literary critics, whose works were devoted to the work of V. Astafyev, an attempt is made to reveal the phenomenon of genre polyphony of the writer's works. We emphasize and analyze the elements typical for autobiographical novella, educational and social novels, we consider their interaction and synthesis. Actualization of traditional plot schemes typical of “frontier literature” is revealed for the first time. We reveal and discuss the important for the writer theme in novella of “exploitation of Siberia” and the ensuing historical and social phenomena.

On the example of moral and ethical problems we can trace the conceptual polemic of V. Astafyev with foreign authors.

Keywords: genre specificity; genre synthesis; autobiographical novella; educational novel; social novel; “frontier literature”; art schemes

For citation: Tscherbakova V.A. Zhanrovaya spetsifika povesti V. Astaf'yeva «Pereval» [Genre specificity of the novella “The Pass” by V. Astafyev]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 18, pp. 170-177. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-170-177 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Исследовательский интерес современной филологии все чаще обращен к вопросам специфики жанровых форм, проблемам их изменения и синтеза. Синтез жанров в процессе развития литературы исследуется большим количеством как отечественных, так и зарубежных литературоведов. Такие исследования позволяют открывать не только новые грани отдельных произведений авторов, но и создают почву для осмысления индивидуального стиля каждого из них.

Вопрос жанрового диалога в творчестве В. Астафьева привлек внимание целого ряда исследователей (Н. Лейдерман, А. Смирнова, Н. Щедрина, П. Гончаров, Н. Ковтун, В. Зубков, Т. Вахитова, О. Золотухина и др.). Некоторые исследователи связывают феномен жанровой полифонии произведений писателя с его военным прошлым. «Немалую роль играет пережитая война в творчестве В. Астафьева, осмысливая ее, писатель настойчиво ищет гармонизирующие начала бытия, способные противостоять разрушительным силам, что во многом обуславливает специфику его жанровой системы, где структурообразующим основанием оказывается взаимодействие разных жанровых форм» [1, с. 3]. Но военные эпизоды в биографии писателя не могут объяснить все нюансы его жанровых исканий. Возможно, такое жанровое своеобразие является, прежде всего, предметом художественного изображения, «степенью правдивости» отражения действительности.

В связи с этим актуальность нашей работы обусловлена тем, что постоянное внимание к творчеству В. Астафьева как со стороны литературоведов, так и со стороны общества вызывает разные оценки и трактовки, поэтому исследование его произведений актуально для прояснения художественного уровня и смысла его творений.

На наш взгляд, такого рода жанровый интерес представляет повесть В. Астафьева

«Перевал». «Я никогда больше не возвращался к моей первой повести, не улучшал ее, не правил – она дорога мне в своем первозданном, наивном и простом, как вспаханная земля виде» [2, с. 12]. Хотя сам писатель определял свое произведение как повесть, о чем свидетельствует его цитированное выше высказывание, есть все основания говорить о синтетичности произведения, где в полной мере выражен сложный процесс взаимодействия жанров внутри единого художественного целого. В связи с чем цель заключается в исследовании и уточнении жанровой специфики повести «Перевал». Исходя из поставленной цели, были поставлены следующие задачи:

- проанализировать критический материал по творчеству автора;
- определить схожие черты повести «Перевал» с другими жанрами литературы;
- сопоставить повесть с другими произведениями литературы на предмет определения жанровой специфики.

Материалом для исследования послужил текст повести В. Астафьева «Перевал», труды критиков, литературоведов о творчестве писателя. Помимо этого мы обращаемся к прозе других русских и зарубежных авторов.

Следует подчеркнуть, что «Перевал» относится к первому периоду творчества писателя (1951–1969 гг.), этот период П.А. Гончаров условно называет пермским или уральским, именно в этот время происходит становление жанрово-стилевой системы и мировидения писателя [3, с. 10], именно в первый период в прозе В. Астафьева преобладает жанр повести («Звездапад», «Стародуб»). Это обуславливается в большей степени тем, что начинающий писатель находится под влиянием социокультурных тенденций эпохи, динамичный тревожный XX век выдвинул повесть в положение ведущего жанра литературы, и многие писатели, в том

числе и В. Астафьев, следовали веяниям времени.

Анализируя первое значимое произведение В. Астафьева «Перевал», трудно не заметить, что в него включены отдельные важные для судьбы автора эпизоды из жизни, обладающие высокой степенью биографичности. Так, при исследовании деталей истории Ильки Верстакова, главного героя, очевидным становится их совпадение с фактами биографии писателя. В. Астафьев и сам подтверждает наличие биографического материала в произведении, в своей «Автобиографии» он пишет: «<...> в повести «Перевал» почти с точностью описана первая зима, проведенная боевой семейкой в поселке Сосновка, в повести переименованном в Шипичиху» [2, с. 16]. В этой связи наличие ряда биографических эпизодов позволяет считать «Перевал» повестью автобиографической. Но рассматривать произведение в рамках жанра автобиографической повести можно лишь частично, так как В. Астафьев не все эпизоды своей биографии включает в повесть, а лишь наиболее яркие элементы из детства. Помимо этого, писатель не сосредотачивается на последовательном изложении фактов только своей жизни, а наоборот, в его произведении переплетаются множество судеб, жизненных историй разных людей, что противоречит характерным чертам жанра автобиографической повести.

Вместе с тем повесть «Перевал» обладает рядом признаков, характерных для жанровых форм романа воспитания. Так, важную роль в сюжете, традиционном для произведения, относящегося к жанру романа воспитания, занимает история происхождения главного героя. Чаще всего персонаж-ребенок является сиротой, лишенным не только родителей, но и родного крова. Хотя герой «Перевала» полусирота (его отец жив), он остро ощущает отсутствие отцовской любви и заботы. Напряженная семейная обстановка вынуждает героя спешно покинуть свой дом и вести отшельнический образ жизни. Так, сбежав из семьи и прежнего дома, главный герой Илька приобретает новый дом в виде острова и заброшенного шалаша, а встретившиеся ему сплавщики выполняют роль новых попечителей.

Помимо этого, основным мотивом произведения в жанре романа воспитания является становление личности молодого героя, происходящее на фоне нелегких жизненных условий. Такой мотив присутствует и несет главную смысловую нагрузку и в произведении В. Астафьева. В «Перевале» главный герой Илька этап своего взросления и формирования проходит буквально в суровых жизненных условиях, но все испытания и скитания, быт отшельника вырабатывают в нем навыки приспособления к нелегким обстоятельствам и способствуют духовной и физической закалке подростка.

М.М. Бахтин в теоретическом труде, посвященном типологии романа воспитания, выделяет три разновидности романа воспитания, которые также находят отражение в повести В. Астафьева «Перевал». К первой группе он относит идиллический роман воспитания, который характеризуется единством места, где действие происходит в ограниченном пространстве родной земли, и где все важные события находятся в тесной связи с жизнью природы [4]. Все это можно увидеть и в астафьевском «Перевале»: все события и перемены, происходящие в повести, связаны с природой. Главный герой в ключевые моменты действия находится в постоянном взаимодействии с ней. Все развивается в недрах сибирской природы – будь то побег Ильки из дома на остров, его судьбоносная встреча с бригадой сплавщиков, долгожданная переправа, и даже гибель матери, из-за которой жизнь Ильки круто изменилась в худшую сторону. Во второй разновидности романа воспитания, по М.М. Бахтину, происходит изображение жизни, как опыта, как школы, через которую должен пройти каждый человек [4]. В результате он должен приобрести достоверное знание о жизни, о людях. Такая история происходит и с Илькой Верстаковым, он сталкивается с реалиями жизни, из которых и должны вытекать, как считает М.М. Бахтин, основные события романа [4].

Роман-становление, относимый исследователем к третьей разновидности романа воспитания, является формой более широкого типа, характеризуется героем, изменяющимся вместе с окружающим миром. Герой «Перевала» так же, как и традиционный ге-

рой романа воспитания, взрослея и преодолевая юношеские заблуждения, ищет пути реализации своей индивидуальности вопреки враждебным обстоятельствам. В основе этой сюжетной схемы зачастую может быть «положена определенная педагогическая идея, понятая более или менее широко. Здесь изображается педагогический процесс воспитания в собственном смысле слова» [5, с. 188]. Такая педагогическая идея не только присутствует, но и ярко выражена в повести В. Астафьева. Люди, в общество которых попадает Илька, становятся для него своего рода наставниками, которые не только способствуют моральному развитию личности героя, но и расширяют его кругозор, делают его «предметом народного образования» [6, с. 187].

Жанру романа воспитания, в особенности вопросам о его генезисе, эволюции, специфике посвящены многие исследования отечественных и зарубежных ученых. Вместе с тем трудно не согласиться с точкой зрения литературоведа А. Диалектовой о том, что точно определить роман воспитания невозможно, так как он находится в процессе постоянного развития и изменения. Исследовательница, тем не менее, считает, что «под романом воспитания следует понимать произведение, доминантой сюжета которого является процесс воспитания героя, для которого жизнь становится своеобразной школой» [7, с. 7]. Также она выделяет и систему признаков, характеризующих специфику романа воспитания, явно присутствующих и в повести В. Астафьева «Перевал»: развитие героя, раскрывающееся в столкновениях с внешним миром, стремление героя к мечте, идеалу, движение героя от крайнего индивидуализма к социализации и др.

Безусловно, жанр романа воспитания – это сложный узел, где переплетаются различные нити, объединенные в единое целое. Это может быть нить детективного, фантастического, любовного или же приключенческого плана. В этом отношении интерес представляет роман Д. Дефо «Робинзон Крузо», благодаря которому впервые в литературе появляется термин «робинзонада».

По справедливому замечанию П.А. Гончарова, повесть В. Астафьева «Перевал» может быть охарактеризована как речная робинзонада, «повесть о приключениях маль-

чишки на лоне суровой сибирской природы» [3, с. 36]. В творчестве писателя еще не один раз появится мотив робинзонады (повествование в рассказах «Царь-Рыба»). И это не случайно, ведь, рассказывая о себе, сам В. Астафьев утверждает: «Чтение мое началось с известной всем книги «Робинзон Крузо». Затем пришли Марк Твен и Фенимор Купер» [5, с. 461]. История Ильки из «Перевала» основана на мотиве приключений «естественного человека», ярко реализованном в романе Д. Дефо. В. Астафьев, так же как и Д. Дефо, намерено лишает своего героя благ цивилизации, помещая его в первозданную природу и оставляя его наедине с самим собой. В. Астафьев использует этот прием для акцентирования родства человека и природы, их нерушимой связи. Однако астафьевский «Робинзон» во многом отличается от Робинзона Дефо, и в первую очередь тем, что Илька чувствует себя по-домашнему на своем острове и уверенно справляется со всеми невзгодами, уготованными ему. Единственное, что оставляет место для беспокойства в его душе, это невыносимое одиночество, которое разрешается встречей других «робинзонов» в образе сплавщиков – «мужиков». Так, астафьевский «Робинзон», в отличие от Робинзона Дефо, проходит путь переосмысления своих убеждений и взглядов в кругу людей – в бригаде сплавщиков. Наличие этого факта еще раз доказывает частичную принадлежность произведения «Перевал» к жанру романа воспитания, ведь одним из основных факторов, принадлежащих этому жанру, по мнению литературоведа В.Н. Пашигорева, являются такие второстепенные персонажи, которые группируются вокруг главного героя и выступают в роли катализаторов его воспитательного процесса [8].

Вместе с тем «Перевал» по праву можно назвать и произведением, испытавшим воздействие элементов жанра социального романа, потому что оно имеет ряд схожих признаков, свойственных данной жанровой разновидности романа. Плакатный стиль жизни, изображение больших масс и попытка обрисовать коллективную психологию, воспроизвести динамику бурной эпохи – таковы характерные черты социального романа, которые находят свое отражение в повести «Перевал» В. Астафьева.

Это произведение написано в 1958–1959-х гг., но художник изображает картину жизни народа начала 1930-х гг., точнее – 1934 г., затрагивая исторические события, происходившие в этот период в стране, влияющие на судьбу каждого человека и всего народа. В. Астафьев в повести показывает атмосферу, царящую в обществе. «По всей стране стучали топоры. Россия строилась» [6, с. 113]. В повести ощутимо движение и стремление каждого человека к чему-либо. Так, в повести главный герой покидает свое прежнее место жительства и направляется к бабушке, чтобы жить лучше, сплавщики в целях заработка приехали в Сибирь сплавлять по реке лес. Автор вносит в повесть оттенки, присущие культурной жизни советского общества. «А нынче вот услышал, как студенты пели бодрую песню, под которую ноги вроде бы сами ходят: «Нас утро встречает прохладой, нас ветром встречает река...» [6, с. 116], вместе с тем В. Астафьев подчеркивает и легкомысленную безграмотность основного населения. Надпись на бараке гласит: «заштрафовано» [6, с. 113].

Сюжет повести «Перевал» связан с таким значимым в истории страны периодом, как коллективизация. В. Астафьев подчеркивает большое значение культа коллектива и связанные с ним атрибуты: Илья не желает быть бесполезным нахлебником и отказывается от еды до тех пор, пока не становится официальной частью «речного» коллектива. «Что сделать для того, чтобы он чувствовал себя в артели своим человеком?» «Его надо оформить!» [6, с. 156, 157]. Затронута и возникшая из-за коллективизации проблема массового голода 1932–1933 гг. «В голодный тридцать третий год на одной картошке жил с бабушкой и дедушкой» [6, с. 126]. Проскальзывают детали пятилетних планов Советского Союза того времени, связанные с развитием народного хозяйства. Об этом говорит распространенный лозунг советских пятилеток. «К стене барака прибит плакат, смытый дождями. На нем уцелели только два слова «Вперед» и «пятилетку», а остальное угадывалось лишь по полоскам...» [6, с. 152].

Героев произведения, изображаемых художником, по праву можно назвать отражением социально-экономических и морально-этических настроений советского общества

начала XX века. Астафьев пытается показать трагизм жизни обычных людей. Население России потревожено «гражданской войной, сдвинуто с родных мест разрухой и голодом». «Вместе со всей страной люди на рейде тужились, чтобы сделать немислимое дело – поднять одряхлевшую Русь» [6, с. 162]. Внимание к Руси босяцкой сближает «Перевал» с традициями русской пролетарской литературы.

В «Перевале» затронута еще одна актуальная проблема, волнующая В. Астафьева, – тема «освоения» Сибири. «Перевал», как известно, написан во второй половине XX века, как раз на этот период в русской литературе приходится пик популярности произведений, где Сибирь оказывается центром внимания. XX век открыл многие имена писателей, в произведениях которых воссоздан многотрудный и противоречивый путь развития России, в частности сибирских территорий. С. Залыгин, В. Шукшин, В. Распутин, А. Вампилов создают свои оригинальные произведения, обращаясь к сибирской теме. Эта тема не могла не отразиться в полной мере в творчестве коренного сибиряка В. Астафьева.

Литература о покорении новых пространств актуализировалась еще в XIX веке и условно стала называться «литературой фронта». Несмотря на всю индивидуальность авторов и различия произведений об освоении новых земель, в них сложились отдельные традиционные сюжетные схемы, характерные для всей этой группы произведений Ф. Купера, Т. Майн Рида [9], У. Уитмена, Дж. Лондона [10: 11] и других писателей, повествующих о смелых первопроходцах североамериканского «пограничья».

Однако в «Перевале» В. Астафьева актуализируются не только сюжетные схемы романа воспитания, социального романа, но и частично схемы «фронтирных» произведений. Часто в «литературе фронта» писатели изображают соприкосновение разного рода людей с первозданной природой (будь то любовные истории или столкновения европейских завоевателей с аборигенами). Все события отягощаются суровостью и беспощадностью природы. Эту тему в своем произведении использует и В. Астафьев, его герои так или иначе сталкиваются с силой природы, оказываются с ней один на один, и

очень часто именно такие моменты являются показательными, раскрывающими всю суть астафьевских героев. Тема соприкосновения человека и природы присутствует не только в «Перевале», но и в других произведениях писателя, наиболее близки в этом плане, на наш взгляд, произведения «Стародуб» и «Царь-Рыба».

Главным мотивом, сближающим «Перевал» с «литературой фронта», является мотив «естественного человека» – одинокого охотника, живущего посреди дикой природы, терпящего и справляющегося с различными испытаниями и неудобствами.

Таким героем в «Перевале» является Илья Верстаков. Он сын охотника и с малолетства ходит один в тайгу, хорошо разбирается в травах и ягодах, знает голоса лесных птиц, отлично «ходит на шесте». И даже оказавшись в полном одиночестве на острове Вербном, он без труда приготавливает себе вкусный ужин, умело наловив хариусов.

В роли покорителей Сибири в «Перевале» выступают сплавщики. Но у В. Астафьева рабочие-сезонники, приехавшие в Сибирь на заработки, отличаются от покорителей новых земель, характерных для «литературы фронта». Так, например, у Ф. Купера в «Зверобое» персонаж-завоеватель сообщает о том, что «оскальпировать дикаря или даже содрать с него кожу – для меня то же самое, что отрезать уши у волка, чтобы получить премию, или же снять шкуру с медведя» [12, с. 38]. Ф. Купер наделяет персонажа отрицательными свойствами, подчеркивая жестокость и варварское его отношение ко всему живому, желание разбогатеть любым путем. Убийство животного или человека не является для него запретным в погоне за желаемым, что делает куперовского покорителя антигероем не только для читателя, но и для автора.

Характерно, что у В. Астафьева сплавщики лишены всепоглощающего чувства наживы, все они оказались на баркасе, в одной артели только из-за сложных жизненных ситуаций. Автор, рассказывая об истории бригадира Трифона Летяги, сообщает читателю о том, что «на плечи шестнадцатилетнего парня легло хозяйство и забота о двух младших братьях и сестренке, а также и о матери. Он до сих пор половину своей зарплаты отсылал семье, жил бережно» [6,

с. 163]. Кроме драматичной жизненной истории В. Астафьев наделяет бригадира чертами из живой природы: «Вот бригадир Летяга. Есть белка с таким названием в Сибири. Да и глаза Трифона Летяги напоминали беличий пушистый мех» [6, с. 163]. Еще одним симпатичным персонажем для В. Астафьева является дядя Роман, Красное Солнышко, который оказался в Сибири не для заработка, а для душевного покоя. Сравнивая его с одиноким медведем, автор показывает его связь с природой: «<...> но вот на старости лет, подобно бесприютному шатуну медведю, подался старик в родные сибирские леса – умирать» [6, с. 164].

В. Астафьев в «Перевале», как и авторы фронтирных произведений, поднимает тему столкновения людей и дикой природы. В трех главах «Перевала» В. Астафьев изображает всю мощь дикой необузданной сибирской природы и всю беспомощность перед ней людей. «Мара виляла меж камней, торчавших то там, то тут, из воды, прикидывалась тихоней, а потом, словно вспомнив о своем крутом нраве, вдруг сердито бросалась на скалы, с шумом била, как таранами, бревнами о камни» [6, с. 194]. Река Мара, на которой работали сплавщики, как бы испытывает каждого дерзнувшего бросить ей вызов человека, будь то «естественный человек», знающий тайгу «как пять пальцев» Илья, либо рабочие-сезонники, прибывшие в тайгу и умело исполняющие свое дело.

Еще одним мотивом, сближающим астафьевский «Перевал» с «литературой фронта», является наличие неподдельной смелости героя, стремящегося к поставленной цели сквозь любые непреодолимые препятствия, уготованные суровой природой или людской враждебностью. С этой точки зрения Илья из «Перевала» схож с персонажами северных рассказов «Белое безмолвие», «Любовь к жизни» Дж. Лондона. Герои Дж. Лондона пускаются в путь ради волшебной сказки, они мечтают переплыть океан и жить в большом городе [13]. Герой В. Астафьева мечтает добраться к бабушке с дедушкой, чтобы наладить свою неустроенную жизнь, он готов на любые испытания, предназначенные ему.

И у Дж. Лондона, и у В. Астафьева одной из главных морально-этических проблем

является проблема вынужденного выбора. Так, герой Дж. Лондона Кид должен взять всю ответственность на себя и решить не просто арифметическую задачу – «три жизни против одной». Илья же, рискуя своей жизнью, бросается на помощь тонущим сплавщикам и доставляет им спасительную лодку: «<...> мальчишка понял, что заворачивать к мужикам некогда, что дорога каждая секунда. Стало быть, надо мчаться в порог одному» [6, с. 199]. Этот эпизод в повести становится особенно значительным, здесь В. Астафьев, полемизируя с «литературой фронтира», делает своего героя отличным от героев произведений о колонизации новых земель

Америки [14]. Герой В. Астафьева ни при каких условиях не бросает близких ему с недавнего времени людей и ценой собственной жизни готов помочь не только хорошо знакомым, но и совершенно незнакомым людям.

Итак, на примере первого оригинального крупного произведения писателя повести «Перевал» вполне очевидно, что художественная система В. Астафьева противится жанровой монологичности. В связи с этим, с нашей точки зрения, логичнее было бы рассматривать «Перевал» в аспекте синтеза жанров, а не доминирования какого-либо одного из них.

Список литературы

1. Прокопенко Н.М. Жанр пасторали и его актуализация в рассказах и повестях В.П. Астафьева 60–80-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2010. 22 с.
2. Астафьев В. Автобиография // Урал. 2004. № 5. С. 12-17.
3. Гончаров П.А. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы 1950–1990-х годов. М.: Высш. шк., 2003. 386 с.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
5. Ростовцев Ю.А. Страницы из жизни Виктора Астафьева. М.: Энциклопедия сел и деревень, 2007. 480 с.
6. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Стародуб; Перевал; Звездопад; Пастух и пастушка; Ода русскому огороду / предисл. В. Курбатова. М.: Мол. гвардия, 1979. 493 с.
7. Пашигорев В.Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII–XX веков. Саратов: Саратов. ун-т, 1993. 133 с.
8. Пашигорев В.Н. Философские и литературные предпосылки немецкого романа воспитания // Филологические науки. 1990. № 2. С. 36.
9. Рид М. Всадник без головы. Роман. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. 432 с.
10. Лондон Дж. Белый клык. Повесть. Рассказы // Лондон Дж. Белый клык. Повесть. Рассказы; Сентон-Томпсон Э. Рассказы о животных; Зальтен Ф. Бемби. М.: Дет. лит., 1982. С. 19-290.
11. Лондон Дж. Рассказы. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1986. 351 с.
12. Купер Д.Ф. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. Зверобой, или Первая тропа войны. М.: Правда, 1982. 495 с.
13. Балтрон Р. Джек Лондон: Человек, писатель, бунтарь. М.: Прогресс, 1981. 208 с.
14. Ковалев Ю.В. Литература США // История всемирной литературы: в 9 т. / отв. ред. И.А. Тертерян. М.: Наука, 1989. Т. 6. С. 551-581.

References

1. Prokopenko N.M. *Zhanr pastorali i ego aktualizaciya v rasskazah i povestyah V.P. Astaf'eva 60–80-kh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Pastoral Genre and its Actualization in Stories and Novels of V.P. Astafyev of 60–80s. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Ishim, Ishim State Pedagogical University Publ., 2010, 22 p. (In Russian).
2. Astafyev V.P. *Avtobiografiya* [Autobiography]. *Ural*, 2004, no. 5, pp. 12-17. (In Russian).
3. Goncharov P.A. *Tvorchestvo V.P. Astaf'eva v kontekste russkoy prozy 1950–1990-kh godov* [Works of V.P. Astafyev in the Context of the Russian Prose of the 1950–1990s]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2003, 386 p. (In Russian).
4. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Word Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, 423 p. (In Russian).
5. Rostovtsev Y.A. *Stranitsy iz zhizni Viktora Astaf'eva* [Pages from Viktor Astafyev's Life]. Moscow, Entsiklopediya sel i dereven' Publ., 2007, 480 p. (In Russian).

6. Astafyev V.P. *Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 1. Starodub; Pereval; Zvezdopad; Pastuh i pastushka; Oda russkomu ogorodu* [Collected Works: in 4 vols. Vol. 1. The Old Oak; The Pass; Falling Star; Shepherd and the Shepherdess; Ode to the Russian Vegetable Garden]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1979, 493 p. (In Russian).
7. Pashigorev V.N. *Roman vospitaniya v nemetskoj literature XVIII–XX vekov* [Education Novel in German Literature of 18–20th Centuries]. Saratov, Saratov State University Publ., 1993, 133 p. (In Russian).
8. Pashigorev V.N. *Filosofskie i literaturnye predposylki nemeckogo romana vospitaniya* [Philosophical and literature preconditions of the German education novel]. *Filologicheskie nauki* [Philosophical Sciences], 1990, no. 2, p. 36. (In Russian).
9. Reid M. *Vsadnik bez golovy. Roman*. [The Headless Horseman. Novel]. Gorky, Volgo-Vyatskoe Publ., 1989, 432 p. (In Russian).
10. London J. Belyy klyk. Povest'. Rasskazy [White Fang. Novella. Stories]. In: London J. *Belyy klyk. Povest'. Rasskazy* [White Fang. Novella. Stories]; Seton-Tompson E. *Rasskazy o zhivotnykh* [Animal Stories]; Salten F. *Bembi* [Bambi]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1982, pp. 19–290. (In Russian).
11. London J. *Rasskazy* [Stories]. Voronezh, Central Black Earth Book Publ., 1986, 351 p. (In Russian).
12. Cooper J.F. *Sobranie sochineniy: v 7 t. T. 6. Zveroboy, ili Pervaya tropa voyny* [Collected Works: in 7 vols. Vol. 6. The Deerslayer, or The First War-Path]. Moscow, Pravda Publ., 1982, 495 p. (In Russian).
13. Baltron R. *Dzhek London: Chelovek, pisatel', buntar'* [Jack London: Person, Author, Rebel]. Moscow, Progress Publ., 1981, 208 p. (In Russian).
14. Kovalev Y.V. *Literatura SSHA* [History of the USA]. In: Terteryan I.A. (executive ed.). *Istoriya vseмирnoy literatury: v 9 t.* [History of World Literature in 9 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1989, vol. 6, pp. 551–581. (In Russian).

Информация об авторе

Щербакова Вероника Аркадьевна, аспирант, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская обл., Российская Федерация. E-mail: weronikapoluschkina@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7130-8385>

Поступила в редакцию 22.04.2019 г.

Поступила после рецензирования 21.05.2019 г.

Принята к публикации 17.06.2019 г.

Information about the author

Veronika A. Tscherbakova, Post-Graduate Student, Social and Humanitarian Disciplines Department, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: weronikapoluschkina@yandex.ru

Contribution: main study conception, literature analysis, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7130-8385>

Received 22 April 2019

Reviewed 21 May 2019

Accepted for press 17 June 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-178-184
УДК 801.73

Способы выражения иронии и ее виды в современной русскоязычной поэзии Казахстана (на примере творчества Д. Накипова)

Аннелъ Тлеумагамбетовна БАКТЫБАЕВА^{1,2}

¹АО «Национальный медицинский университет им. С. Асфендиярова»
050000, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Толе-би, 88

²ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8980-0511>, e-mail: almaz_annel@mail.ru

Ways of expressing irony and its types in modern Russian-language poetry of Kazakhstan (on the example of D. Nakipov's works)

Annel T. BAKTYBAYEVA^{1,2}

¹National Medical University
88 Tole-bi St., Almaty 050000, Republic of Kazakhstan

²National Research Ogarev Mordovia State University
68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8980-0511>, e-mail: almaz_annel@mail.ru

Аннотация. Представлены современные взгляды литературоведов, лингвистов и культурологов на понятие, что такое ирония в поэтическом произведении. Проанализированы различные способы выражения иронии на примере современной русскоязычной поэзии Д. Накипова. Материалом стала научно-исследовательская литература по проблеме анализа поэтики текста и лирические стихотворения русскоязычного поэта Казахстана. Методы исследования: метод сплошной выборки использован в целях установления элементов иронии в поэтических текстах; компонентно-семантический анализ использован для определения иронического смысла на различных уровнях художественного текста: лексическом, грамматическом, синтаксическом. Вывод: установлено, что в произведениях Д. Накипова ирония посредством каламбура, антифразиса, изменения фразеологизма, использование неологизмов и т. д. передают внутреннее отношение лирического героя к происходящему, его настроения, чувства. Различные способы выражения иронии создают ироническую картину мира. Ироническое обращение, обещание, переадресовка, общеязыковые и индивидуально-авторские слова и выражения с ироническим оттенком выполняют несколько функций (эмотивную, экспрессивную, характерологическую) и передают несколько значений (состояние, отношение, воздействие, характеристика).

Ключевые слова: ирония; иронический смысл; лирический герой; русскоязычная поэзия Казахстана

Для цитирования: Бактыбаева А.Т. Способы выражения иронии и ее виды в современной русскоязычной поэзии Казахстана (на примере творчества Д. Накипова) // Неофилология. 2019. Т. 5, № 18. С. 178-184. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-178-184

Abstract. We present the modern views of literature studies scholars, linguists and culturologists on the concept of irony in a poetic work. We analyze different ways of expressing irony on the example of contemporary Russian-language poetry by D. Nakipov. We center on material of the research literature on the analysis of the text poetics and lyrical poems of the Russian-speaking poet of Kazakhstan. Research methods: we use the method of continuous sampling to establish elements of irony in poetic texts; component and semantic analysis is used to determine the ironic

meaning at various levels of literary text: lexical, grammatical, syntactic. Conclusion: in the works of D. Nakipov irony conveys the inner attitude of the narrator to what is happening, his mood and feelings through pun, antiphrasis, changes in phraseology, the use of neologisms, etc. Different ways of expressing irony create an ironic worldview. The ironic appeal, promise, readdressing, common-language and individually-author's words and expressions with an ironic tone serves several functions (emotive, expressive, characterological) and passes several meanings (state, attitude, influence, characterization).

Keywords: irony; ironic meaning; narrator; Russian-language poetry of Kazakhstan

For citation: Baktybayeva A.T. Sposoby vyrazheniya ironii i ee vidy v sovremennoy russkoyazychnoy poezii Kazakhstana (na primere tvorchestva D. Nakipova) [Ways of expressing irony and its types in modern Russian-language poetry of Kazakhstan (on the example of D. Nakipov's works)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 18, pp. 178-184. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-178-184 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Когда идет постепенное осмысление социальных потрясений, происшедших в обществе, большое распространение получает ирония. Подтверждением этому служит современная казахстанская литература начала XXI века. По мнению исследователей, ее актуализация в переломные моменты истории весьма оправдана. Для одних ирония становится позицией, которая позволяет дистанцироваться от окружающей действительности. Для других – способ самозащиты. Для третьих – средство постижения истины [1, с. 3]. И в том, и в другом случае она является точкой зрения (выражением) мироотношения, смехом в скрытом виде, проявляющемся в комизме положений.

В современном литературоведении неоднократно предпринимаются попытки классифицировать накопленные знания об иронии. Начиная с античности, «теоретики литературы отмечают, что концепция иронии все еще не сложилась, она находится в процессе разработки» [2, с. 4]. По мнению В.И. Хрулева, ирония в художественном творчестве – форма интеллектуального освоения материала. Она является средством выражения авторской позиции, своего рода регулировкой суждений героев [3, с. 114]. Г.Н. Пospelов подчеркивает интеллектуальную силу иронии, ее объективность. В основе иронии, по его мнению, лежит противоречие самой действительности [4, с. 119]. Т. Манн считает: «объективность – это ирония <...> это <...> иначе говоря, взгляд с высоты свободы, пока <...>, не омраченный никаким морализаторством» [5, с. 277]. В трудах Э.С. Афанасьева ирония – категория, которая наиболее

точно отражает творческое сознание писателя и характеризует состояние мира: «Художественный эффект иронии основывается прежде всего на глубинной коллизии сознания человека и порядка вещей, коллизии, служащей предпосылкой литературной игры автора с читателем» [6, с. 205]. В.Я. Пропп отмечает, что ирония появляется при несоответствии между неким абстрактным, мыслимым идеалом и зрительным, реальным воплощением этого идеала [7, с. 28]. Антиномия «сознание человека – порядок вещей» – основа художественной литературы, и именно она интерпретируется в ироническом контексте [6, с. 205]. Г.В. Орлова рассматривает иронию как текстовую категорию. По мнению исследователя, она – элемент авторского мировоззрения для раскрытия ценностного смысла предметов и явлений окружающего мира. Она стимулирует в тексте имплицитные смыслы для того, чтобы автор оценил явления действительности [8]. О.Г. Петрова считает, что ирония связана с господствующими в определенную эпоху политическими, этическими и философскими взглядами и отражает стиль жизни страны и людей, которые воздействуют на мировоззрение авторов и определяют тип ирониста и способы иронизирования [9, с. 73]. Для С.И. Походни ирония стоит в одном ряду с сатирой и юмором, потому что формируется на противоречии формы и содержания [10]. По мнению исследователя, в сравнении с сатирой ирония менее агрессивна, но более интеллектуальна и аналитична. Наряду с этим ирония может не иметь никаких оттенков юмора, а наоборот, может выражать раздражение, возмущение, горечь, неприязнь и другие чувства, далекие от желания шутить. В. Санников выде-

ляет три формы комического: юмор, сатиру и иронию. Ученый образно сравнивает комическое с семьей, состоящей из брата и двух сестер, которые имеют разный характер. «Брат (юмор) добродушно, иногда даже со стыдливой любовью подтрунивает над частным и второстепенным, тогда как сестры (ирония и сатира) – злые насмешницы, отрицают общее и основное. При этом если в иронии обидный оттенок еще несколько скрыт, то сатира бескомпромиссно враждебна к объекту» [11, с. 78].

Определенную лепту в развитие иронии привносит современный казахстанский поэт Д. Накипов. Без его лирики представление о казахстанской русскоязычной поэзии рубежа XX–XXI веков будет неполным. Д. Кузьмин отмечает, что при смене поэтических эпох «возникает возможность появления центральной фигуры современной... поэзии...» [12]. Эти слова, на наш взгляд, в полной мере мы можем соотнести с творчеством Д. Накипова. При этом «идея центральной фигуры не имеет ничего общего со статусом «первого поэта эпохи» <...> Речь не о том, что автор пишет лучше других или значит для литературы больше. Речь о том, что поэтика этого автора – благодаря апелляции к наибольшему числу длящихся традиций, благодаря разнообразию инструментария – располагается в центре национального литературного пространства» [12, с. 76]. Разумеется, соотношение, что является центром, а что периферией – относительно. Все же встроенность его поэтики в поэтическую традицию делают его тексты интереснейшим явлением «пристального прочтения» как со стороны литературоведов, так и читателей.

По их обоюдному мнению, за последнее десятилетие заметна динамика его творчества. «Вечер века» (1996), «Песня моллюска» (2000), «Женщина и пурпур» (2004), поэмы «Близнецы», «Сказы вечного сурка», книга поэм «Время Ре» (2009) обозначили новые стилистические и смысловые горизонты поэзии начала XXI века. Его романы «Круг пепла» (2005), «Тень ветра» (2009), «Время Ре», в которую вошли 15 поэм о современном мире, написанные в период 2001–2006 гг., позволяют по-новому открыть иронический контекст русскоязычной поэзии Казахстана. Появление работ обобщающего характера,

посвященных исследованию структуры художественного мира поэта, его звукописи, поэтики как эстетического явления, остается все же неполным без выяснения значения иронии в мировосприятии Д. Накипова. Ее роль в его произведениях остается малоизученным аспектом. Это и обусловило *актуальность* данной статьи.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для нашего исследования послужили несколько стихотворных произведений казахстанского поэта. Начнем с «Мадам поэзия».

Мадам Поэзия
в сей час молчит – немеет,
и ждет, покуда отрезвеет
поэт,
и перетрет
дешевой жизни суррогат
в стихи...
Возможно, он умрет
в сиюминутях – суетвореньях сих...
Потом откроют институт
по теме и проблеме
отрезвления поэта.
Затем появится ученый,
поэзопьянством удрученный,
и составит в прозе
«веник сонетов»,
дабы училось,
(хоть чему и как-то)
дистиллированное племя
жеребят и одров...
Вотще, живите бодро...
Ха, ха... [13, с. 177].

Ирония – это прием комического. Мы солидарны с мнением С.П. Белокуровой, что «вид комического: осмеяние, содержащее отрицательную, осуждающую оценку того, что критикуется; тонкая, скрытая насмешка. Комический эффект достигается посредством того, что говорится прямо противоположное подразумеваемому» [14].

В первых строчках данного стихотворения – ироническая экспрессия. Она не просто описывает ситуацию, но и одновременно с этим оценивает ее. При этом происходит постепенная перемена оценочного компонента с положительного на отрицательный. Иронией поэт подчеркивает окружающую его дей-

ствительность «дешевой жизни суррогат», но выражает это посредством эмоционального эпитета.

На наш взгляд, ирония в противопоставлении: *немеет – перетрет* (будет много говорить) в строчках «*Мадам Поэзия // в сей час молчит – немеет, // и ждет, покуда отрезвеет // поэт, // и перетрет // дешевой жизни суррогат // в стихи...*» приписывает явлению то, чего ему недостает, и тем самым как бы возвышает поэта, но лишь с той целью, чтобы сильнее подчеркнуть сущность и значимость поэтического творчества. Как отмечает А.А. Щербинина, «необходимый элемент иронии – стремление скрыть истинный смысл сказанного, но скрыть так, чтобы об этом можно было догадаться» [15, с. 25].

Каламбур, как игра, построенная на многозначности, и ироническое изменение устойчивого выражения мы нашли в таких строчках: «*Потом откроют институт // по теме и проблеме // отрезвления поэта. // Затем появится ученый, // поэзопьянством удрученный, // и составит в прозе // «веник сонетов...*». Здесь сочетание двух модально-оценочных значений: достоверность, вызывающая улыбку действительным положением реалии, – *откроют институт* и косвенной оценки объекта комического *ученый, поэзопьянством удрученный*. Достоверность подчеркивает прямой смысл высказывания, тогда как ее скрытый смысл – это ироническая оценка происходящего. Действительность описываемого события имеет прямой смысл, но при этом вынуждает читателя искать второй смысл. Это приводит к столкновению авторского подтекста и собственного понимания читателя, что и создает иронический эффект [16, с. 24]. На самом деле, читатель понимает, что пьянство поэта – слабое оправдание его, мучительно переживающему немоту, безвестности, «ненужности», «непонимание» его произведений «дистиллированным племенем жеребят и одров». Поэзопьянство – авторский неологизм, который усиливает ироническое начало.

На наш взгляд, в поэзии Д. Накипова ироничные слова и выражения можно условно разделить на две группы: общеязыковые и индивидуально-авторские. При этом индивидуально-авторских больше, чем общеязыковых. По мнению И.А. Стернина и М.С. Соло-

матиной, смысл общеязыковых иронических слов имеют постоянную составляющую – ироническую оценку, которая является частью денотации, а не коннотации [17, с. 70]. К этой группе относятся слова книжного или архаичного характера: суррогат, удрученный, дистиллированное и т. п. Некоторые значения многозначных слов также приобретают в контексте иронический смысл: ученый, племя. Ироническое употребление слов «высоких», архаичных – традиционный прием русской классической литературы.

Яркий прием создания иронии – использование слов и словосочетаний в значении, противоположном тому, какое они имеют в повседневности, то есть контекстуально выраженное ироническое значение: «...откроют институт // по теме и проблеме // отрезвления поэта» или «...появится ученый, // поэзопьянством удрученный...».

Как показывает наш анализ стихотворения, ирония создается и при использовании нарушения фразеологических средств языка – «венки сонетов» – «веник сонетов». Здесь поэт использует фразеологизм в узуальной форме и значении. Слово *венки* имеет значение ритуального предмета, элемент убранства исполнителей обрядов, талисман [18, с. 37]. Поэт снизил данное значение слова и переделал его на *веник*. Лексическое значение этого слова, как указано в словаре, связка прутьев или веток с листьями для подметания полов, для парения в бане, что противоречит содержанию контекста, то есть фразеологическая единица стала средством иронического иносказания.

У казахстанского поэта своеобразие иронического передается и при помощи разнообразия масок, «надеваемых» иронистом. В стихотворении – это маска мадам поэзии, маска поэта, маска просто читателя-человека, размышляющего над происходящим, и т. п. Исследователи считают, что юмор в иронических высказываниях не зависит от типа маски, но некоторая связь между ними есть. Так, например, маска подлого человека не подразумевает юмора, а маска глупца является одной из самых смешных.

Текстовая ирония передается поэтом при помощи антифразиса, выраженного в форме диалога, как, например, в следующем отрывке из стихотворения цикла «Год овна»:

Нет отца?!
Безотцовщина?!
Ах ты, бандит, без отчества.

Бесовщина.
Как тебя там?
В каком обществе?!
В общем таких,
Как ты... песок... без конца...

[13, с. 213].

Для стихов Д. Накипова типична ироническая солидарность с переадресовкой иронии:

Как бы в шутку, между прочим,
пишет-чертит Пиросмани
на клеенке лица-очи
двух пирующих со смаком [13, с. 212].

Ироническое обещание:

Я сегодня печален, вчера утром был весел,
Но завтра днем
Стану снова любить жизнь
За божественную пестроту.

При первом прочтении его стихотворений мы встречаем слова и выражения, которые вроде бы нам знакомы, контексты прозрачны, а стилистика сбивает с толку смешением иронии с поэтическими элементами риторики и речевыми клише. Как, например, в таком стихотворении:

Мои накопления –
40 долларов в банке Нью-Йорка,

6 тысяч тенге пенсии...
Пора бы помянуть черта,
Но это еще успеется...
Сегодня – весна... [13, с. 167].

Яркие иронические выражения в поэзии Д. Накипова привлекают не столько своей звукописью, сколько юмористическим контекстом. Ирония над окружающим миром поэта, умение смеяться над собой помогает поэту пережить такие моменты в жизни, как отсутствие поэтического вдохновения, притворство окружающих, создание ненужных учебных заведений (как реалия 2000 годов, когда было создано большое количество частных высших учебных заведений) и т. п.

ВЫВОД

Современный русскоязычный казахстанский писатель Д. Накипов для создания комического эффекта в своих произведениях использует различные аспекты иронии. Эффект неожиданности, неоправданное ожидание, творческое изменение фразеологизмов, сочетаемости слов сами по себе имеют ироническую оценку либо воплощаются как алогичное высказывание в стихотворной форме. По нашему мнению, Д. Накипов солидарен с мнением С.Д. Довлатова, который считал, что «Юмор – украшение нации... Пока мы способны шутить, мы остаемся великим народом!».

Список литературы

1. Зверев А. Смеющийся век // Вопросы литературы. 2000. № 4. С. 3-37.
2. Болдина Л.И. Ирония как вид комического: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 171 с.
3. Хрулев В.И. Мысль и слово Леонида Леонова. Саратов, 1989. 186 с.
4. Поспелов Г.Н. Смех Гоголя: в связи с теорией комического // Николай Васильевич Гоголь / под ред. А.Н. Соколова. М.: МГУ, 1954. С. 103-138.
5. Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Статьи. 1929–1955. М., 1961. 696 с.
6. Афанасьев Э.С. Пушкин-Чехов: ироническая проза // Русская литература. 2001. № 4. С. 195-210.
7. Пропп В.Я. Природа комического у Гоголя // Русская литература. 1988. № 1. С. 27-43.
8. Орлова Г.В. Средства формирования иронической модальности в современном публицистическом дискурсе (жанр обозрения): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
9. Петрова О.Г. Ирония как способ создания образов персонажей в идиостилях Ч. Диккенса и У.М. Теккерея // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2009. Вып. 34 (172). С. 73-77.
10. Походня С.И. Языковые средства выражения иронии в англоязычной художественной прозе (на материале английской и американской художественной литературы конца XIX – XX веков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984.
11. Санников В. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 552 с.

12. Кузьмин Д. Премия Андрея Белого (2007–2008): альманах / сост. Б. Останин. Москва; Санкт-Петербург, 2011. 480 с.
13. Накипов Д. Время Ре: Книга поэм. Алматы: СаГа, 2009. 368 с.
14. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. URL: <http://slovar.by.ru> (дата обращения: 03.01.2019).
15. Щербинина А.А. О двуплановости и противопоставлении смысла и иронии. М.: Алмавест, 1976. 124 с.
16. Тунг Ч.Т. Лексические средства выражения комизма в русских юмористических текстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 2. С. 25-29.
17. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с.
18. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой: в 4 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1.

References

1. Zverev A. Smeyushchiysya vek [Laughing age]. *Voprosy literatury* [Issues of Literature], 2000, no. 4, pp. 3-37. (In Russian).
2. Boldina L.I. *Ironiya kak vid komicheskogo: dis. ... kand. filol. nauk* [Irony as Comic Type. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1981, 171 p. (In Russian).
3. Khrulev V.I. *Mysl' i slovo Leonida Leonova* [Thought and Word of Leonid Leonov]. Saratov, 1989, 186 p. (In Russian).
4. Pospelov G.N. Smekh Gogolya: v svyazi s teoriyey komicheskogo [Gogol's laugh: in relation to comic theory]. In: Sokolov A.N. (ed.). *Nikolay Vasil'yevich Gogol* [Nikolai Vasilievich Gogol]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1954, pp. 103-138. (In Russian).
5. Mann T. *Sobranie sochineniy: v 10 t. T. 10. Stat'i. 1929–1955* [Collected Works: in 10 vols. Vol. 10. Articles. 1929–1955]. Moscow, 1961, 696 p. (In Russian).
6. Afanasyev E.S. Pushkin-Chekhov: ironicheskaya proza [Pushkin-Chekhov: ironic prose]. *Russkaya Literatura*, 2001, no. 4, pp. 195-210. (In Russian).
7. Propp V.Y. Priroda komicheskogo u Gogolya [Comic nature in Gogol]. *Russkaya Literatura*, 1988, no. 1, pp. 27-43. (In Russian).
8. Orlova G.V. *Sredstva formirovaniya ironicheskoy modal'nosti v sovremennom publitsisticheskom diskurse (zhanr obozreniya): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Means of Ironic Modality Development in Modern Journalistic Discourse (Review Genre). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2005. (In Russian).
9. Petrova O.G. Ironiya kak sposob sozdaniya obrazov personazhey v idiosilyakh Ch. Dikensa i U.M. Tekkera [Irony as a way to create images of characters in the idiosyncrasies of C. Dickens and W.M. Thackeray]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2009, no. 34 (172), pp. 73-77. (In Russian).
10. Pokhodnya S.I. *Yazykovyye sredstva vyrazheniya ironii v angloyazychnoy khudozhestvennoy proze (na materiale angliyskoy i amerikanskoy khudozhestvennoy literatury kontsa XIX – XX vekov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Means of Expressing Irony in English Fiction (on the Material of English and American Fiction of the Late 19th – 20th Centuries). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Kiev, 1984. (In Russian).
11. Sannikov V. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [Russian Language in the Language Game Mirror]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999, 552 p. (In Russian).
12. Kuzmin D. *Premiya Andrey Belogo (2007–2008)* [Andrey Belyy's Award (2007–2008)]. Moscow, St. Petersburg, 2011, 480 p. (In Russian).
13. Nakipov D. *Vremya Re: Kniga poem* [Re Time: Book of Poems]. Almaty, SaGa Publ., 2009, 368 p. (In Russian).
14. Belokurova S.P. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of literature studies terms]. (In Russian). Available at: <http://slovar.by.ru> (accessed 03.01.2019).
15. Shcherbinina A.A. *O dvuplanovosti i protivopostavlenii smysla i ironii* [On Double Planning and Contrasting Meaning and Irony]. Moscow, Almavest Publ., 1976, 124 p. (In Russian).
16. Tung T.T. *Leksicheskiye sredstva vyrazheniya komizma v russkikh yumoristicheskikh tekstakh* [Lexical means of expressing comism in russian humorous texts]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya – RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 2012, no. 2, pp. 25-29. (In Russian).

17. Sternin I.A., Salomatina M.S. *Semanticheskiy analiz slova v kontekste* [Semantic Analysis of Word in Context]. Voronezh, "Istoki" Publ., 2011, 150 p. (In Russian).
18. Evgenyeva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1999, vol. 1. (In Russian).

Информация об авторе

Бактыбаева Аннель Тлеумагамбетовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языковых дисциплин. Национальный медицинский университет им. С. Асфендиярова, г. Алматы, Республика Казахстан; докторант. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация. E-mail: almaz_annel@mail.ru

Вклад в статью: идея, работа с литературными источниками, анализ поэтических текстов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8980-0511>

Поступила в редакцию 19.04.2019 г.

Поступила после рецензирования 16.05.2019 г.

Принята к публикации 20.05.2019 г.

Information about the author

Annel T. Baktybayeva, Candidate of Philology, Associate Professor of Linguistic Disciplines Department. National Medical University, Almaty, Republic of Kazakhstan; Doctoral Candidate. National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation. E-mail: almaz_annel@mail.ru

Contribution: idea, work with literature references, poetic texts analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8980-0511>

Received 19 April 2019

Reviewed 16 May 2019

Accepted for press 20 May 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-185-192
УДК 821.161.1

«Тамбовские» страницы в жизни и творчестве А.И. Солженицына

Наталья Владимировна СОРОКИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4449-938X>, e-mail: sorok_tam@rambler.ru

“Tambov” pages in the life and work of A.I. Solzhenitsyn

Nataliya V. SOROKINA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4449-938X>, e-mail: sorok_tam@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены «тамбовские» страницы художественно-публицистического наследия А.И. Солженицына. Дан анализ программных в аспекте заявленной темы произведений: «Случай на станции Кочетовка», «Эго», «На краях». К исследованию привлечены фрагменты произведений писателя, материалом для которых послужили исторические события в Тамбовском крае и судьбы его жителей: «Архипелаг ГУЛАГ», «Красное колесо», «Двести лет вместе». Уточняются параметры воплощения тамбовской темы в творчестве писателя, вносятся коррективы в имеющиеся комментарии к его сочинениям. Определено место «тамбовского» рассказа «Случай на станции Кочетовка» как произведения, наметившего отдельные черты идейно-художественной концепции писателя, в частности, его интерес к историческому прошлому. В совокупности с одновременно опубликованными в начале 1960-х гг. рассказами «Один день Ивана Денисовича», «Матрёнин двор», «Случай...» рассматривается как «визитная карточка» писателя, его «входной билет» в русскую литературу. Обобщены черты сходства и различия в издательской судьбе рассказов. Проведено сопоставление исторических реалий, документально зафиксированных в официальных документах, с изображенными в рассказе событиями. Внесены дополнения в трактовку названия рассказа в соотношении с творческой судьбой писателя.

Ключевые слова: А.И. Солженицын; «тамбовский текст» русской литературы; «Случай на станции Кочетовка»; тамбовская история в произведениях А.И. Солженицына

Для цитирования: Сорокина Н.В. «Тамбовские» страницы в жизни и творчестве А.И. Солженицына // Неофилология. 2019. Т. 5, № 18. С. 185-192. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-185-192

Abstract. We consider “Tambov” pages of A.I. Solzhenitsyn’s artistic and publicistic heritage. We give the analysis of programmatic in the aspect of the declared theme of works: “An Incident at Krechetovka Station”, “Ego”, “On the Edges”. We involve fragments of the writer’s works, the material for which served as historical events in the Tambov Region and the fate of its inhabitants: “The Gulag Archipelago”, “The Red Wheel”, “Two Hundred Years Together”. Tambov theme parameters embodiments in writer’s works are specified. We also make corrections to the available comments to his works. We determine the place of the “Tambov” story “An Incident at Krechetovka Station” as a work that outlines certain features of the ideological and artistic concept of the writer, in particular, his interest in the historical past. In conjunction with simultaneously published in the early 1960s stories “One Day in the Life of Ivan Denisovich”, “Matryona’s Place”, “An Incident...” is considered as a “signature line” of the writer, his “entrance ticket” in Russian literature. The similarities and differences in the publishing fate of the stories are summarized. We carry out the comparison of historical realities documentable in official papers with the events depicted in the story. We also make additions to the title of the story interpretation in relation to the writer’s works fate.

Keywords: A.I. Solzhenitsyn; “Tambov text” of Russian literature; “An Incident at Krechetovka Station”; Tambov history in the works of A.I. Solzhenitsyn

For citation: Sorokina N.V. «Tambovskie» stranitsy v zhizni i tvorchestve A.I. Solzhenitsyna [“Tambov” pages in the life and work of A.I. Solzhenitsyn]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 18, pp. 185-192. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-185-192 (In Russian, Abstr. in Engl.)

А.И. Солженицын не раз признавался в своем постоянном интересе к истории Тамбовской области. Об этом он говорил в многочисленных интервью, письмах, статьях. Особенно ценно, что писатель знакомился с историей не только по документам, но и из непосредственного путешествия по местам, где происходили интересовавшие его события. Особенно важными были именно «Тамбов и Тамбовская губерния» [1, с. 253-254] как место крестьянского восстания 1920-х гг. – события, на протяжении всей жизни привлекавшие внимание А.И. Солженицына как факт народного сопротивления новым условиям политико-экономической жизни страны.

А.И. Солженицын неоднократно бывал в Тамбове. В «Хронологии жизни и творчества А.И. Солженицына», составленной Л.И. Сараскиной, содержатся два упоминания о его поездках в Тамбовскую область: «1965. Июнь – путешествие с Можаявым по Рязанской и Тамбовской областям»; «1972. Март – поездка в Ленинград и Тамбовскую область» [2, с. 915, 919]. Подробные и обрывочные упоминания об этих поездках содержатся в нескольких произведениях А.И. Солженицына: очерках «Бодался телёнок с дубом», «Архипелаге ГУЛАГ», выступлениях и статьях.

Тамбовские ученые, деятели культуры систематически обращались к этим страницам жизни Нобелевского лауреата. Изучению информационных данных о пребывании А.И. Солженицына в Тамбове, присутствию «тамбовских» имен и событий в произведениях посвящены статьи и обзоры В.Е. Андреева, В.Т. Дорожкиной, Н.Н. Наседкина, В.И. Середы, В.М. Тютюнника, А.С. Чернова и др. Отражение тамбовских впечатлений в произведениях А.И. Солженицына, анализ поэтики писателя – темы исследовательских работ Л.В. Поляковой, посвященных «тамбовскому тексту» русской литературы [3]. Публицистика писателя и ее связь с классическими произведениями рассматривалась в диссертации А.С. Шашиной [4], а лингвисти-

ческая сторона произведений А.И. Солженицына – в работах И.Ю. Малыгиной [5], В.М. Швецово [6].

Цель данной работы – обобщить фактические данные, дать анализ ранее не рассмотренных «тамбовских» реалий в художественно-публицистическом наследии А.И. Солженицына, уточнить параметры тамбовской темы в программных сочинениях писателя и внести коррективы в имеющиеся комментарии к его произведениям, содержащим региональные фрагменты.

Географические пункты Тамбовской области упоминались в произведениях А.И. Солженицына еще до того, как писатель лично побывал в Тамбове. В августе–ноябре 1962 г. был написан рассказ «Случай на станции Кочетовка». Уже 23 декабря «Правда» напечатала отрывок из «Случая...», а полностью рассказ появился в первом номере «Нового мира» за 1963 г. (под названием «Случай на станции Кречетовка», во избежание ассоциации с фамилией главного редактора журнала «Октябрь» В. Кочетова) вместе с рассказом «Матрёнин двор».

В основе «Случая на станции Кочетовка» – подлинная история, рассказанная приятелем А.И. Солженицына – комендантом станции Л. Власовым. Действие происходит осенью 1941 г. на железнодорожной станции Кочетовка недалеко от Мичуринска. Правдивость изображенных событий, точность в передаче общей атмосферы военного времени на узловых железнодорожных станциях России подтверждается и документами того периода. Партийные работники официально подчеркивали «необходимость тщательной проверки военнослужащих, неорганизованно прибывающих на ст. Мичуринск», так как среди них могли оказаться дезертиры, бывшие пленные [7, с. 52]. Поэтому так объяснимо служебное рвение лейтенанта Зотова, усомнившегося в благонадежности Тверитинова. Наличие в самом рассказе упоминания о случае с окруженцами, расстрелявшими

несколько мешков муки, отражает нередкие подобные ситуации на станциях с многочисленными эшелонами, постоянно сменяющимся расписанием движения и возникающей из-за этого суматохой. Это одна из сторон военной жизни, прямо не связанная с боевыми действиями, но дополняющая общую картину сложной обстановки первого года войны.

Описанное в «Случае на станции Кочетовка» происшествие протекает в рамках ограниченного времени и небольшого пространства. События являются, используя писательскую терминологию, *крохотными*. Заглавие не содержит авторской оценочной установки и при первоначальном, предтекстовом, восприятии произведения ориентирует читателя на кратковременность событий без уточнения характера «случая». Станция – всего лишь пункт остановки, где пересекаются железнодорожные маршруты и, как выяснится позже, изменяются человеческие судьбы. Этот эпизодический фрагмент становится *«узлом»* между прошлым и будущим» [8, с. 24].

Таким образом, в художественном мире писателя Кочетовка стала обобщенным символом жизни военного времени, а рассказ «Случай на станции Кочетовка», наряду с двумя другими знаковыми произведениями этого же периода – «Один день Ивана Денисовича» (опубл.: Новый мир. 1962. № 11), «Матрёнин двор», – визитной карточкой писателя, его входным билетом в русскую литературу.

Однако издательская судьба указанных трех рассказов схожа лишь отчасти. «Один день...» был задуман в начале 1950-х гг., написан – в конце десятилетия, напечатан – в 1962 г. «Матрёнин двор» создан в 1959 г., опубликован – в 1963-м. Замысел «Случая на станции Кочетовка» появился во время общения с Л. Власовым в 1962 г. и тогда же был воплощен в форме рассказа. В раннем творчестве А.И. Солженицына – это чуть ли не единственный *случай*, когда произведение задумано, написано и опубликовано в одно время.

Соотнесенность между временем написания/опубликования и временем действия в рассказах также отличается. События в «Одном дне...» происходят в январе 1951 г. Раз-

ница между созданием/появлением в печати и событиями в «Матрёнинном дворе» – 3/7 лет (к тому же, при первой публикации 1956-й г. был изменен на 1953-й (до Н.С. Хрущева)). Описанный реальный случай в Кочетовке произошел 1 ноября 1941 г. (как и в «Одном дне...», время ограничено одними сутками); от публикации его отделяют почти 20 лет. Поэтому «Случай на станции Кочетовка» можно рассматривать и как одну из первых попыток обращения писателя к относительно далекому прошлому. В дальнейшем интерес к отечественной истории будет усиливаться, подкрепляясь изучением архивов, беседами с участниками событий и посещением мест, где происходили значительные события, такие, например, как Тамбовская область.

Названия рассказов при первой публикации были изменены. Оригинальные заглавия двух из них: «Щ-854»/«Один день одного зэка»; «Не стоит село без праведника», – так и не были возрождены, и в историю русской литературы XX века произведения вошли под «вторичными», обусловленными политической обстановкой и редакторскими условиями, названиями. И только заглавие раннего «тамбовского» рассказа «Случай на станции Кочетовка» было возвращено при последующих публикациях, восстановив и утвердив тем самым тамбовский вектор общественно-литературных приоритетов А.И. Солженицына.

Указанный в заглавии рассказа населенный пункт существует и сейчас с таким же названием. Однако современному читателю требуется ряд уточнений при обращении к «тамбовским текстам» А.И. Солженицына, чтобы отчетливо осознать связь писателя с Тамбовским краем. В наиболее полном на данный момент 30-томном собрании сочинений, начавшемся издаваться в 2006 г., в довольно подробных, основательных комментариях В. Радзишевского к рассказу «Случай на станции Кочетовка» читаем следующее: «Кочетовка расположена километрах в десяти к северу от Мичуринска (прежде Козлова)» [9, с. 607].

Объяснения того, что этот город – Мичуринск/Козлов – находится в Тамбовской области, – нет. В самом тексте рассказа только один раз встречается упоминание Тамбова, да и то в неполной форме: «Девушка

обернулась живо и посмотрела на него (Зотова. – Н. С.) с игринкой – так, показалось ей, ласково он ее взял и держал за руку. Но еще кончила в телефон:

– А тысяча второй на проход идет, у нас к нему ничего. На **тамбовскую** забирай его, Петрович!...» ([9, с. 190]; выделено мною. – Н. С.).

Поэтому у сегодняшних читателей и молодых исследователей не складывается четкого представления о месте действия рассказа А.И. Солженицына. А это важно, так как впоследствии, уже после 1962 г., г. Тамбов будет неоднократно появляться в произведениях писателя. Поэтому в дальнейшем, думается, необходимо дополнить комментарии к рассказу.

Маршрут писательских поездок 1965 и 1972 гг. по Тамбовской области был выбран А.И. Солженицыным неслучайно: писателя интересовали места, связанные с повстанческим крестьянским движением, развернувшимся в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. и известным как Антоновский мятеж («антоновщина»), по фамилии одного из руководителей восстания С.А. Антонова.

Путешествие с Б. Можаявым по Рязанской и Тамбовской областям дало много ярких впечатлений и массу информационного материала. Значение этой поездки и тесного общения двух писателей определяется и тем, что во время нее у А.И. Солженицына во многом формировались замыслы будущих произведений, систематизировался материал для одной из линий «Красного колеса», складывалась концепция характера главного героя, имеющего черты Б. Можаява. Это совместное путешествие воспринимается литературоведами как «перекресток, необычайно важный для них обоих и, может быть, еще больше для всей нашей литературы, для ее истории, уже известной и той, что напрягается в ее глубине, как бы готовясь к осуществлению» [10].

Об этой поездке А.И. Солженицын подробно рассказал в очерке «С Борисом Можаявым». Писатель с нетерпением отправился собирать сведения о крестьянском мятеже: «И в июне 1965 сели мы в Рязани на поезд и поехали через Мичуринск–Тамбов балаховской линией, – тою самой, где Тухачевский в 1921 на бронелетучке пошныривал» [11].

География этого маршрута достаточно обширна и многообразна. Писатели побывали в населенных пунктах Ржаксинского и Инжавинского районов: Каменка, Волхонщино, Караванно, Калугино, Трескино, Караул и др.

В марте 1972 г. А.И. Солженицын «поехал в Тамбовскую область – глотнуть и ее, быть может, в последний раз» [12, с. 306]. Он был в Кирсановском районе, работал в Областной универсальной научной библиотеке им. А.С. Пушкина, областном государственном архиве.

Материалы, полученные писателем в ходе бесед с тамбовскими жителями, наблюдений, работы с архивными материалами, активно использовались А.И. Солженицыным при создании художественных, публицистических произведений. Иногда напрямую указывался источник: «Вот цифра для Тамбова, взятая из тамошних горячих газет. Февральская революция, распахнувши дверь тамбовской тюрьмы, нашла там политзаключенных... 7 (семь) человек» [13, с. 13]; «Вот подлинные слова народного героя, потом и маршала, о 1921 г. в Тамбовской губернии: «Было решено организовать широкую высылку бандитских (читай – партизанских. – А. С.) семей. Были организованы обширные концлагеря, куда предварительно эти семьи заключались» [14, с. 350].

Дополнительную информацию о крестьянском восстании 1920-х гг. А.И. Солженицыну помогали собирать знакомые уроженцы Тамбова, которые по его просьбе встречались с участниками и родственниками очевидцев событий, записывали их воспоминания. Упоминаний о судьбах таких людей немало на страницах «Архипелага ГУЛАГ», автобиографической книги «Бодался теленок с дубом». В литературно-историческом исследовании «Двести лет вместе», например, читаем: «И – чего ожидать от тамбовских крестьян, если в мрачном логове тамбовского губкома, в разгар подавления великого крестьянского восстания в этой срединнорусской черноземной губернии, вдохновители хлебной разверстки, секретари губкома – П. Райвид и Пинсон, а зав. отделом пропаганды Эйдман?» [15, с. 133].

Тамбовские участники описанных А.И. Солженицыным историй, знакомясь с произведениями, узнавали себя. В этом от-

ношении примечательна история Н.Ф. Перегуд, изложенная в «Архипелаге» так: «Вот восьмиклассница – Нина Перегуд. В ноябре 1941 пришли арестовывать ее отца. Обыск. Вдруг Нина вспомнила, что в печи лежит скомканная, но не сожженная ее частушка. Так бы и лежать ей там, но Нина по суетливости решила тут же ее изорвать. Она полезла в топку, дремлющий милиционер схватил ее. И ужасающая крамола, написанная школьным почерком, предстала глазам чекистов:

В небе звезды засияли,
Свет ложится на траву,
Мы Смоленск уж проиграли,
Проиграем и Москву.

И выражала она пожелание:

Чтобы школу разбомбили,
Нам учиться стало лень.

Разумеется, эти взрослые мужчины, спасающие родину в глубоком тамбовском тылу, эти рыцари с горячим сердцем и чистыми руками должны были пресечь такую смертельную опасность. Нина была арестована. Изъяты были для следствия ее дневники с 6-го класса и контрреволюционная фотография: снимок Варваринской уничтоженной церкви. <...> Присудили ей 5 лет и 3 года поражения в правах (хотя поразиться в них она еще не могла: не было у нее еще прав). В лагере ее, конечно, разлучили с отцом» [13, с. 436].

Библиограф тамбовской библиотеки Г.А. Веселовская зарифмует фамилию А.И. Солженицына, с которым встречалась во время его пребывания в Тамбове, в стихах:

Слово – как соло сожженной птицы –
Сол-же-ни-цын...
С рыже-серой бородкой, упрямый и злой,
Бывают такие лица –
Пылающий уголь прикрыт золой [16, с. 81].

В 1994 г. А.И. Солженицыным написан рассказ «Эго» (опубл.: Новый мир. 1995. № 5; вместе с рассказом «На краях» под общим заголовком «Два рассказа»). События происходят в Тамбовском крае в период Гражданской войны. Подробно описана жизнь тамбовских сел в период 1919–1921 гг. В рассказе воплощены реальные историче-

ские события и лица, подлинная география происходящего. Тамбовские читатели без труда узнают описанные А.И. Солженицыным места: «угол, где сливаются Мокрая Панда и Сухая Панда, а дальше текут в Ворону», «Трескино с его странным храмом», «Курган – с насыпным курганом татарских времен», «саблевидное Калугино с беспорядочно разбросанными курениями», «сеть проселков с наезженной колеей», Пахотный Угол, Жердёвка (именно так у Солженицына, настоящее название – Жёрдевка; это, как пояснили рязанские солженицыноведы, – отражение рязанских (писатель прожил в Рязани 12 лет) диалектных норм, согласно которым ударение в названиях населенных пунктов переносится на последние слоги) и др. «Эго», пожалуй, самый насыщенный местными топонимами рассказ, в котором, по сравнению с ранним «Случаем на станции Кочетовка», действие значительно расширено в географическом и временном планах. История восстания в тамбовском «мятежном крае» насыщена документальными подробностями, художественно важными деталями. Это же относится и к рассказу «На краях», первая часть которого также посвящена «тамбовской пугачевщине» начала 1920-х гг., события даются с точки зрения исторического лица – будущего маршала Г.К. Жукова.

В комментарии к этому «тамбовскому» рассказу, к сожалению, присутствуют неточности. В «Эго» есть строки: «...среди них был точно местный, всеизвестный оголтелый большевик Васильев, прохулиганивший в городе весь Семнадцатый год, свистевший и топавший даже на чинных собраниях в Нарышкинской читальне» [9, с. 282].

Комментарии к упоминанию о Нарышкинской читальне таковы: «Нарышкинская читальня – капитальное двухэтажное здание из красного кирпича с элементами средневековой архитектуры в декоративной отделке, построенное в конце XIX века на территории городского сада. Сейчас – это научная областная библиотека им. А.С. Пушкина» [9, с. 631].

Очевидно, что автор использовал устаревшие сведения. А.И. Солженицын был в здании Нарышкинской читальни, когда там находилась библиотека (до 1979 г.). Современный же адрес Тамбовской областной универсальной научной библиотеки

им. А.С. Пушкина – иной. Поэтому справедливо было бы при употреблении наречия «сейчас» (то есть в 2006 г., когда выпускалось издание) уточнить и настоящее учреждение, размещенное в упомянутом здании, – это Тамбовская областная картинная галерея.

Особенно пропитан тамбовским материалом один из «узлов» («Октябрь Шестнадцатого») эпопеи «Красное колесо», действие в котором отчасти происходит в Тамбовской области. Строки о знакомых писателю местах наполнены теплотой воспоминаний: «Тамбов! Даже только вслух назвать – удовольствие, радость губам, как имя той женщины. Город назвать – как будто ее саму: Зина Алтанская!» [17, с. 193]. «– Вы в Тамбове не помните – там такая долгая милая набережная, приподнятая над рукавом Цны? А еще повыше – односторонняя улица, деревянные домишки. И сидят на всех крылечках или у распахнутых окон – с самоварами. Попивают, да на реку глядят. На лодки, на луга» [17, с. 194], «тамбовский чернозем навозу не просит» [17, с. 465]. Образ одного из героев этой части, Арсения Благодарёва, как выразителя русского национального характера, «как живое воплощение среднерусского мужичества, <...> повстанчества» [10] формировался во время посещения тамбовских сел и деревень по результатам наблюдений, бесед с крестьянами и общения с писателем Б. Можаявым.

Интересовала А.И. Солженицына и языковая сторона тамбовской жизни. В «Русском словаре языкового расширения», составленном писателем, представлены диалекты Тамбовской области: *слухмяный* – послушливый, поводливый [18, с. 226]; *уда-вать*, *удать* – поступиться чем, уйти от ссо-

ры [18, с. 247]; *хляснуть* – хлестнуть, шлепнуть [18, с. 256].

Неоднократное обращение А.И. Солженицына в художественном творчестве к теме Тамбовского восстания подчеркивает постоянный, длительный интерес писателя к этому событию. В «Слове о Вандейском восстании» на собрании в честь 200-летия Вандейского восстания и открытия памятника его героям и жертвам в 1993 г. А.И. Солженицын провел параллели между событиями французской и русской истории: «Вандея – к нашей духовной гордости – была и у нас, и даже не одна. Это большие крестьянские восстания – Тамбовское 1920–21, Западно-Сибирское 1921» [19, с. 615].

Стоит, однако, заметить, что одной из первых провела подобные параллели между французской и русской историей (между Вандеей и Гражданской войной) М.И. Цветаева. В сборнике «Лебединый стан» она написала:

Старого мира – последний сон:
Молодость – Доблесть – Вандея – Дон
[20, с. 390].

Но именно авторитетное слово А.И. Солженицына прочно закрепило за Антоновским мятежом определение «Тамбовская Вандея», ставшее заглавием нескольких культурных событий, посвященных восстанию тамбовских крестьян 1920–1921 гг.: выставка исторических документов в Тамбовском областном краеведческом музее (2005), документальный фильм А. Денисова (2007) и др.

Таким образом А.И. Солженицын «раздвинул» границы Тамбовского края, придав происходившим в нем событиям международный статус.

Список литературы

1. Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1997. Т. 3. 559 с.
2. Сараскина Л.И. Александр Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2008. 935 с.
3. Полякова Л.В. Тамбовский колорит русской литературы: к характерологии А.И. Солженицына // Филологическая регионалистика. 2011. № 1. С. 18–24.
4. Сашина А.С. «Достоевская» тематика и форма в публицистике А.И. Солженицына: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 168 с.
5. Малыгина И.Ю. Литературно-языковое родство А.И. Солженицына и писателей-деревенщиков (по материалам «Русского словаря языкового расширения») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 3. Ч. 1. С. 33–36.

6. Швецова В.М. Индивидуально-авторские конструкции в системе расширения современного русского языка (на материале произведений А.И. Солженицына): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2000.
7. Белоусов М.В. Кочетовка в огне: станция Кочетовка в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тамбов, 2015. 207 с.
8. Бай Ян, Сорокина Н.В. Пространственно-временные координаты событий в малой прозе А.И. Солженицына // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. Тамбов, 2015. № 1. С. 20-25.
9. Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Время, 2006. Т. 1. 672 с.
10. Борисова И. Борис Можжев: воля к независимости // Дружба народов. 2000. № 10. С. 182-197.
11. Солженицын А.И. С Борисом Можжевым // Литературная газета. 1996. 26 февр.
12. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. 688 с.
13. Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 9 т. М.: ТЕПРА, 1999. Т. 5. 656 с.
14. Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 9 т. М.: ТЕПРА, 1999. Т. 6. 592 с.
15. Солженицын А.И. Двести лет вместе: в 2 ч. М.: Русский путь, 2002. Ч. 2. 512 с.
16. Веселовская Г.А. Право писание. Тамбов, 2004. 156 с.
17. Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Время, 2007. Т. 9. Кн. 1. 510 с.
18. Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. М.: Русский путь, 2000. 280 с.
19. Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. Т. 1. 720 с.
20. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. 641 с.

References

1. Solzhenitsyn A.I. *Publitsistika: v 3 t.* [Publicism: in 3 vols.]. Yaroslavl, Verkhnee-Volzhscoe Publ., 1997, vol. 3, 559 p. (In Russian).
2. Saraskina L.I. *Aleksandr Solzhenitsyn* [Aleksandr Solzhenitsyn]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2008, 935 p. (In Russian).
3. Polyakova L.V. Tambovskiy kolorit russkoy literatury: k kharakterologii A.I. Solzhenitsyna [Tambov color of Russian literature: to characterology of A.I. Solzhenitsyn]. *Filologicheskaya regionalistika* [Philological Regionalistics], 2011, no. 1, pp. 18-24. (In Russian).
4. Sashina A.S. «Dostoevskaya» tematika i forma v publitsistike A.I. Solzhenitsyna: dis. ... kand. filol. nauk [“Dostoevsky’s” Theme and Form in A.I. Solzhenitsyn’s Publicism. Cand. philol. sci. diss.]. Tambov, 2007, 168 p. (In Russian).
5. Malygina I.Y. Literaturno-yazykovoe rodstvo A.I. Solzhenitsyna i pisateley-derevenshchikov (po materialam «Russkogo slovarya yazykovogo rasshireniya») [Literary and linguistic relationship between A.I. Solzhenitsyn and village-prose writers (by the material of the “Russian Dictionary of Language Extensions”). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2016, no. 3, part 1, pp. 33-36. (In Russian).
6. Shvetsova V.M. *Individual'no-avtorskie konstruksii v sisteme rasshireniya sovremennogo russkogo yazyka (na materiale proizvedeniy A.I. Solzhenitsyna): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Individual Author’s Constructions in the System of Modern Russian Language Extension (on the Material of A.I. Solzhenitsyn’s Works). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2000. (In Russian).
7. Belousov M.V. *Kochetovka v ogne: stantsiya Kochetovka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [Kochetovka in Fire: Kochetovka Station in the Years of The Great Patriotic War of 1941–1945]. Tambov, 2015, 207 p. (In Russian).
8. Bay Yan, Sorokina N.V. Prostranstvenno-vremennye koordinaty sobytii v maloy proze A.I. Solzhenitsyna [Spatio-temporal coordinates of the events in flash fiction of A.I. Solzhenitsyn]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki i kulturologiya – Tambov University Review. Series Philology and Culturology*, 2015, no. 1, pp. 20-25. (In Russian).
9. Solzhenitsyn A.I. *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Collected Works: in 30 vols.]. Moscow, Vremya Publ., 2006, vol. 1, 672 p. (In Russian).
10. Borisova I. Boris Mozhaev: volya k nezavisimosti [Boris Mozhaev: the will to independence]. *Druzhba narodov* [Peoples’ Friendship], 2000, no. 10. pp. 182-197. (In Russian).
11. Solzhenitsyn A.I. S Borisom Mozhaevym [With Boris Mozhaev]. *Literaturnaya gazeta – Literary Newspaper*, 1996, February 26. (In Russian).
12. Solzhenitsyn A.I. *Bodalsya telenok s dubom. Ocherki literaturnoy zhizni* [The Oak and the Calf. Essays on the Literary Life]. Moscow, Soglasie Publ., 1996, 688 p. (In Russian).

13. Solzhenitsyn A.I. *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols.]. Moscow, TERRA Publ., 1999, vol. 5, 656 p. (In Russian).
14. Solzhenitsyn A.I. *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols.]. Moscow, TERRA Publ., 1999, vol. 6, 592 p. (In Russian).
15. Solzhenitsyn A.I. *Dvesti let vmeste: v 2 ch.* [Two Hundred Years Together: in 2 pts]. Moscow, Russkiy put Publ., 2002, pt 2, 512 p. (In Russian).
16. Veselovskaya G.A. *Pravo pisanie* [Right of Writing]. Tambov, 2004, 156 p. (In Russian).
17. Solzhenitsyn A.I. *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Collected Works: in 30 vols.]. Moscow, Vremya Publ., 2007, vol. 9, bk 1, 510 p. (In Russian).
18. Solzhenitsyn A.I. (compiler). *Russkiy slovar' yazykovogo rasshireniya* [Russian Dictionary of Language Extension]. Moscow, Russkiy put Publ., 2000, 280 p. (In Russian).
19. Solzhenitsyn A.I. *Publitsistika: v 3 t.* [Publicism: in 3 vols.]. Yaroslavl, Verkhnee-Volzhskoe Publ., 1995, vol. 1, 720 p. (In Russian).
20. Tsvetaeva M.I. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.]. Moscow, Ellis Luck Publ., 1994, vol. 1, 641 p. (In Russian).

Информация об авторе

Сорокина Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: sorok_tam@rambler.ru

Вклад в статью: идея, анализ литературных текстов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4449-938X>

Поступила в редакцию 04.02.2019 г.

Поступила после рецензирования 01.03.2019 г.

Принята к публикации 25.03.2019 г.

Information about the author

Nataliya V. Sorokina, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: sorok_tam@rambler.ru

Contribution: idea, literary texts analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4449-938X>

Received 4 February 2019

Reviewed 1 March 2019

Accepted for press 25 March 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-193-201
УДК 82.0

Интермедиаальные контексты мотива герба в лирике Виктора Кривулина

Александр Викторович МАРКОВ

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
125993, Российская Федерация, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, 6
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6874-1073>, e-mail: markovius@gmail.com

Intermedial contexts of the coat of arms motif in lyrical poetry by Viktor Krivulin

Alexander V. MARKOV

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow 125993, GSP-3, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6874-1073>, e-mail: markovius@gmail.com

Аннотация. Хотя тема геральдики не принадлежит к магистральным темам лирики Виктора Кривулина, она показательна для его поэтических размышлений о соотношении самоосмысления российской власти, динамики развития русского искусства и судьбы частного человека. Стихи В. Кривулина, в которых герб выступает в качестве лирического мотива, примыкают к многочисленным экфрасисам поэта, и маргинальность темы в его лирическом мире вскрывает некоторые механизмы работы этого типа экфрасиса. Герб выступает одновременно как репрезентация власти и артефакт или изображение, зависимое от общего развития мирового искусства и от специфики отношений власти с искусством. Поэтому подчеркивание в гербе таких аспектов, как коллекционность, провокативность, экзотичность, соотносит стихи В. Кривулина о гербах с его экфрасисами, посвященными пребыванию искусства в Петербурге, сложной судьбе артефактов, в перипетиях истории. В лирической геральдике В. Кривулина можно проследить и влияние визуальной семиотики Тартуско-московской семиотической школы, прежде всего, в понимании единства материала, формы, перспективного видения и условных символов герба, что сразу напоминает о методике анализа иконописи как манифестации духовного авторитета в отечественном структурализме. Но при этом В. Кривулин дает достаточно маркеров, отличающих герб от произведений изобразительного искусства и тем самым показывающих кризисный статус искусства в XX веке. Также можно отметить, что гербы эти не условны, всегда можно найти реальные прототипы этих гербов, и тем самым их функция оказывается исторической привязкой лирического сюжета к историческому. Близкое чтение данных стихов позволяет уточнить соотношение экфрасиса и исторических размышлений в лирике В. Кривулина, парадоксальность и динамизм этого соотношения, и тем самым определить с новой стороны сочетание глубоко меланхолического лирического и сатирического, почти соц-артовского начал в его поэзии.

Ключевые слова: геральдика; лирический мотив; экфрасис; образы власти в литературе; потестарная имагология; поэзия андеграунда; ленинградский андеграунд; Кривулин

Для цитирования: Марков А.В. Интермедиаальные контексты мотива герба в лирике Виктора Кривулина // Неофилология. 2019. Т. 5, № 18. С. 193-201. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-193-201

Abstract: Although the heraldry theme does not belong to the main poetry themes of Viktor Krivulin, it is indicative of his poetic reflections on the relationship between self-comprehension of the Russian authorities, the dynamics of Russian art development and the fate of a private person. V. Krivulin's poems are adjacent to the poet's numerous ekphrases in which the coat of arms acts as a lyrical motif and the marginality of the theme in his lyrical world proves some of the mechan-

isms of this type of ekphrasis. The coat of arms acts simultaneously as a representation of authority and an artifact or image, dependent on the general world art development and on the specifics of power and art relationship. Therefore, underlining in the coat of arms such aspects as collectibility, provocativeness, exoticism, correlates V. Krivulin's heraldry poems with ekphrases, devoted to the presence of art in Saint-Petersburg and to the complex fate of artifacts in the vicissitudes of history. In V. Krivulin's lyrical heraldry I trace the visual semiotics influence of the Tartu-Moscow semiotic school, primarily in understanding the unity of the material, form, perspective view and conditional symbols of coat of arms, which immediately recalls the method of analyzing iconography as a spiritual authority manifestation in the Russian structuralism. But at the same time V. Krivulin gives enough markers that distinguish the coat of arms from works of art, and thus showing the crisis status of art in the 20th century. I note that these coats of arms are not conditional, a reader can always find real prototypes of these coats of arms, and thus their function turns out to be a historical linkage of the lyrical plot to the historical one. Close reading of these verses allows to clarify relationship between ekphrasis and historical reflections, its paradox and dynamism in V. Krivulin's lyrical poetry, thereby identifying in a new perspective a combination of deeply melancholic mood and satirical, almost close to Sots Art principles in his works.

Keywords: heraldry; lyrical motif; ekphrasis; images of authorities in literature; potestary imagology; underground poetry; Leningrad underground; Krivulin

For citation: Markov A.V. Intermedial'nyye konteksty motiva gerba v lirike Viktora Krivulina [Intermedial contexts of the coat of arms motif in lyrical poetry by Viktor Krivulin]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 18, pp. 193-201. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-193-201 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Виктор Кривулин признается одним из ведущих поэтов «другой культуры» и даже ее организатором, введшим необходимые членения идей и стилей для ее существования [1] и конкретные институциональные рамки поэтического высказывания [2, р. 678], поэтом ленинградского андеграунда, наиболее полно осмыслившим соотношение изобразительной или репрезентативной стороны истории с исторической судьбой и действием роковых механизмов [3, с. 133]. Исследователи [4, р. 72-74] обращали внимание на сложную тематическую организацию стихов В. Кривулина, принципиальное соседство различных тем, каждая из которых несколько подрывает статус другой, вскрывает ее условность и ее ограничения. Поэтому в поэзии В. Кривулина соединяются метафизические традиции, связанные с поисками провиденциального смысла в истории, в том числе благодаря обращению к достижениям отечественного и мирового искусства, как сам поэт это и объяснял [5, с. 100], с традициями сатирическими и журналистскими, подрывающими авторитет любых дискурсов, «метафизическим журнализмом» [6, с. 704]. Поэтому, хотя экфрасисы В. Кривулина весьма развернуты и подробны, статус описываемых явлений искусства всегда нуждается в уточнении.

Восприятие истории не просто как процесса со своими механизмами и закономерностями, но как определенной непредсказуемой судьбы артефактов, постоянных разрывов, которые могут интерпретироваться только по косвенным данным искусства, к чему косвенно подходили исследователи [7, с. 302-307], объединяет В. Кривулина с другими представителями ленинградского метафизического андеграунда. Достаточно указать на такие ключевые стихи этого литературного движения, как «Распродажа библиотеки историка» Елены Шварц и «Суворов» Сергея Стратановского. Но особенность В. Кривулина в том, что образы истории, власти, изобразительного искусства и правил чтения искусства появляются не только в стихах-манифестах, но и в многочисленных стихах, написанных как бы на случай, как репортажи о каких-то событиях далекого или близкого прошлого. В этом, конечно, сказывается как ориентация В. Кривулина на филологическую интерпретацию культуры, восходящую, с одной стороны, к русскому символизму (В. Кривулин был учеником крупнейшего его исследователя Д.Е. Максимова), а с другой – к работам Тартуско-московской семиотической школы, на которую ленинградский андеграунд ориентировался как на основной ресурс интермедialного

понимания культуры, через способность к «сложной образности», восходящей к модернизму и поощрявшейся как в эстонской советской литературе, так и в выборе предметов исследований в Тарту [8, с. 270-273].

В. Кривулин организовывал свои поэтические книги как мысленные композиции из артефактов, что тоже объединяет его с другими деятелями ленинградского андеграунда: можно вспомнить названия свода ранних стихов В. Кривулина «Композиции» и одной из первых книг Е. Шварц «Оркестр». Но особенность поэзии В. Кривулина в том, что эти артефакты служат не только метафорами для лирического высказывания, но и предметом специального анализа. Например, книга «Галерея» (1983) представляет собой подробные экфрасисы несуществующих произведений или несуществующих неточных копий существующих произведений. В. Кривулина интересует не способность искусства быть универсальной метафорой содержательного и необратимого поэтического высказывания, но его ограничения, уязвимость в ходе истории, и те искажения, которые неизбежно происходят с изображением уже в момент создания. Так, в одном из ключевых стихотворений на тему живописи «Ла Тур» В. Кривулин изображает караваджистский метод искусственного освещения знаменитого французского живописца как универсальный образ сбоев в коммуникации и возможности восстановить коммуникацию силами поэзии: в слабом свете свечи не вполне понятно историческое благо и историческое зло, и только лирическая эмоция как «жжение» позволяет понять, что же произошло в репрезентируемой различными средствами (медиа) истории. Таким образом, предварительно можно предположить, что и изображения гербов В. Кривулин понимает и как искаженную репрезентацию власти, и искаженную репрезентацию самой репрезентации, что требует дополнительных лирических усилий для понимания природы исторической справедливости.

Среди артефактов, которые В. Кривулин упоминает в своих стихах, гербы (геральдические знаки) маргинальны, они выводятся в произведениях, посвященных исторической неустойчивости и неспособности «маленького человека» вписаться в большую и посто-

янно меняющуюся историю. Но мысль В. Кривулина явно не может сводиться только к изображению классического для русской литературы конфликта власти и частного человека: сама заинтересованность в интерпретации герба, а не просто в принятии его как символа власти, говорит о попытке осмыслить глазами «маленького человека» не только собственную судьбу, но и большие исторические судьбы, создать лирически приподнятое и при этом убедительное видение переломных ситуаций в истории.

Мы выясняем, какие реальные гербы стоят за упоминаемыми в лирике В. Кривулина гербами, какова их сюжетная функция и каково отношение повествователя к самому акту рассмотрения гербов. Мы исходим из того, что в отличие от созерцания живописи, при котором мы можем далеко уходить от начального изображенного сюжета, созерцание герба всегда ситуативно и возвращает созерцателя к его или ее собственной ситуации. Герб, как и любой официальный символ, не имеет автора, точнее, автор его безличен и неопределен. Следовательно, если созерцание живописи заставляет задуматься об авторских интенциях и развить сюжет, основанный на них, то созерцание герба сосредотачивает нас на тех интенциях, которые поневоле появляются при встрече с символами власти и раскрывают начальные установки видения, начальные принципы встраивания истории в перспективу опыта.

Интерпретация лирики В. Кривулина невозможна только на привлечении поэтических контекстов, даже сколь угодно широких, она всегда должна учитывать интеллектуальные поиски его времени, прежде всего, тогдашние концепции истории, сформулированные в работах Тартуско-московской семиотической школы, например, у Б.А. Успенского, описавшего Петровскую эпоху как введение новых механизмов семиозиса, создавших новую потестарную реальность [9, с. 76]. С точки зрения Ю.М. Лотмана, история представляет собой ряд разрывов, которые осмысляются семиотически не просто как ряд перекодировок готовых значений, а как ряд возможностей или перспектив, далеко не все из которых реализуются [10, с. 355-359]. Поэтому осмысление истории требовало учета возможностей исторического дейст-

вия, встроенных в перспективу того или иного рода, а данные искусства, скажем, сопоставление иконописной обратной перспективы и живописной прямой перспективы, давали достаточный ресурс образов и метафор для работы с исторической эмпирией. Общим между действием исторических перспектив и живописной перспективы оказывался статус информации в ситуации непредсказуемости. По выражению Ю.М. Лотмана, возникал «информационный парадокс», при котором знаки передают не только собственные значения, но и масштабные контексты, тем самым производя *ad hoc* большие пласты информации, не подразумеваемые содержанием самих знаков: так, «синтаксис иконы» может выразить все церковное догматическое учение [11, с. 278-280], а дворянский быт — весь комплекс положительных этических и эстетических понятий, когда «вещи властно диктуют жесты» [12, с. 9]. Тем самым, обращение к методам структурализма давало необходимый ключ интерпретации.

Главным предположением работы было то, что маргинальные темы и образы в поэзии какого-то автора не просто говорят о кризисе системы или поисках, но о собственной структуре и ограничениях этих поисков. Маргинальность стихов о гербах проявляется на разных уровнях: это и их редкость, и формальная необычность решений, и тематическая неясность, и доминирование маргинальности как основного мотива высказывания: герб увиден историческим маргиналом как явление, заведомо не имеющее на настоящий момент однозначной интерпретации. Поэтому для сопоставления этих уровней осмысления маргинальности необходим подробный контекстуальный анализ с учетом специфики изображения В. Кривулиным позиции «маленького человека» и перипетий исторической судьбы. Но также необходимо учитывать достижения В. Кривулина как крупнейшего представителя поэтического экфрасиса своего поколения, увидев в выстраивании образа герба черты экфрасиса и тем самым определив доминирующую конструктивную лирическую эмоцию в этих стихах о гербе. Наконец, для интерпретации стихов В. Кривулина необходимо знание материальной культуры, так как произведения искусства всегда интересуют его не только

как система выразительности, но и как судьба материального носителя: именно в единстве сюжета и грубого материального начала искусства В. Кривулин обычно видит его историческую миссию, что подтвердится и нашим анализом.

«Судебный сад»: *позднесоветский чеканный герб*. Впервые герб как ключевой образ стихотворения появляется в лирической зарисовке «Судебный сад» (1984). В этом стихотворении изображен Ленинград позднесоветского времени, в июне, в период белых ночей, и герб появляется как единственный потестарный символ в советском суде, сама мысль о котором внушает повествователю чувство неопределенной вины:

я вижу Парк он светел как святой
в неповоротливых глубинах
июньской зелени — то чёрной то седой —
так небеса угрюмы и клубимы
с такой серьёзностью и самоуглубленьем
они глядят, невинные, сюда
что нет защиты перед преступленьем
переступающим порог районного суда
три синих кресла, высоко над ними —
алтынный герб и зелень с чернотой
стучится в окна толпами блатными
народом истины простой...
из помещения где смех лежит как пыль
где показанья растворяются в кислотах
я вижу Парк наколотый на шпиль
Центральной Правды едкой позолоты

Финал этого стихотворения сначала не вполне ясен: идет ли речь о победе лирической эмоции над фрустрирующим чувством непонятной вины или же, напротив, дается почти соц-артовская картина торжества официозной правды. Шпиль, конечно, ассоциируется с образами золотого века русской поэзии, с адмиралтейской иглой или шпилем Петропавловского собора, но при этом никаких признаков, что эта поэзия будет ключом к стихотворению, в нем нет. Очевидны намеки на историю города: в частности, антисоветское изображение революционных толп и революционного порядка, который и привел к нынешней фрустрации. Тема белых ночей как фрустрирующих нормативна, например, для Иннокентия Анненского, которым В. Кривулин занимался и как исследователь [13].

Образ герба дает здесь единственный ключ понимания сюжета. Герб над судьей-

скими креслами назван «алтынным», что намекает на дешевизну, и значит, на отсутствие какой-то правовой защиты для «маленького человека»: имеется в виду герб на советских монетах. Образ этот подтверждается тем, что большое распространение в тогдашнем СССР, включая Ленинград, получили чеканные гербы, напоминавшие монеты. Искусство чеканки воспринималось как народный промысел, и В. Кривулин тем самым сатирически указывает на близость народного искусства и народной поддержки советской власти.

Кроме того, существует поговорка «копейка алтынным гвоздем прибита», указывающая на трудности достижения целей и необходимость слишком дорогой оплаты, чтобы добиться простого человеческого счастья. Здесь тема «маленького человека», мечтающего о простом счастье, но не добивающегося его, оказывается выраженной с помощью визуальных символов, и тем самым переводится из регистра социальных отношений в осмысление самой роли визуальных образов. Визуальный образ, как «информационный парадокс», формирует норму «народной власти», и значит, судьба маленького человека определяется не только социальной несправедливостью, но и культурными конфликтами. Отсутствует тот режим видения артефактов, который был бы счастливым, и сатирический мотив появляется не из сатирического настроения, а из того, что созерцать и рассматривать герб невозможно как обретение счастья, всегда сам режим созерцания будет разрывом, а не связностью счастливой исторической судьбы.

Метампсихоза или судьбы бывших империй. Стихотворение «Метампсихоза» (1995 или 1996) написано в разгар конфликтов в бывшей Югославии и прямо намекает на эти события. В. Кривулин явно думает о том, как возможна лирическая эмоция как мысль о «метемпсихозе», перерождении души, нашедшей свою новую звезду, свою новую судьбу. Такой новой звездой оказывается герб:

Метампсихоза – это значит мне
по меньшей мере выпадет родиться
близ моря, в маленькой воюющей стране,
чей герб лазорево-червлёный
подобен допотопному зверинцу

сплошные львы орланы и грифоны
и черт-те что на небесах творится

у горизонта – горб супердержавы
как тени сизые, смешались корабли...
на крабьих отмелях, в ракушечной пыли
сияло детство ярко, среди ржавой
подбитой техники искали что взорвать
куда прицелиться для смерти и для славы
посмертной – чтобы как-нибудь опять

воскреснуть в государстве островном

Прямые цитаты кадров телевизионной хроники балканских войн 1990-х, такие как подбитая техника и воюющие подростки, соединяется с мечтой об островном государстве, иначе говоря, с идеализированным образом Средиземноморья как места постоянного перерождения и возрождения культуры. Как и в предыдущем стихотворении, герб оказывается ключевым образом, объясняющим действительное содержание этого желания. Это не просто мечта о культуре как противовесу разрушительным войнам, это уже найденная символика культуры как превращения телесного в бестелесное, через диковину, которая становится предметом любопытства и тем самым переходит из мира материального в мир нематериального интереса. Из структуралистов Умберто Эко первым указал именно на такой статус средневековых химер и диковин, при анализе диалектики отношения средневековья к украшениям храмов, считая, что эта диалектика формировала режим незаинтересованного эстетического внимания [14, с. 9].

В описании герба легко узнается герб Хорватии (рис. 1), государства, ориентированного на западный, итальянский мир, и при этом, в отличие от итализированной Словении, постоянно воевавшего все 1990-е гг. В этом гербе преобладают геральдические лазоревый и червлёный цвета, а корона герба, своего рода закругленные небеса, состоит из щитов, действительно напоминающих эксцентричный допотопный зверинец. Конечно, в стихотворении подразумевается, что весь бестиарий изображен не только на короне, но и на основном щите, тогда как на гербе Хорватии – шахматный узор. Но эта условность, конечно, не отменяет прямой отсылки к тому, что герб воюющей страны требует обыч-

но внимательного изучения, а значит, все детали, особенно при неясности ситуации, будут казаться заполняющими весь герб. Иначе говоря, при неясности причин войны неясно вполне и строение герба, как он остается во впечатлениях.

Что такое «герб супердержавы», не вполне ясно, возможно, подводная лодка США, наблюдающая за военными действиями, тем более, далее тютчевской полуцитатой указывается на слабость флота воюющих сторон Югославии. Но замечательно, что хотя Югославия была морской державой, на её гербе (рис. 2) морские владения отражены только синей лентой, окаймляющей трудовые колосья. Герб указывает на слияние пяти республик в единую федерацию, и на труд на земле, пламя оказывается общим пламенем. Иначе говоря, можно понять вторую часть как указание на то, что герб Югославии с пафосом сухопутного труда и сухопутного единства предопределил, что война тоже будет сухопутной, и вся бывшая Югославия окажется объята пламенем. В пользу такой трактовки говорит замечание «сияло детство ярко», что можно понять и как яркие впечатления детей от войны, и детство до распада страны, которое ностальгически воспринимается как яркое и пламенное. Всё зависит от того, как мы будем воспринимать прошедшее время, как претеритное, и тогда это тема ностальгии, или как претеритно-презентное репортажа (вроде «прогремел взрыв», «промчался босоногий подросток», обычное в прямом эфире), и тогда говорится о яркости впечатлений. Тем самым, можно сказать, что здесь противопоставляется герб социалистической страны, геральдические смыслы которого оказываются, по мысли поэта, фатальными для единства державы, и сложно организованный герб, которому возвращается прежний смысл щита, защищающего во время мобилизации, так что даже в военное время лирический повествователь чувствует себя более защищенным.

«Стихи в форме госгерба»: поэтика ссылки в обоих смыслах. Как и во многих поздних поэтических книгах и стихах, в этом стихотворении 2000 («юбилейного») года строки выровнены по центру. Общепринятое объяснение этого приема нам неизвестно, самое большее, это связывают как с влияни-

ем поэзии Э.Э. Каммингса (Э.Э. Камингса), так и со стремлением передать строение вечности как постоянной авторефлексии [15]. Понятно, что при этом достигается определенная геометрическая симметрия, зрительное согласие со сказанным, проблематизирующее уже не сами слова, но предполагаемые контексты сказанных слов.

весь мир
весь мир которого нет
весь на экране как на ладони
поле гадания... что выпадает? валет
или шестерка треф – но вали вперед!
Хлопоты злая дорога худые кони
иные версты иные дни
берег твой дальний –
там и живу я
где вертухай виртуальный
круговую песню поет
сторожевую

Рис. 1. Герб Хорватии (после распада СФРЮ)

Рис. 2. Герб СФРЮ

В этом стихотворении легко считываются пушкинские цитаты: «Садись на тройку злых коней» («К Галичу»), «Другую жизнь и берег дальний» («Не пой, красавица, при мне...»), кот ученый из вступительной части первой песни «Руслана и Людмилы», появившейся в издании 1828 года, и так же вполне возможно, что «Налево ляжет ли валет» из черновиков к «Евгению Онегину». В целом просто воссоздается мир Пушкина как мир постоянных рисков, ссылок и нахождения под наблюдением. Сюжет совсем кратко можно реконструировать так: возможности Интернета наблюдать за всем происходящим в мире не снижают риски, но более того, открывают, что весь мир состоит из рисков, и единственное, что неизменно – это нахождение под наблюдением. Вряд ли можно говорить о какой-то законченной концепции критики Интернета и свободного обмена информацией как грозящего новыми формами контроля. Скорее, речь о другом, что двуглавый орел воспринимается как герб, вписанный в круг как символ вечности, но этот круг сразу приобретает все бытовые значения, вроде возвращения всего на круги своя.

Легко заметить, что форма герба больше всего напоминает герб, созданный Иваном Билибиным для Временного правительства (рис. 3): там герб действительно вписан в круг, лишен потестарных символов и при этом крылья и хвост треугольником, высокая абстрактная геометрика герба напоминает больше вид стихотворения В. Кривулина, чем имперский орел. Тогда понятно, что гадание производится по монете Банка России образца 1991–2015 года, где изображался именно билибинский орел как эмблема банка России. Стихотворение получает особый смысл: герб уже не предмет рассмотрения и не предмет мечты, но часть гадательного инструмента. Возрастание исторической непредсказуемости, а не риски информатизации, и связка дешевизны доступа к информации и дешевизны контроля над человеком – так примерно может быть обозначена тема этого стихотворения как вариант своеобразной «аннигиляции метафор» [16], что соответствует и размышлениям В. Кривулина о формах профанации А.С. Пушкина в рекламных целях в 1990-е годы в его сатирической зарисовке путешествия литераторов [17]. В

этой статье В. Кривулин замечает, что ни А.С. Пушкин, ни современное искусство не стали еще частью новой жизни 1990-х, и описывает эпоху как некоторое гротескное безвременье, становящееся ресурсом новых субкультур.

Рис. 3. Гербовый знак и печать Временного правительства (1917)

Если символика флага в поэзии В. Кривулина всегда понятна, это некоторое уходящее воспоминание, которое исчезает из виду (как в стихотворении «Флаги над пионерлагерем»), и изображение флагов может быть описано, например, в терминах феноменологии и ассоциативной психологии, то герб работает уже не просто как инструмент, раскрывающий природу памяти. Герб оказывается ключевым образом, объясняющим статус лирического высказывания и ключом к выбору и совмещению патетической и сатирической эмоции. В трех стихотворениях реализованы основные аспекты поэзии В. Кривулина: взгляд на историческое отчуждение в первом, переживание собственного отчуждения от прошлого во втором и возвращение к ситуации исторического отчуждения после многих перипетий в третьем. В каком-то смысле можно говорить об этих трех стихотворениях как о диалектике тезиса–антитезиса–синтеза, и следовательно, о гербе как поводе реализовать полностью диалектическую триаду. Переход от взгляда на искусство к взгляду на судьбу оказывается необходимой работой интерпретации, не сводящейся к чувству истории, но требующей сложного истолкования визуальных символов.

Список литературы

1. Житенев А.А. Виктор Кривулин как теоретик «неофициальной» культуры (1976–1984) // TextOnly. 2014. № 41. URL: <http://textonly.ru/case/?issue=41&article=38795> (дата обращения: 12.02.2019).
2. Walker C.B. The spirit(s) of the Leningrad underground: Viktor Krivulin's communion with Russian modernism // The Slavic and East European Journal. 1999. Vol. 43. № 4. P. 674-698.
3. Марков А.В. Пальмы Сиона: 42 этюда об экфрасисе в поэзии. М.: Издательские решения, 2017. 166 с.
4. Von Zitzewitz J. Poetry and the Leningrad Religious-Philosophical Seminar 1976–1980: Music for a Deaf Age. Oxford: Legenda/MHRA and Routledge, 2016. 234 p.
5. Кривулин В.Б. Петербургская спиритуальная лирика вчера и сегодня (К истории неофициальной поэзии Ленинграда 60–80-х годов) // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е гг.: сб. ст. / сост. Б.И. Иванов, Б.А. Рогинский. СПб., 2000. С. 99-101.
6. Седакова О.А. Очерки другой поэзии. Очерк первый: Виктор Кривулин // Седакова О. Проза / сост. А. Великановой. М.: Эн Эф Кью / Ту Принт, 2001. С. 684-705.
7. Иванов Б. Виктор Кривулин – поэт российского ренессанса // Петербургская поэзия в лицах / сост. Б. Иванов. М., 2011. С. 293-368.
8. Кукулин И.В. Фотография внутренностей кофейной чашки // Новое литературное обозрение. 2002. № 54. С. 262-282.
9. Успенский Б.А. Historia sub specie semioticae (1974) // Успенский Б.А. Избранные труды, том I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 71-82.
10. Лотман Ю.М. Изъявление Господне или азартная игра // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Изд-во «Гнозис», 1994. С. 353-363.
11. Успенский Б.А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.
12. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство–СПб, 1994. 580 с.
13. Кривулин В.Б. Болезнь как фактор поэтики Анненского // Иннокентий Анненский и русская культура XX века: сб. науч. тр. СПб.: АО АРСИС, 1996. С. 105-109.
14. Эко У. Эволюция средневековой эстетики / пер. с итал. СПб.: Азбука-Классика, 2004. 288 с.
15. Беневиц Г.И. Об одной «журналистской» пост-элегии Виктора Кривулина // TextOnly. 2017. № 46. URL: <http://textonly.ru/case/?issue=46&article=39029> (дата обращения: 12.02.2019)
16. Тема Е. Виктор Кривулин: поэзия традиции и новизны // Гефтер.ру. 2013. 18 июня. URL: <http://gefeter.ru/archive/9082> (дата обращения: 12.02.2019)
17. Кривулин В.Б. Заметки с парохода современности // Русский журнал. 1998. 11 авг. URL: http://old.russ.ru/journal/ist_sovr/98-08-11/krivul.htm (дата обращения: 12.02.2019).

References

1. Zhitenev A.A. Viktor Krivulin kak teoretik «neofitsial'noy» kul'tury (1976–1984) [Viktor Krivulin as theorist of “unofficial” culture (1976–1984)]. *TextOnly*, 2014, no. 41. (In Russian). Available at: <http://textonly.ru/case/?issue=41&article=38795> (accessed 12.02.2019).
2. Walker C.B. The spirit(s) of the Leningrad underground: Viktor Krivulin's communion with Russian modernism. *The Slavic and East European Journal*, 1999, vol. 43, no. 4, pp. 674-698.
3. Markov A.V. *Pal'my Siona: 42 etyuda ob ekfrasise v poezii* [Palms of Zion: 42 Essays on Ekphrasis in Poetry]. Moscow, Izdatel'skiye resheniya Publ., 2017, 166 p. (In Russian).
4. Von Zitzewitz J. *Poetry and the Leningrad Religious-Philosophical Seminar 1976–1980: Music for a Deaf Age*. Oxford, Legenda/MHRA and Routledge Publ., 2016, 234 p.
5. Krivulin V.B. Peterburgskaya spiritual'naya lirika vchera i segodnya (K istorii neofitsial'noy poezii Leningrada 60–80-kh godov) [Saint-Petersburg spiritual lyrical poetry yesterday and today (To the history of Leningrad unofficial poetry of 60–80s)]. In: Ivanov B.I., Roginskiy B.A. (compilers). *Istoriya leningradskoy nepodtsenzurnoy literatury: 1950–1980-e gg.* [History of Leningrad Uncensored Literature: 1950–1980s]. St. Petersburg, 2000, pp. 99-101. (In Russian).
6. Sedakova O. Ocherki drugoy poezii. Ocherk pervyy: Viktor Krivulin [Essays on other poetry. First Essay: Viktor Krivulin]. In: Sedakova O. *Proza [Prose]*. Moscow, NFQ Publ., 2001, pp. 684-705. (In Russian).
7. Ivanov B. Viktor Krivulin – poet rossiyskogo renessansa [Viktor Krivulin as a poet of Russian Renaissance]. *Peterburgskaya poeziya v litsakh* [Persons of Saint-Petersburg Poetry]. Moscow, 2011, pp. 293-368. (In Russian).

8. Kukulin I.V. Fotografiiya vnutrennostey kofeynoy chashki [A photo of a coffee cup inside]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review], 2002, no. 54, pp. 262-282. (In Russian).
9. Uspenskiy B.A. Historia sub specie semioticae (1974). In: Uspenskiy B.A. *Izbrannyye trudy, tom 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Selected Works, vol. 1. Semiotics of History. Semiotics of Culture]. Moscow, School "Russian Culture Languages" Publ., 1996, pp. 71-82. (In Russian).
10. Lotman Y.M. Iz'yavleniye Gospodne ili azartnaya igra [Will of God or hazard game]. *Y.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Y.M. Lotman and Tartu-Moscow Semiotic School]. Moscow, "Gnozis" Publ., 1994, pp. 353-363. (In Russian).
11. Uspenskiy B.A. *Semiotika iskusstva* [Semiotics of Art]. Moscow, School "Russian Culture Languages" Publ., 1995, 360 p. (In Russian).
12. Lotman Y.M. *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Dialogues on Russian Culture: Everyday Life and Traditions of Russian Nobility (18th – Early 19th Centuries)]. St. Petersburg, Iskustvo – SPB Publ., 1994, 580 p. (In Russian).
13. Krivulin V.B. Bolezn' kak faktor poetiki Annenskogo [Illness as factor of Annensky's poetics]. *Innokentiy Annenskiy i russkaya kul'tura XX veka* [Innokenty Annensky and Russian Culture of 20th Century]. St. Petersburg, "ARSIS" Publ., 1996, pp. 105-109. (In Russian).
14. Eco U. Evolyutsiya srednevekovoy estetiki [The Development of Medieval Aesthetics]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2004, 288 p. (In Russian).
15. Benevich G.I. Ob odnoy «zhurnalistskoy» post-elegii Viktora Krivulina [On a journalist-like post-elegy by Viktor Krivulin]. *TextOnly*, 2017, no. 46. (In Russian). Available at: <http://textonly.ru/case/?issue=46&article=39029> (accessed 12.02.2019).
16. Teta E. Viktor Krivulin: poeziya traditsii i novizny [Viktor Krivulin: Poetry of Tradition and Innovation]. *Gefter.ru*, 2013, 18 June. (In Russian). Available at: <http://gefter.ru/archive/9082> (accessed 12.02.2019).
17. Krivulin V.B. Zametki s parohoda sovremennosti [Notes from the ship of today]. *Russkiy zhurnal* [Russian Journal], 1998, 11 August. (In Russian). Available at: http://old.russ.ru/journal/ist_sovr/98-08-11/krivul.htm (accessed 12.02.2019).

Информация об авторе

Марков Александр Викторович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры кино и современного искусства. Российский государственный гуманитарный университет г. Москва, Российская Федерация. E-mail: markovius@gmail.com

Вклад в статью: анализ истории вопроса, работа с источниками, организация и участие в проведении концептуального анализа, написание текста статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Поступила в редакцию 07.05.2019 г.

Поступила после рецензирования 20.05.2019 г.

Принята к публикации 17.06.2019 г.

Information about the author

Alexander V. Markov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Cinematography and Modern Art Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation. E-mail: markovius@gmail.com

Contribution: issue history analysis, work with references, organization and participating in conceptual analysis processing, manuscript text drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Received 7 May 2019

Reviewed 20 May 2019

Accepted for press 17 June 2019

Имидж региона: на примере Республики Саха (Якутия)

Сардана Николаевна ФЕДОРОВА, Сайына Евгениевна КИРОВА

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»
677000, Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6013-3599>, e-mail: vip.sardana@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7238-9738>, e-mail: skirova2000@mail.ru

Region image: on example of Sakha Republic (Yakutia)

Sardana N. FEDOROVA, Saina E. KIROVA

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
58 Belinsky St., Yakutsk 677000, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6013-3599>, e-mail: vip.sardana@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7238-9738>, e-mail: skirova2000@mail.ru

Аннотация. Формирование имиджа региона приобретает в настоящее время особую значимость, поскольку именно благодаря ему территория становится известной и узнаваемой, появляются возможности для ее укрепления и проявления активности на внутреннем и мировом рынке. Положительный имидж территории способствует улучшению инвестиционного климата, ее благоустройству и развитию туристической инфраструктуры, увеличению доходов сферы услуг и повышению уровня конкурентоспособности. В связи с этим обращение авторов к данной теме представляется актуальным. Предложен научный обзор дефиниций «имидж», «имидж региона». Посредством сопоставительного анализа выделены современные подходы к исследованию имиджа региона. Обосновано, что благоприятные природное и культурное наследие края дает все возможности для позиционирования края как инвестиционно привлекательного региона. Проанализированы объективные, субъективные факторы и проблемы для формирования позитивного имиджа региона. Также сформировано описание достопримечательностей Якутии как реклама и путеводитель для потенциальных туристов, имиджевый потенциал республики. Результатом исследования стал вывод о том, что формирование благоприятного имиджа региона даст возможность предложить мировому сообществу свой привлекательный край, который обладает благоприятными природными, культурно-историческими, социально-культурными условиями.

Ключевые слова: имидж; регион; территория; позиционирование; потенциал

Для цитирования: Федорова С.Н., Кирова С.Е. Имидж региона: на примере Республики Саха (Якутия) // Неофилология. 2019. Т. 5, № 18. С. 202-206. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-202-206

Abstract. Development of region image now gains the central importance as exactly because of it the territory becomes well-known and recognizable. Possibilities appear for region's strengthening and activity manifestation in the domestic and world market. The positive territory image contributes to the improvement of investment climate, improvement and development of tourist infrastructure, increase in revenues of service sector and increase in competitiveness level. In this regard, we consider this subject relevant. We present the scientific review of definitions "image" and "region image". We allocate the contemporary approaches to a research of region image by means of the comparative analysis. We prove that the favorable natural and cultural region heritage gives all opportunities for region positioning as an attractive investment. We analyze objective, subjective factors and problems for positive region image development. We also describe sights of Yakutia as advertising and the guide for potential tourists as the image potential of the Republic. We conclude that development of favorable region image will give the opportunity to offer the interna-

tional community the attractive region which has favorable natural, cultural and historical, social and cultural conditions.

Keywords: image; region; territory; positioning; potential

For citation: Fedorova S.N., Kirova S.E. Imidzh regiona: na primere Respubliki Sakha (Yakutiya) [Region image: on example of Sakha Republic (Yakutia)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 18, pp. 202-206. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-202-206 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

В XXI веке позиционирование территории и региона стало весьма актуальным объектом для научных исследований в различных направлениях науки. У регионов появилась возможность самостоятельно развиваться на международной арене, чтобы приобрести собственные связи для развития.

Цель данной статьи – представить сопоставительный анализ научных подходов к дефинициям «имидж территории», «имидж региона» и изучить потенциал для территориального позиционирования.

Если разобрать этимологию слова «имидж», то в Большом энциклопедическом словаре написано: (англ. Image, от лат. imago – образ, вид), целенаправленно формируемый образ (любого человека, явления, предмета), разработанный, чтобы оказать эмоциональное влияние и психологическое воздействие на кого-либо в целях продвижения, рекламы и т. п.¹

Также существуют несколько дефиниций этого термина. Например, создатель четырех научно-исследовательских направлений, таких как менталитетология, имиджелогия, ортобиотика и управленческая антропология, В.М. Шепель дает такое определение: «Имидж – индивидуальный облик или ореол, создаваемый средствами массовой информации, социальной группой или отдельными людьми для привлечения внимания» [1, с. 8]. У известного американского теоретика маркетинга Ф. Котлера – это впечатление общества о компании или ее товаров [2, с. 307]. Специалист в области менеджмента О.С. Виханский пишет, что «это устойчивое представление об особенностях, специфических качествах и чертах, характерных для данного явления» [3, с. 69].

¹ Большой энциклопедический словарь. URL: <https://slovar.cc/enc/bolshoy/2087314.html> (дата обращения: 18.01.2019).

Все эти дефиниции дополняют друг друга, и на их основе можно сделать вывод, что имидж – это оценка возникшего образа, предлагаемого товара обществу, устойчивое мнение о нем в целях популяризации, привлечения внимания, рекламы. Имидж может быть и положительным, и негативным.

С изучением имиджа территории Д.П. Гавра и Ю.В. Таранова предлагают следующее определение: «это комплексная форма его коммуникации, обеспечивающая целевым аудиториям – прежде всего собственному населению, внешним партнерам, реальным и потенциальным инвесторам, туристам» [4, с. 46] – узнать о данном регионе и об отношении к нему.

Из вышесказанного можно определить, что «имидж региона» состоит из туристической привлекательности, аттрактивности территории, культуры, традиций и обычаев коренных народов, экспортируемого товара, деятельности правительства региона, ну и конечно же географического месторасположения. В данном контексте у Республики Саха (Якутия) имидж самого холодного региона с алмазами, золотом, мамонтовыми бивнями, гостеприимными народами и уникальной природой.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Основные имиджеобразующие факторы Республики Саха (Якутия) можно разделить на две группы: объективные и субъективные.

В объективные факторы входят природно-климатические условия проживания народов, от которых зависят исторические традиции и обычаи, внешнеэкономические и внешнеполитические связи; субъективные факторы – это современное состояние региона, популярность лидера региона, развитая рекламнo-коммуникационная инфраструктура.

В последнее время республика позиционирует себя как особый культурный регион,

чтющий традиции народов севера, как крупный алмазодобывающий и аграрный регион, занимающийся сельским хозяйством. Контент-анализ федеральных СМИ, направленный на выяснение имиджа республики, показал, что с 2018 г. наблюдается рост позитивных публикаций о регионе. Это связано со сменой руководства региона, с 27 сентября 2018 г. избран новый Глава Республики Саха (Якутия) – Айсен Сергеевич Николаев (объективный фактор), так и целенаправленным формированием позитивного имиджа со стороны руководства (субъективный).

Но, тем не менее, существует ряд проблем социально-экономического характера и некоторые негативные стереотипы. Для формирования позитивного имиджа региона необходимо предоставление более качественных услуг туристам, расширение ассортимента услуг, строительство новых недорогих гостиниц, улучшение транспортной инфраструктуры.

Наиболее эффективными технологиями формирования имиджа являются событийные виды туризма. Туристы могут участвовать в различных международных спортивных играх, фестивалях, национальных праздниках, которые проводятся в республике.

Нужно отметить, что туризм в данном регионе находится на начальной стадии развития. Для более динамичного развития следует продвигать имидж региона. Главное преимущество республики заключается в проведении на высоком уровне различных уникальных национальных праздников, спортивных мероприятий международного уровня. Большинство мероприятий в области событийного продвижения имеют цель позиционировать положительный имидж региона, ведь «событийное продвижение – комплекс мероприятий, направленных на продвижение компаний, брендов, товаров и услуг с помощью ярких и запоминающихся событий» [5, с. 80].

В последнее время туристы со всего мира приезжают сюда, чтобы увидеть суровую, но красивую природу, почувствовать настоящую зиму, увидеть Встречу солнца в арктических улусах, летом чтобы познакомиться с национальным праздником Земли Олонхо Ысыахом [6]. Посетив Ысыах, можно увидеть национальные виды спорта

(Игры Тыгына), отведать национальную кухню, подпевать в круговом хороводе Осуохай, встретить солнце и познакомиться с разнообразием национальной одежды.

В Оймякон каждый год со всего мира приезжают все больше и больше туристов. Они любят искупаться в -60°C в незамерзающем термальном источнике, могут участвовать на фестивале туризма «Полюс холода», посетить резиденцию Чысхаана (якутского Деда Мороза). Здесь самая низкая температура $-67,7^{\circ}\text{C}$ официально была зафиксирована в феврале 1933 года².

Наиболее известным республиканским брендом являются алмазы. Для туристов организуются алмазные и золотые туры «В Алмазном краю». В программу данного тура входят экскурсия по городу Мирный, посещение трубки «Мир» и музея кимберлитов АК «АЛРОСА» им. Д.И. Саврасова (прим. авт. – здесь находится коллекция кимберлитов с 1970-х г.), обогатительной фабрики и цеха сортировки алмазов [7, с. 244].

В Якутске проводятся спортивные соревнования международного уровня: Международные спортивные игры «Дети Азии», чемпионаты России по вольной борьбе (2016 г.), по мас-рестлингу (2018 г.), кубок Мира по вольной борьбе (2019 г.).

Огромное значение в продвижении имиджа региона имеет природное наследие. Треть природного наследия Якутии составляют особо охраняемые природные территории (далее ООПТ). На территории республики находятся 119 ООПТ, в том числе: 62 ресурсных резервата, 13 государственных природных заказников, 26 уникальных озер, 17 памятников природы и 1 уникальный ландшафт. Площадь данных ООПТ в целом более 56,6 млн га³. В ресурсных резерватах можно увидеть бизонов, овцебыков.

Огромный интерес со стороны туристов вызывает маршрут на горы Кисилых. Это святилище природы является природным храмом, местом поклонения и благословения якутов, эвенков и юкагиров. Уникальное тво-

² Полюс холода, Оймякон, Якутия. URL: <http://kra-sotyrossii.ru/полюс-холода-оймякон-якутия> (дата обращения: 21.01.2019).

³ Отчет о деятельности ГБУ РС (Я) «Дирекция биологических ресурсов и особо охраняемых природных территорий Министерства охраны природы Республики Саха (Якутия)» за 2017 г. Якутск, 2018. С. 3.

рение природы состоит из необычных горных скал-статуй, которые похожи на людей (прим. авт. – человек по-якутски – киһи (пер. автора), отсюда и название – горы Кисилых). Геологический возраст этих скал достигает до 60 миллионов лет, и называют их Энергетическим Центром Планеты⁴.

Конечно, самой главной узнаваемой достопримечательностью является национальный природный парк «Ленские столбы», уникальный памятник природы, который вошел в список Всемирного наследия ЮНЕСКО⁵. Это скальные образования из кембрийского известняка, которые датируются ранним кембрием – 560–540 млн лет назад, высота этих скал доходит до 220 метров над уровнем реки.

Привлекают туристов круизы по рекам Якутии: Лене, Амге, Индигирке. На сплавах можно посетить Синские столбы, воочию увидеть наскальные рисунки эпохи неолита,

⁴ Священные Кисилыхские горы Якутии. URL: <http://ru.visitjakutia.com/verhojanskije-kigiljahi/> (дата обращения: 18.01.2019).

⁵ Ленские столбы. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ленские_столбы (дата обращения: 21.01.2019).

гору с изображением лиц людей (Харама Хайата), порыбачить.

Во всех населенных пунктах республики есть краеведческие музеи, где можно познакомиться с культурой народов. В связи с этим для туристов предоставляется возможность увидеть не только природные достопримечательности, но и раритетные вещи, утварь, национальную одежду, кухню, узнать историю народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод, что Республика Саха (Якутия) является специфическим уникальным уголком России. Данный регион обладает благоприятными условиями, которые могли бы привлечь туристов со всего мира. В условиях резко возросшей в последние годы конкуренции на рынке туризма повышается роль позиционирования имиджа республики. Именно формирование позитивного имиджа о республике принесет популярность среди туристов не только в России, но и за рубежом.

Список литературы

1. Шепель В.М. Имиджелогия: секреты личного обаяния. М.: Культура и спорт: ЮНИТИ, 1994. 320 с.
2. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент [пер. с англ. под ред. С.Г. Божук]. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
3. Виханский О.С. Стратегическое управление. М.: Гардарики, 1998. 296 с.
4. Гавра Д.П., Таранова Ю.В. Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве. СПб.: С-Петербург. гос. ун-т., Высш. шк. журн. и массовых коммуникаций, 2013. 155 с.
5. Филатова С.С. Событийное продвижение образовательных услуг с помощью специальных событий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. Тамбов, 2018. Т. 4. № 4. С. 80-84.
6. Романова Е.Н. Якутский праздник Ысыах: истоки и представления. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1993. 160 с.
7. Федорова С.Н. Позиционирование туристического имиджа Республики Саха (Якутия) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 1. С. 243-247.

References

1. Shepel V.M. *Imidzhelogiya: sekrety lichnogo obayaniya* [Imageology: Secrets of Personal Charm]. Moscow, Culture and Sport: UNITY Publ., 1994, 320 p. (In Russian).
2. Kotler F. *Marketing menedzhment* [Marketing Management]. 2nd ed. St. Petersburg, Piter Publ., 2006, 464 p. (In Russian).
3. Vikhanskiy O.S. *Strategicheskoye upravleniye* [Strategic Management]. Moscow, Gardariki Publ., 1998, 296 p. (In Russian).
4. Gavra D.P., Taranova Y.V. *Imidzh territorial'nykh sub'yektov v sovremennom informatsionnom prostranstve* [Image of Territorial Subjects in Modern Information Space]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, School of Journalism and Mass Communications Publ., 2013, 155 p. (In Russian).
5. Filatova S.S. *Sobytiynoye prodvizheniye obrazovatel'nykh uslug s pomoshch'yu spetsial'nykh sobytiy* [Educational services event promotion with special events]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya:*

Obshchestvennye nauki – Tambov University Review. Series: Social Sciences, 2018, vol. 4, no. 4, pp. 80-84. (In Russian).

6. Romanova E.N. *Yakutskiy prazdnik Ysyakh: istoki i predstavleniya* [Yakut Holiday Yhyakh: Origins and Understandings]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1993, 160 p. (In Russian).
7. Fedorova S.N. Pozitsionirovaniye turisticeskogo imidzha Respubliki Sakha (Yakutiya) [Positioning of tourist image of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service], 2016, no. 1, pp. 243-247. (In Russian).

Информация об авторах

Федорова Сардана Николаевна, кандидат культурологии, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма. Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Российская Федерация. E-mail: vip.sardana@mail.ru

Вклад в статью: идея и дизайн исследования, написание текста статьи, окончательное одобрение рукописи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6013-3599>

Кирова Сайына Евгениевна, студентка Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации. Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Российская Федерация. E-mail: skirova2000@mail.ru

Вклад в статью: набор первичного материала, поиск и анализ литературы.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7238-9738>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Федорова Сардана Николаевна
E-mail: vip.sardana@mail.ru

Поступила в редакцию 22.02.2019 г.
Поступила после рецензирования 20.03.2019 г.
Принята к публикации 20.05.2019 г.

Information about the authors

Sardana N. Fedorova, Candidate of Culturology, Associate Professor of Social and Cultural Service and Tourism Department. M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation. E-mail: vip.sardana@mail.ru

Contribution: study idea and design, manuscript text drafting, final manuscript approval.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6013-3599>

Saina E. Kirova, Student of Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East of the Russian Federation. M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation. E-mail: skirova2000@mail.ru

Contribution: source material acquisition, literature search and analysis.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7238-9738>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Sardana N. Fedorova
E-mail: vip.sardana@mail.ru

Received 22 February 2019
Reviewed 20 March 2019
Accepted for press 20 May 2019

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-207-213
УДК 008+316.77

Историческая динамика вопросов, направленных на рассмотрение социокультурного пространства детства

Наталья Владимировна АПАЖИХОВА, Ольга Борисовна МУРЗИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7487-9981>, e-mail: n_apazhikhova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0808-3552>, e-mail: murzina.olga@mail.ru

Historical dynamics of issues aimed at the consideration of social and cultural childhood space

Natalia V. APAZHIXOVA, Olga B. MURZINA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7487-9981>, e-mail: n_apazhikhova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0808-3552>, e-mail: murzina.olga@mail.ru

Аннотация. Рассмотрение социодинамики детства представляет особый интерес, вызванный вниманием к миру ребенка, его ценностям, субкультуре. Представленный культурно-исторический аспект в некоторой степени раскрывает ключевые позиции, направленные на характеристику периода ребенка от рождения до 11 лет. В данный период закладываются основы будущей личности посредством воспитания, творческого развития, влияния различных социокультурных процессов. Каждая историческая эпоха внесла определенный вклад в картину детства. В античности формируются философские взгляды на этап взросления, в средние века художники отображали детский мир, рисуя его на полотнах, эпоха Возрождения обращается через литературу к социально-психологическим аспектам детства. Прошлый век, собрав опыт предыдущих поколений, позволил раскрыть весь потенциал, ранее дремавший в педагогической мысли. Это способствовало появлению новых досуговых учреждений, детского движения (не только в России, но и за рубежом), написанию детской литературы и т. д. Дана обобщенная характеристика процесса формирования личности ребенка и акцентировано внимание на исторической динамике социокультурных вопросов детства. Раскрыты факторы, наиболее качественно влияющие на этап формирования человека, осмысление понятия «детства».

Ключевые слова: детство; социокультурное пространство; подрастающее поколение; творческий потенциал ребенка; процесс взросления; детская литература; воспитание; досуг

Для цитирования: Апажихова Н.В., Мурзина О.Б. Историческая динамика вопросов, направленных на рассмотрение социокультурного пространства детства // Неофилология. 2019. Т. 5, № 18. С. 207-213. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-207-213

Abstract. Consideration of the social dynamics of childhood is of particular interest caused by attention to the child's world, its values and subculture. The presented cultural and historical aspect to some extent reveals the key positions aimed at characterizing the child period from birth to 11 years. In this period, the foundations of the future personality are laid through upbringing, creative development, and the influence of various social and cultural processes. Each historical epoch made a certain contribution to the childhood picture. In antiquity philosophical views on the growing stage are formed, in the Middle Ages artists displayed the children world by painting it on canvases, the Renaissance appeals through literature to psychological aspects of childhood. The past century with collected experience of previous generations allows to reveal the full potential, previously dormant in pedagogical thought. This contributed to the emergence of new leisure facilities, the children's movement (not only in Russia but also abroad), writing children's literature,

etc. We give the generalized characteristic of the child's personality development process is given and we pay attention to the historical dynamics of social and cultural childhood issues. We reveal the factors that most qualitatively influence the development stage of a person, understanding the concept of "childhood".

Keywords: childhood; social and cultural space; younger generation; creative potential of a child; growing process; children's literature; upbringing; leisure

For citation: Apazhikhova N.V., Murzina O.B. Istoricheskaya dinamika voprosov, napravlennykh na rassmotreniye sotsiokul'turnogo prostranstva detstva [Historical dynamics of issues aimed at the consideration of social and cultural childhood space]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 18, pp. 207-213. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-207-213 (In Russian, Abstr. in Engl.)

На фоне глобализации дети в современном мире не оцениваются как успешная социальная группа населения, их жизнь находится под угрозой всевозможных социальных, политических и экономических рисков (падение нравов при высоких культурных достижениях, физическая неразвитость в рамках бурного научно-технического и медицинского прогресса). Мировоззренческие подходы к миру детства указывают на то, что – это потенциал человечества, подвергающийся дегуманизации социокультурного пространства, его среды жизнедеятельности. Тем не менее, все важные аспекты закреплены в Международной конвенции о правах ребенка (1989 г.), в числе главных право ребенка на жизнь. Она должна протекать в рамках успешного социокультурного пространства, в котором разрушительные воздействия и насилие сведены до минимума. Отношение к пространству детства и процессу вхождения во взрослую жизнь не должно быть негативным. Как не могут и взрослые быть безучастными к детям.

Детство выступает центральной составляющей последующего этапа взросления. Поэтому качественные характеристики социокультурного пространства ребенка сопоставимы с таким социологическим аспектом, как качественный уровень жизни. Пренебрежение характерными для данного этапа особенностями ребенка сказывается в дальнейшем на процессе его вхождения в социум, творческом развитии, способе мышления, создании семьи и т. д.

Ребенок представляется доминирующей ценностью человеческого бытия, его продолжения и способа возрождения. Отрицательные демографические аспекты, присутствующие в нашем обществе, обращают на себя внимание научной общественности и

предполагают поиск и нахождение значимых ценностных формирований для создания семьи и рождения в ней ребенка. «Весьма значимым звеном продолжает оставаться культурно-досуговая деятельность, которая все чаще стала строиться на основе специально разработанных культурно-досуговых программ, направленных на удовлетворение потребностей детей в творчестве, релаксации, отдыхе, общении» [1].

Вопросы, направленные на рассмотрение социокультурного пространства подрастающего поколения, актуальны не только в силу необходимости правильного и осознанного воздействия на процесс формирования личности. Они вызваны необходимостью рассмотрения и осознания той роли, которую должно будет исполнить подрастающее поколение в будущем.

Поиск ответов на круг вопросов в этом направлении играет решающее значение и для психолого-педагогического становления личности, обретения своей индивидуальности.

Очерчивая границы и обозримые потенциалы ребенка как решающей доминанты для будущего поколения, мы можем прогнозировать его социокультурное пространство, обозначенное как деформация детской реальности существующими рыночными механизмами, социальное сиротство для последующих поколений.

Исходя из этого, становится очевидным рассмотрение вопросов социокультурного пространства детства для ряда дисциплин: философии, антропологии, социологии, культурологии, социокультурной деятельности и др. В том числе обозначение предположений об его уподоблении взрослой жизни становится актуальным для социокультурной политики в целом по стране.

Под детством мы понимаем исходный этап развития организма вследствие его последовательных физиологических и других преобразований, от рождения до подросткового возраста, точнее, начиная с младенчества до 11 лет.

Рассматривая детство как определенный период в жизни человека, с учетом социально-психологических особенностей развития ребенка, можно определить факторы, влияющие на динамику социокультурных подходов к данному вопросу – культурные события, политический строй, экономические изменения и т. д. Современное гуманитарное осмысление детства предполагает рассматривать его как сложный, многомерный механизм, обусловленный социокультурными факторами.

Обращаясь к истории развития человечества, можно отметить скудный список памятников, имеющий какое-либо отношение к периоду детства. Первобытная эпоха оставила нам наскальные рисунки подростков, игрушки.

В период античности обращение к вопросам детства строилось по нескольким направлениям. Устройство государства предполагало стройную воспитательную систему с комплексом мер, направленных на всестороннее развитие личности, но этот аспект касался свободных и состоятельных граждан полиса. Древнеримская система характеризуется трехступенчатым образованием: тривиальная (начальная), грамматическая и риторическая школы, которые были частными, а обучение в них – платным.

Воспитание простых афинян велось в домашних условиях, девочки обучались письму, быту, мальчики изучали литературу, ораторское искусство. Следующий этап обучения и воспитания продолжался в таких заведениях, как гимнасия и эфебия. Педагогические идеи развивались на фоне социально-бытовых условий. Философы того времени обращали внимание на дидактические процессы подрастающего поколения, объясняя это тем, что «Занятия наукой питают юность и приносят усладу старости, украшают в счастье, служат убежищем и утешением в несчастье» (Марк Туллий Цицерон, древнеримский философ, политик и оратор) (цит. по: [2]).

Демокрит отводил значительную роль в воспитании детей родителям, осуждал скупых, не желающих тратить на обучение своих детей. «Хорошими людьми становятся скорее от упражнения, нежели от природы <...> воспитание перестраивает человека и создает (ему вторую) природу», – отмечал Демокрит (цит. по: [3]).

Сократ также обращал внимание на процесс становления личности, говоря о том, что жизненной целью человека является нравственное совершенствование. Главная задача по Сократу – пробудить душевные силы ученика.

Платон изложил свою идею воспитательного направления в трактатах «Государство» и «Законы». Общество и образование у него взаимосвязаны, а воспитание он рассматривал как фундамент в жизни человека, как процесс одухотворенности. Вдохновленный своим учением Платон основал в Афинах учебное заведение – академию, – просуществовавшую более тысячи лет.

Ученик Платона Аристотель пошел по пути своего учителя, организовав учебное заведение ликей. А написанные им сочинения в основе своей содержат беседы с учениками. «Воспитатели еще более достойны уважения, чем родители, ибо последние дают нам только жизнь, а первые – достойную жизнь», – отмечал Аристотель (цит. по: [3]).

На смену просуществовавшей на протяжении 12 веков Римской империи пришло Средневековье, обширный период в истории человечества, длившийся десять веков, переживший нестабильность и раздробленность, завершившийся созданием новых культурных ценностей. Сформировавшееся отношение к детям в средние века характеризуют литературные источники, в которых не рассматриваются вопросы, связанные с внутренним миром ребенка, его психоэмоциональной сферой. Наглядное изображение мы находим на религиозных полотнах с изображением младенца Иисуса с девой Марией. В исторический период Средневековья дитя – это ребенок младенческого возраста, отнятый от груди. Он должен был разделять заботы взрослых. Детство как таковое не рассматривалось, важно было создать образ в христианской ипостаси. Французский исто-

рик и антрополог Филипп Арьес отмечает лишь социальную статусность ребенка.

Жизнь средневековой Руси была общественной, в которой не находилось места индивидуальности, не было и понимания детства. С пяти лет девочки помогали по хозяйству, мальчики с двенадцати лет обучались воинскому делу и жили отдельно от семьи. Огромной частью воспитательного цикла выступает фольклорное творчество народа, обряды, песни, сказки, прибаутки, почитание сил природы, поклонение ей. Через фольклор происходит усвоение семейных ценностей, почитание старших, формируется мировоззрение. С 8 до 12 лет ребенка учили разнообразным ремеслам, его отдавали мастеру. С 12 лет ребенка одевали уже по половому признаку.

В IX–X веках среди княжеских детей на Руси процветало такое понятие, как «кормильство» и «кумовство». В первом случае ребенка отдавали в другую семью. Задачей кормильца являлось обучение его воинскому делу и образование. Второе понятие предполагает наличие духовного наставника. Дети шли по пути родителей: место в обществе, достаток, образование. В живописи того периода отмечено ограниченное количество портретов с изображением детей, в них отсутствуют черты детскости при наличии достатка в одежде и определенного социального круга.

Эпоха классицизма, как отмечает профессор теории культуры М.Н. Эпштейн, обращается к понятию детства как уклонению от нормы (цит. по: [4]).

До XVII века, Ф. Арьес отмечает, что не было литературы для детей кроме дидактических и учебных текстов. XVII век обусловлен появлением нового образа детства с учетом нарастающего интереса к ребенку в различных направлениях культуры, «зарождением нового образа детства, ростом интереса к ребенку во всех сферах культуры, более четким различием, хронологически и сознательно, детского и взрослого миров и, наконец, признанием за детством социальной и психологической ценности» [5].

Следующее столетие обращает внимание на детство с просветительной целью. В 1744 г. Дж. Ньюбери выпускает детскую книжку развлекательного характера с картинками,

играми. Обусловлено это тем, что изучение данной литературы будет иметь положительные результаты в будущем. Период становления будущей личности определяют его детские и юношеские годы как период подготовки к будущей жизни. Педагогическое наследие архаичного общества на своей стадии дало ученым в той или иной степени продолжить рассмотрение вопросов, связанных с детством в эпоху Средневековья. Мыслители Возрождения отдают предпочтение семейному воспитанию, его ценностям. XIX век более пристально обращает внимание на детство благодаря появлению в 1847 г. педиатрии, задачей которой является сохранение жизни ребенка.

В начале XIX века мы находим детский образ с присущими ему национальными чертами, уходили в прошлое признаки сословной принадлежности.

В России определяется образ детства на фоне изображения картин природы, сельского быта, народного досуга, эмоционального мира ребенка. Среди литературных произведений, затрагивающих этот аспект, можно выделить повесть-сказку А. Погорельского «Черная курица, или подземные жители» (1828). На фоне происходящих событий мы видим уникальность ребенка, богатый духовный мир, самостоятельность в выборе добра и зла, развитие его творческих способностей.

Окончательное утверждение темы детства нашло отражение в богатом литературном наследии таких авторов, как А.С. Шишков, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов. Образ ребенка с его ангелоподобными чертами сменяется суровой реальностью на фоне своей идеальности. В первой половине XIX века просветители олицетворяют образ ребенка с присущими ему чертами современности, которые со временем исчезают в ответ на «восприятие их поздних преемников», ребенок становится «идеален в смысле его будущих деяний на благо общества» [4].

Автобиографические повести таких авторов, как С.Т. Аксаков, Л.Н. Толстой, Н.М. Гарин-Михалковский и далее в XX веке – А.Н. Толстой, М. Горький и других раскрывают целую галерею детских образов. Творчество писателей XIX века направлено на появление произведений, в которых рас-

сказывается о детях-сиротах, бедняках, маленьких тружениках. Авторы стремятся обратить внимание на бедственное положение детей, находящихся на грани духовных и физических интересов в рамках буржуазно-капита-листического строя. Тема детства наблюдается в творчестве таких писателей, как Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов, А.И. Куприн, В.Г. Короленко, А.С. Серафимович, М. Горький, Л. Андреев. Вопросы, связанные с нелегкой организацией детства, появляются и в популярных святочных рассказах, либо в рамках сентиментальной идеи о филантропии, либо в противовес ей (например, рассказ М. Горького «О девочке и мальчике, которые не замерзли» (1894)). Писателей привлекают психологические проблемы детей, чей воспитательный процесс осуществляется в так называемых «приличных» семьях. Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский, А.И. Куприн, В.Г. Короленко в своих произведениях дают детальный анализ возрастной психологии детей и аспектов социального влияния, обстановки, окружающей ребенка.

В конце XIX века к проблеме беспризорных детей обращаются педагоги-новаторы, реализуя на практике то, что так волновало писателей. Западный образец клубного объединения «Сетлемент» дает толчок (спустя некоторое время) для появления подобных организаций и в России. Его организаторы постарались направить детскую энергию в нужном направлении.

В это же время появляются скаутские отряды, сначала для мальчиков, а потом для девочек. Движение, зародившееся в Англии под руководством военного офицера Баден-Пауэрла, объединило детей и взрослых в процессе игрового решения [6]. В этом принимали активное участие писатель и художник Э. Сетон-Томпсон, художник П. Жубер, который занимался иллюстрацией детских книг о скаутском движении.

Вопросы детства, поднимаемые между 1892 и 1917 г., становятся ключевыми в отечественной литературе. М. Горький и Л. Андреев пытаются найти ответ исходя из реальности того времени. Характерна в этом плане автобиографическая повесть М. Горького «Детство», горькая исповедь собственной души на фоне жестоких нравов общества. И ряд других произведений, раскрывающих

всю сложность того времени для детского взросления: либо сформируется крепкий стержень в маленьком человеке, либо детская душа погибнет.

Аспекты народного терзания и морального самоопределения ребенка поднимаются в произведениях таких писателей реалистического направления, как П.В. Засодимский, А.И. Свирский, А.С. Серафимович, А.И. Куприн.

В 1920-х гг. тема детей-беспризорников, наметившаяся с началом Первой мировой войны, углубилась до крайности. С. Есенин одним из первых написал о них в стихотворениях «Папиросники» (1923) и «Русь бесприютная» (1924).

Грязных улиц странники
В забаве злой игры,
Все они – карманники,
Веселые воры [7].

В 1930-х гг. на смену разным художественным направлениям пришел единый «социалистический реализм» – в рамках которого писатели творили согласно существующему идеологическому канону действительности. Эстетическое выражение в рамках социалистического общества не рассматривало тему дореволюционного детства. «Чем более авторитарной становилась русская культура, тем меньше оставалось места в пространстве образа героя для художественного психологизма, и, как следствие, ребенок изображался как маленький взрослый. Образ сводился к безличному знаку, сюжет – к форме действия. Ребенок подобен взрослому во всем, направление его жизни строго параллельно жизненной устремленности взрослого» [3].

Военные и послевоенные годы Советской страны обозначили последующий строй жизни и культуру того времени. Большинство поэтов (например, А. Ахматова) создавали в своих произведениях портреты детей, лишенных войной детства, страдающих, погибающих от голода и обстрелов. Эти детские фигуры «становились символами самой жизни, уничтожаемой войной:

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!» (цит. по: [8])

В уходящей эпохе военного времени литература старается поддерживать вопросы, связанные с дружбой, красотой. Что на фоне происходящего должно быть не актуально, так как труд во имя коллектива первичен, а романтика должна быть идейная. Таким образом, трудовое воспитание занимает доминирующую позицию в формировании нравственного гражданина. К детям со страниц книг обращается С. Михалков, объясняя весь смысл происходящего военного ужаса. Большую часть в литературе занимают рассказы об обездоленных детях, потерявших родителей, гибнущих под обстрелами или от голода. Появляются образы детей-солдат («Сын полка» В.П. Катаева), наравне со взрослыми отражающих натиск врага («Маленький солдат» А. Платонова), позднее стихи С. Михалкова, А. Барто, проза Л. Пантелеева, Л. Кассиля помогают создать образ ребенка-труженика. На смену темы о войне появляется литература, направленная на изучение родного края, ее природных просторов.

Послевоенное время предоставило неограниченные возможности подрастающему поколению. Набирает темп пионерское движение, расширяется сеть досуговых учреждений (библиотеки, музеи, Дома культуры).

Осуществляется подготовка кадров с учетом сложившихся потребностей и интересов детей и подростков.

Проанализировав далеко не полный исторический аспект из истории формирования понятия детства, можно отметить многочисленные социальные, классовые, политические, религиозные, семейные и другие аспекты, активно влияющие на становление маленького человека, формирование его взглядов, определение его социального положения в обществе, дальнейшую судьбу в истории.

Накопившиеся знания, опыт, междисциплинарные исследования в области детства дают неограниченные возможности специалистам XX и XXI веков более детально сформировать мир ребенка, изучить его, исправить ошибки прошлых столетий. Направления деятельности в этой области предполагают раскрытие творческого потенциала ребенка, развитие детских субкультур, сотрудничество со взрослыми [9; 10].

Социокультурная ситуация, направленная на рассмотрение вопросов детства, как и любой другой ресурс общества подвержена влиянию времени, и дальнейшее более детальное ее рассмотрение позволит объективно оценить историю развития детства.

Список литературы

1. Апажихова Н.В., Долженкова М.И. Социокультурное проектирование как одно из ведущих направлений в сфере дополнительного образования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 4 (168). С. 30-36. DOI 10.20310/1810-0201-2017-22-4(168)-30-36.
2. Звиревич В.Т. Цицерон. СПб.: Наука, 2016. 255 с.
3. Джуринский А.Н. История зарубежной педагогики. М.: Изд. группа «ФОРУМ» – «ИНФРА-М», 1998. 272 с.
4. Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература. М.: Изд. центр «Академия», 2005. 576 с.
5. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 211 с.
6. Мурзина О.Б., Апажихова Н.В. Из опыта организации оздоровительного досуга детей и подростков за рубежом // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2014. Вып. 6 (134). С. 105-112.
7. Сергей Александрович Есенин / сост. С.С. Куняев. М.: Русский Миръ, Жизнь и мысль, 2013. 736 с.
8. Кихней Л.Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. М.: Диалог МГУ, 1997. 145 с.
9. Смирнова Е.О. Генезис общения ребенка от рождения до семи лет // Вопросы психологии. 2004. № 2. С. 54-62.
10. Ярошенко Н.Н. История и методология теории социально-культурной деятельности. М.: МГУКИ, 2007. 360 с.

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-214-220

УДК 27

Роль духовной семинарии в общественной жизни Тамбовской губернии (1867–1884-х гг.)

митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ (Васнев)

Религиозная организация «Тамбовская епархия Русской православной церкви (Московский патриархат)»
392002, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Набережная/Августа Бебеля, 80/2
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>, e-mail: troveo@mail.ru

The role of Seminary in the Tambov Governorate social life (1867–1884s)

Metropolitan of Tambov and Rasskazovo THEODOSIUS (Vasnev)

Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)
80/2 Naberezhnaya/August Bebel St., Tambov 392002, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>, e-mail: troveo@mail.ru

Аннотация. Влияние духовной семинарии на развитие общественной жизни губернии было неотъемлемой частью социальных процессов в период 1867–1884 гг., сформировавшей образ современной практики образования. Определение роли духовной семинарии в общественной жизни Тамбовской губернии XIX столетия является исследовательской составляющей статьи, влияющей на познание современного состояния духовно-нравственного образования общества. Источником написания явились архивные данные деятельности духовенства Тамбовской епархии конца XIX века, данные периодической печати того же периода. Полученные источники интерпретируются в логике общего цивилизованного подхода изучения духовной семинарии как института общественной жизни, характеризующегося региональными аспектами. Исследования роли духовной семинарии в общественной жизни показали последовательность ее становления и развития, ее дальнейшую социализацию в общественной жизни губернии. Особое значение придается Тамбовской духовной семинарии в годы преобразований. Духовно-нравственное влияние семинарии на современников, ее все более активное участие в общественной жизни города, изменение его нравственного облика способствовало возрастанию авторитета (роли) семинарии в общественной жизни Тамбовской губернии.

Ключевые слова: духовная семинария; общественная жизнь; Тамбовская губерния; епархиальный съезд

Для цитирования: Феодосий (Васнев), митрополит Тамбовский и Рассказовский. Роль духовной семинарии в общественной жизни Тамбовской губернии (1867–1884-х гг.) // Нефилология. 2019. Т. 5, № 18. С. 214–220. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-214-220

Abstract. The Seminary influence on the governorate social life development was an integral part of social processes in the period of 1867–1884, which formed the prototype of the modern education practice. Identification of the Seminary role in the Tambov Governorate social life of the 19th century is a research component of this study, which affects the knowledge of the spiritual and moral education of society current state. Manuscript drafting source was the archival data of Tambov eparchy clergy activities of the late 19th century, the periodical press data of the same period. We interpret the obtained sources in the logic of the general civilized approach to the study of Seminary as an institution of social life characterized by regional aspects. Studies of the role of Seminary in social life have shown the sequence of its formation and development, its further socialization in the social life of the governorate. Special importance is attached to the Tambov Seminary in the years of transformations. Spiritual and moral influence of the Seminary on contemporaries, its increasingly active participation in the public life of the city, the change of its moral ap-

pearance contributed to the increase in the authority (role) of the Seminary in the social life of the Tambov Governorate.

Keywords: Seminary; social life; Tambov Governorate; eparchial congress

For citation: Theodosius (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo. Rol' dukhovnoy seminarii v obshchestvennoy zhizni Tambovskoy gubernii (1867–1884-kh gg.) [The role of Seminary in the Tambov Governorate social life (1867–1884s)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 18, pp. 214-220. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-214-220 (In Russian, Abstr. in Engl.)

До преобразований 1860–1870-х гг. Тамбовская духовная семинария мало участвовала в общественной жизни Тамбовской губернии и губернского центра. Семинария была своеобразным городом в городе со своими порядками, законами и правилами. Контакты семинаристов с горожанами были весьма редкими. Жители воспринимали семинаристов как чужаков или, по крайней мере, как людей, к которым следует относиться настороженно. Даже духовенство епархии мало участвовало во внутренней жизни семинарии, несмотря на то, что в семинарии учились дети священников. Долгое время участие духовенства в жизни семинарии ограничивалось собиранием взносов на ее содержание. Единственным семинарским мероприятием общегородского характера на протяжении десятилетий оставались публичные диспуты, проводившиеся в здании семинарии, на которые приглашалось губернское и городское начальство и некоторые представители горожан. В 1847 г. в здании семинарии была открыта собственная церковь. Воспитанники получили возможность молиться в своем храме и не посещать богослужения в городских церквях, и тем самым контакты духовной школы с городом практически прекратились.

Тамбовская духовная семинария начала играть определенную роль в общественной жизни города в период преобразований. Со второй половины 1860-х гг. в Тамбовской епархии стали проводиться съезды духовенства. Епархиальный съезд проводился в две сессии – зимнюю и летнюю. На съездах духовенство не только встречалось и обменивалось мнениями, но и принимало решения по многим вопросам жизни епархии. Один из вопросов, находившийся в компетенции съезда и заинтересованно обсуждавшийся, касался жизни семинарии и других духовно-учебных заведений епархии. На съезде полу-

чали законную силу предложения по содержанию семинарии. Епархиальный съезд в эти годы заседал в семинарской церкви. Два важных решения, касающиеся семинарии, съезд принял в 1874 г. Делегаты постановили открыть отдельный миссионерский класс и построить для своекоштных воспитанников общежитие, собрав для этого с духовенства пожертвование в сумме 30000 рублей серебром. Для составления проекта здания общежития была создана комиссия. Мнения членов съезда по поводу строительства разделились: одни считали, что нужно надстроить третий этаж в одном из корпусов семинарии, другие предлагали построить новое здание. Ни одно из мнений не возобладало, и тогда приняли компромиссное решение – купить для общежития просторный дом и перестроить его. Постановление об учреждении миссионерского класса так и не было реализовано. Вместо него было открыто третье отделение в первом классе¹.

В 1879 г. съезд духовенства согласился с предложением ректора семинарии архимандрита Димитрия (Самбикина) начать подготовительные работы в связи со 100-летним юбилеем семинарии. Для этого постановили организовать поиск документов по ее истории и для их публикации открыть особую рубрику в «Тамбовских епархиальных ведомостях»². Практически ни одна просьба администрации семинарии не оставалась без внимания членов епархиального съезда духовенства. Например, в январе 1879 г. в ответ на просьбу Правления увеличить средства на семинарскую больницу до 200 рублей съезд постановил учредить новый взнос на сбор

¹ Журнал съезда духовенства Тамбовской епархии 1874 г. // Тамбовские епархиальные ведомости. 1874. № 17. С. 379.

² Отчет церковно-археологического комитета 1879 г. // Тамбовские епархиальные ведомости. 1879. № 6. С. 168.

этих средств по 15 копеек с каждого приходского штата. Кроме того, была учреждена новая стипендия в честь 100-летия со времени учреждения семинарии. Ректору архимандриту Димитрию в том же 1879 г. епархиальный съезд постановил «поднести от лица съезда и благодарного духовенства благодарственный адрес» в ознаменование «энергичной и полезной деятельности его» на благо семинарии и за заботу о ее воспитанниках, выразившуюся в учреждении для них стипендии своего имени³.

К началу 1880-х гг. увеличили взносы, которые епархиальное духовенство должно было вносить на содержание семинарии. С этого времени не все финансовые инициативы семинарского Правления встречали единодушную поддержку духовенства. В 1882 г. Правление просило найти средства на содержание 4-го помощника инспектора семинарии, что не было поддержано съездом. Также было отклонено предложение Правления поменяться общежитиями для своекоштных воспитанников между семинарией и 2-м Тамбовским духовным училищем⁴. Епархиальный съезд курировал состояние дел в общежитии для своекоштных воспитанников, чем занимался не очень успешно, поручив дела общежития эконому без всякого контроля над ним. К 1879 г. дела общежития были в беспорядке. Назначенный съездом ревизировать общежитие протоиерей Василий Владиславский констатировал, что правильное ведение экономии при существующем положении дел невозможно и что эконом абсолютно неграмотно вел финансовую отчетность. На январской сессии съезд постановил: для управления общежитием учредить распорядительный комитет, состоящий из председателя, двух членов, делопроизводителя и эконома. Комитету были предоставлены такие же права относительно общежития, как и семинарскому Правлению. Членам распорядительного комитета назначили жалование: председателю – 120 рублей, членам – по 60 рублей, делопроизводителю –

120 рублей, эконому – 450 рублей. Была составлена специальная инструкция для эконома, отменено снабжение воспитанников одеждой и обувью, увеличена плата за проживание в общежитии до 50 рублей в год. Съезд нередко инициировал весьма интересные постановления. Так, в 1873 г. им была учреждена ссудно-сберегательная касса для оказания помощи нуждающимся воспитанникам. В указанной кассе семинаристы могли взять в долг определенную сумму. Капитал состоял из взносов самих воспитанников и равнялся сумме в 1350 рублей. Если в первый год ссуду взяли лишь 6 воспитанников, то к концу 1870-х гг. число их возросло до 120 человек в год. Однако и основной капитал кассы уменьшился до 473 рублей, так как воспитанники не спешили отдавать долги. Такая же касса была учреждена и для наставников семинарии⁵. Активное участие съезда в решении вопросов, связанных с жизнью семинарии, свидетельствовало о том, что проблемы семинарии были не только заботой ее начальства и корпорации педагогов, но и духовенства.

Семинарские преподаватели стали инициаторами создания в Тамбове первого научного общества. В октябре 1877 г. при семинарии был открыт Тамбовский церковно-археологический комитет. В учредительных документах говорилось о том, что этот комитет возрождает деятельность того комитета, который действовал с 1850 по 1862 гг. под председательством протоиерея Георгия Хитрова. Следует сказать, что комитет Г. Хитрова создавался с единственной целью – составить и издать историко-статистическое описание Тамбовской епархии, что и было исполнено, после чего комитет был закрыт. Новый комитет ставил перед собой более широкие задачи – собирание старинных документов и актов и публикация собранных материалов. Председателем археологического комитета стал ректор семинарии архимандрит Димитрий (Самбкин); его помощником был избран прежний председатель протоиерей Г. Хитров. Инициатива создания комитета принадлежала ректору; с его переводом в Воронежскую семинарию эта общественная организация фактически прекратила

³ Журнал съезда духовенства Тамбовской епархии 1879 г. // Тамбовские епархиальные ведомости. 1879. № 7. С. 220.

⁴ Журнал съезда духовенства Тамбовской епархии 1882 г. // Тамбовские епархиальные ведомости. 1882. № 5. С. 143-144.

⁵ Отчет ссудно-сберегательной кассы // Тамбовские епархиальные ведомости. 1882. № 19. С. 615.

свое существование. За короткое время деятельности комитета удалось многое сделать, прежде всего, в области изучения истории самой семинарии, что ранее никогда не проводилось. В 1878 г. при комитете было создано особое отделение для разбора семинарского архива и составления истории семинарии. Этой работой занялись такие педагоги, как: протоиерей И.М. Сладкопевцев, К.В. Ястребов, М.В. Алтухов, А.С. Быстров, И.М. Златоустовский, А.А. Левкоев, В.Я. Розанов, В.П. Григоровский, А.М. Спасский, К.Т. Капотинский, Д.Н. Астров. К работе отделения были привлечены и учащиеся старших классов семинарии. Отделение (по другому названию – комиссия) начало свою работу 27 октября 1878 г., а закончило 18 сентября 1879 г. Каждый из преподавателей взял на себя обязанность разобрать определенную часть архивных дел и составить извлечения из них. Их составили: К.В. Ястребов – за период 1809–1813 гг., Д.Н. Астров – за период 1817–1820 гг., А.С. Быстров – за период 1838–1841 гг., М.В. Алтухов – за период 1860–1864 гг. Кроме того, семинаристами на основе архивных материалов были написаны следующие сочинения: Ф. Царевский – «Иеромонах Иероним Гепнер», Д. Ястребов – «Экономическое состояние Тамбовской духовной семинарии в 1800–1808 годах», И. Базилев – «Обучение медицине воспитанников Тамбовской духовной семинарии с 1801 по 1808 годы». На общем собрании воспитанников были прочитаны следующие сочинения: В. Знаменский – «О Лебединском духовном училище», В. Казанский – «Состояние Тамбовской духовной семинарии с 1848 по 1854 годы в экономическом отношении», В. Воинов – «О поведении воспитанников Тамбовской духовной семинарии с 1800 по 1820 годы», М. Перовский – «Об устройстве церкви в Тамбовской духовной семинарии при ректоре архимандрите Платоне», М. Виктор – «Зачисление мест за воспитанниками семинарии в 1794–1820 годах», И. Богословский – «Семинарские служители 1795–1810 годов», Ф. Ивинский – «Извлечение из семинарских документов сведений о холере 1847–1848 годов», И. Болховитинов – «Комиссары при Тамбовской духовной семинарии», М. Рагановский – «Доктора при Тамбовской духовной семинарии

в 1795–1820 годах», И. Тигров – «Проповедничество при Тамбовской духовной семинарии в 1798–1810 годах», В. Голосницкий – «Писцы в семинарском правлении в 1795–1810 годах», Ф. Муравьев – «Семинарское правление». Названия сочинений показывают, что была фактически составлена подробная история семинарии, которая, к сожалению, так и не была опубликована отчасти из-за нехватки средств, отчасти из-за того, что члены комитета признали проделанную работу трудом, «которому еще рано явиться в печати»⁶. Впоследствии все собранные комиссией материалы были утрачены, и к работе по составлению истории Тамбовской духовной семинарии больше не возвращались. История семинарии так и не была составлена. В «Тамбовских епархиальных ведомостях» за 1877–1881 гг. была опубликована только малая часть того, что было собрано, а именно: биография первого ректора семинарии архимандрита Иоанникия, биография архиепископа Филарета (Гумилевского), статьи учащихся: Федора Поспелова – «Положение Тамбовской духовной семинарии после указа 1798 года», Дмитрия Богословского – «Из истории Тамбовской духовной семинарии», Егора Лукина – «С.И. Гремяченский», а также воспоминания выпускников семинарии Н. Евгенова и священника М. Зеленева.

Помимо исследования истории семинарии комитет за короткий период своего существования развил активную деятельность по сбору материалов об истории Тамбовской епархии, привлек к работе священнослужителей и мирян – любителей местной церковной истории. Председатель комитета в летние месяцы 1880 г. совершил своеобразную научную экспедицию, отправившись в Лебединский уезд Тамбовской губернии для обозрения церковно-исторических древностей Троицкого, Троекуровского и Сезеновского монастырей. В результате поездки был собран материал для описания Лебединского Троицкого монастыря. К сожалению, ни этот, ни множество других материалов и монографий по истории монастырей, церквей и приходов, а также жизнеописания подвижников и биографии архиереев так и не были опубликованы.

⁶ Отчет церковно-археологического комитета 1880 г. // Тамбовские епархиальные ведомости. 1880. № 3. С. 89.

ликованы. Основная причина – нехватка средств. Когда комитет создавался, предполагалось, что средства будут поступать от продажи «Тамбовских епархиальных ведомостей» и от духовенства епархии. Однако все средства от продажи ведомостей уходили на содержание редакции и печатание журнала, а духовенство, в целом, прохладно отнеслось к комитету, и поэтому епархиальный съезд не изыскал средств на его содержание. К 1880 г. наметился кризис в деятельности комитета, так как «владельцы присланных документов, не видя в печати доставленных ими бумаг, требуют оные назад, из-за недостатка средств почти прекратилась присылка старых документов, рукописей и статей. Каждый сотрудник вправе ожидать хотя бы небольшого гонорара. Занимающиеся исследованиями и описаниями монастырей отсылают свои труды в редакции различных периодических изданий или же, составив описание, положим, какого-либо монастыря, авторы продают свои труды настоятелям»⁷. Указанные причины привели к тому, что через некоторое время Тамбовский церковно-археологический комитет прекратил свою деятельность. Работа комитета должна быть оценена положительно. Он был одной из первых научных общественных организаций в губернии.

Преподаватели семинарии в исследуемый период все более активно участвовали в общественной жизни не только города, но и государства. Ректор отец Димитрий был избран членом комитета миссионерского общества, членом Московского противораскольнического общества, членом Тамбовского статистического комитета, членом Киевского церковно-археологического общества, членом комитета при Тамбовской публичной библиотеке, членом Воронежского статистического комитета, членом-корреспондентом Санкт-Петербургского комитета грамотности. Протоиерей И. Переверзев, П. Преображенский, В. Розанов и Д. Астров были членами строительного комитета по перестройке здания семинарии⁸.

⁷ Отчет церковно-археологического комитета 1880 г.

// Тамбовские епархиальные ведомости. 1880. № 4. С. 97.

⁸ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 186. Оп. 79. Д. 43. Л. 25.

Главным событием семинарской жизни этого периода стало торжественное празднование 100-летнего юбилея семинарии. Сравнить торжество этого праздника можно разве что с торжеством открытия Тамбовской губернии. По своему значению это событие выходило далеко за рамки внутрисеминарских праздников. Празднование проводилось согласно указу Святейшего Синода от 20 февраля 1879 г. Была составлена подробная программа торжеств, которые начались вечером 20 сентября 1879 г. с совершения всенощного бдения в семинарской церкви. Всенощную совершил протоиерей Георгий Хитров в сослужении протоиерея И.М. Сладкопечева, протоиерея Спасо-Преображенского собора Александра Васильевича Тихомирова, ключаря собора протоиерея Петра Васильевича Аквилонова, благочинного 1-го Козловского округа Федора Филипповича Кривоуцкого, протоиерея Троицкой церкви города Тамбова Григория Семеновича Смирнова, благочинного 2-го Козловского округа священника Иоанна Серебрякова и эконома семинарии священника М.Г. Нечаева. Некоторые песнопения исполнялись всеми воспитанниками. 21 сентября в 9 часов утра в семинарию прибыл епископ Тамбовский и Шацкий Палладий (Раев). На парадной лестнице, ведущей в церковь, по обеим сторонам были расставлены воспитанники 1-го и 2-го классов. Владыка совершил Божественную литургию в сослужении священнослужителей, которые накануне совершали всенощное бдение. После литургии была отслужена великая панихида. К ее началу в семинарию прибыли городские священники (всего около 40 человек), которые вознесли молитвы о всех почивших наставниках, потрудившихся над благоустройством семинарии. Затем в актовом зале ректор прочитал первую часть воспоминаний протоиерея Ф. Кривоуцкого об архиепископе Филарете (Гумилевском).

Вечером этого же дня всенощную совершил ректор семинарии в сослужении протоиерея Моршанского Софийского собора Луки Яковлевича Воскресенского, протоиерея Г. Хитрова, протоиерея Липецкого собора Иоанна Иоанновича Несмелова, ключаря протоиерея П.В. Аквилонова, протоиерея М.И. Сладкопечева, протоиерея Г. Смирнова, протоиерея Усманского собора В.И. Ни-

кольского, протоиерея Спасского собора И.Н. Романовского, 9-го гренадерского Сибирского полка протоиерея Вакха Гурьева, протоиерея Христорождественского собора города Тамбова А.А. Петровского, благочинного 1-го Тамбовского округа протоиерея И.А. Боголепова, благочинного 1-го Борисоглебского округа священника М.Г. Николаевского, священника Н.М. Лебедева. В 9 часов утра 22 сентября Литургию совершил епископ Тамбовский и Шацкий Палладий (Раев) со священнослужителями, которые накануне совершали всенощное бдение. Церковь, хоры, коридоры были заполнены молящимися, несмотря на то, что вход был по билетам (их изготовили 500 шт.). Некоторые пытались войти в семинарию силой или подкупом полиции. После Литургии и молебна в одном из классов был приготовлен завтрак, где епископу Палладию преподнесли в бархатном переплете с серебряными украшениями фотоальбом с видами семинарии. Затем все переместились в актовый зал, красиво украшенный учениками: кафедра – тропическими растениями вдвое выше человеческого роста в горшках, стена – дубовыми листьями, образовавшими надпись – «100 лет», повсюду – гирлянды из листьев дуба, клена и сосновых веточек, по стенам – портреты. На торжественном заседании ректор огласил указ Святейшего Синода о праздновании юбилея и записку об истории Тамбовской духовной семинарии до 1818 г. Епископ Палладий произнес юбилейную речь, после которой были зачитаны приветственные телеграммы и адреса. На память о 100-летию Тамбовской семинарии раздавались фотографии с видами семинарии и портреты архиепископа Филарета (Гумилевского), епископа Иоанникия (Подольского), епископа Феофила (Раева). После заседания состоялся торжественный обед на 170 персон. На него были приглашены: тамбовский губернатор, руководители правительственных учреждений, командиры расквартированных в Тамбове воинских частей, директора учебных

заведений и почетные граждане. Торжества продолжились на следующий день, 23 сентября, в воскресенье, когда после Литургии в семинарской церкви и молебна святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, в честь которых был освящен семинарский храм, в актовом зале преподавателем семинарии С.И. Протопоповым была прочитана актовая речь о значении философских наук, а также розданы Евангелия присутствующим в зале воспитанницам Тамбовского епархиального женского училища и воспитанникам 1-го и 2-го Тамбовских духовных училищ. Программа юбилейных торжеств завершилась 26 сентября награждением книгами лучших воспитанников Тамбовской духовной семинарии⁹.

В указанный период в семинарии начали проводить встречи, наподобие музыкально-литературных вечеров. Первый вечер состоялся в феврале 1883 г. и был посвящен 100-летию со дня рождения поэта В.А. Жуковского. 6 февраля в актовом зале, куда были приглашены архипастырь и духовенство, педагоги рассказали о жизни и творчестве поэта, воспитанники читали его стихи и исполняли песни на стихи Жуковского¹⁰.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что церковно-общественная жизнь Тамбовской духовной семинарии в указанный период была насыщенной. Юбилейные праздники и торжества по поводу всевозможных семинарских событий стали заметными и запоминающимися не только для начальствующих в семинарии и воспитанников, но и для градоправителей и многих тамбовских жителей. Это несомненное свидетельство духовно-нравственного влияния семинарии на современников, ее все более активного участия в общественной жизни города, изменения нравственной атмосферы в самой семинарской среде, возросшего авторитета семинарии среди других тамбовских образовательных и общественных институтов того времени.

⁹ Описание торжеств в честь 100-летнего юбилея Тамбовской духовной семинарии // Тамбовские епархиальные ведомости. 1879. № 18, 20. С. 610, 665.

¹⁰ Музыкально-литературный вечер в Тамбовской духовной семинарии // Тамбовские епархиальные ведомости. 1883. № 4. С. 151.

Информация об авторе

Феодосий (Васнев), митрополит Тамбовский и Рассказовский, кандидат богословия, магистр теологии. Тамбовская епархия Русской православной церкви (Московский патриархат), г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: troveo@mail.ru

Вклад в статью: идея, работа с архивными документами и материалами, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>

Поступила в редакцию 23.01.2019 г.

Поступила после рецензирования 20.02.2019 г.

Принята к публикации 25.03.2019 г.

Information about the author

Metropolitan of Tambov and Rasskazovo Theodosius (Vasnev), Candidate of Theology, Master of Theology. Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), Tambov, Russian Federation. E-mail: troveo@mail.ru

Contribution: idea, work with archival documents and materials, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>

Received 23 January 2019

Reviewed 20 February 2019

Accepted for press 25 March 2019

«Русскому человеку
нужны были, должно быть,
особенно крепкие рёбра и особенно
толстая кожа, чтобы не быть
раздавленным тяжестью
того небывалого груза, который
история бросила на его плечи»¹.

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-221-260

УДК 82

«Замятинская энциклопедия» в международной дискуссии

Аннотация. 24 мая 2019 года на базе Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина в рамках программы состоявшихся X Международной научной конференции «Славянский мир: духовные традиции и словесность», посвященной 1150-летию преставления святого равноапостольного Кирилла, 210-летию Н.В. Гоголя, 135-летию Е.И. Замятина, и Международного «круглого стола» «Творческое наследие Е.И. Замятина в новых научных концепциях и гипотезах» прошло обсуждение «Замятинской энциклопедии», написанной доктором филологических наук, профессором Московского политехнического университета Т.Т. Давыдовой [1]. В дискуссии приняли участие известные исследователи творческого наследия Е. Замятина не только из Тамбова, Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Саранска, Ельца, но и из научных центров Франции, Швейцарии, Германии, США, Польши, Китая, Японии, Украины. Присутствовали молодые исследователи. Материалы, публикуемые ниже, представляют собой краткое изложение точек зрения, резюме, сформулированных участниками дискуссии о «Замятинской энциклопедии».

Вела дискуссию, как и всю работу «круглого стола», доктор филологических наук, профессор, руководитель Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина Л.В. Полякова.

Ключевые слова: 135-летие Евгения Замятина; Т.Т. Давыдова; «Замятинская энциклопедия»; международная дискуссия; Л.В. Полякова; рекомендации автору энциклопедии

Для цитирования: «Замятинская энциклопедия» в международной дискуссии: [материалы «круглого стола»] / подгот. О.В. Толмачева // Неофилология. 2019. Т. 5, № 18. С. 221-260. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-221-260. – Авт. выступлений: Л.В. Полякова (с. 222, 250-252), М.Ю. Любимова (с. 222-223), О.Ю. Осьмухина (с. 223-226), Е.В. Борода (с. 226-227), Н.Н. Комлик (с. 227-232), Л. Геллер (L. Heller) (с. 232-234), Ю. Накано (Y. Nakano) (с. 234-235), Л.К. Оляндэр (Л.К. Оляндер) (с. 235-236), Е.В. Алтабаева (с. 236-238), М.М. Голубков (с. 238-239), И.О. Шайтанов (с. 239-241), Б. Кук (B. Cooke, Leighton) (с. 241-242), А.И. Ванин (с. 242-244), Н.З. Кольцова (с. 244-246), В.В. Колчанов (с. 246-248), О.В. Червинская (О.В. Червіньська) (с. 248), О.В. Толмачева (с. 248-249), Р. Гольдт (R. Goldt) (с. 249-250).

¹ Замятин Е.И. Собр. соч.: в 5 т. М., 2010. Т. 4. С. 351.
Фото 1920 года.

“Zamyatin Encyclopedia” in the international discussion

Abstract. “Zamyatin Encyclopedia” written by Doctor of Philology, Professor of the Moscow Polytechnic University T.T. Davydova [1] was discussed on May 24, 2019, on the basis of the International Scientific Center for the Study of the Creative Heritage of E.I. Zamyatin in Derzhavin Tambov State University in the framework of the program of X International Scientific Conference “Slavic World: Spiritual Traditions and Literature”, dedicated to the 1150th anniversary of the repose of St. Cyril, 210th anniversary of N.V. Gogol, 135th anniversary of E.I. Zamyatin, and the International Panel Discussion “Creative Heritage of E. I. Zamyatin in New Scientific Conceptions and Hypotheses”. Well-known researchers of the creative heritage of E. Zamyatin not only from Tambov, Moscow, St. Petersburg, Saratov, Saransk, Yelets, but also from the research centers of France, Switzerland, Germany, USA, Poland, China, Japan, Ukraine participated in the discussion. Young researchers were present. The materials published below are a brief of the points of view, summaries formulated by the participants of the discussion on the “Zamyatin Encyclopedia”.

Doctor of Philology, Professor, Head of International Scientific Center for the Study of the Creative Heritage of E.I. Zamyatin L.V. Polyakova led the discussion, as well as all the work of the panel discussion.

Keywords: 135th anniversary of Evgeny Zamyatin; T.T. Davydova; “Zamyatin Encyclopedia”; international discussion; L.V. Polyakova; recommendations to the author of the encyclopedia

For citation: Polyakova L.V. (pp. 222, 250-252), Lyubimova M.Y. (pp. 222-223), Osmukhina O.Y. (pp. 223-226), Boroda E.V. (pp. 226-227), Komlik N.N. (pp. 227-232), Heller L. (pp. 232-234), Nakano Y. (pp. 234-235), Oliander L.K. (pp. 235-236), Altabaeva E.V. (pp. 236-238), Golubkov M.M. (pp. 238-239), Shaitanov I.O. (pp. 239-241), Cooke B.L. (pp. 241-242), Vanyukov A.I. (pp. 242-244), Koltsova N.Z. (pp. 244-246), Kolchanov V.V. (pp. 246-248), Chervinska O.V. (p. 248), Tolmacheva O.V. (pp. 248-249), Goldt R. (pp. 249-250) (reports authors, materials prepared by O.V. Tolmacheva). «Zamyatinskaya entsiklopediya» v mezhdunarodnoy diskussii: [materialy «kruglogo stola»]. [Proceedings of the Panel Discussion “Zamyatin Encyclopedia” in the international discussion]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 18, pp. 221-260. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-221-260 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Открывая дискуссию, ее **ведущая Лариса Васильевна Полякова**, доктор филологических наук, профессор, руководитель Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина, обозначила цель обсуждения: «выслушать индивидуальные характеристики энциклопедии участниками дискуссии, отметить положительные стороны, сформулировать особенно удачные моменты и назвать недостатки; обсудить предложения участников «круглого стола», дать общую оценку издания, принять единую заключительную рекомендацию дискуссии». В кратком сообщении «О работе над Замятинской энциклопедией» автор этого научно-справочного издания Т.Т. Давыдова напомнила о том, что свой проект энциклопедии она впервые представляла в докладе на Международном конгрессе литературоведов в 2009 году [2] и теперь в информации «О работе над “Замятинской энциклопедией”» (полный текст научного доклада включен в подготовленную к печати коллектив-

ную монографию по материалам «круглого стола») [3], вновь озвучила свои цели и задачи, изложила основные принципы и направления в работе, обозначила трудности в процессе собирания и изучения энциклопедического материала, охарактеризовала имеющиеся источники, ответила на заданные ей вопросы. Участники дискуссии поделились своими оценками, по характеру оказавшимися порою диаметрально противоположными. В ответном слове Т.Т. Давыдова поблагодарила участников, привела свои доводы и аргументы.

Выступления участников дискуссии²

Обсуждение открылось оценками **Любимовой Марины Юрьевны**, доктора куль-

² Развернутые творческие биографии участников дискуссии см. в параллельном издании по материалам «круглого стола» [3]. Оформление ссылок в текстах выступлений зарубежных участников дискуссии сохранено в авторской редакции.

турологии, кандидата искусствоведения (г. Санкт-Петербург):

– Когда мы произносим «Замятинская энциклопедия», то представляем некий фундаментальный коллективный труд, научно подготовленное, соответствующее уровню современного знания о Замятине, тщательно отредактированное издание. Таким изданием в свое время была «Лермонтовская энциклопедия», подготовленная В.А. Мануйловым вместе с авторитетной редколлегией и коллективом крупных ученых [4].

В последние годы получил широкое распространение другой тип «энциклопедии». Это сборник справок на разные темы, предназначенный для широкого круга читателей. И мне представляется, что книга Татьяны Тимофеевны Давыдовой является именно такой «энциклопедией». Представленная книга – это монографическое исследование Т.Т. Давыдовой на тему «Е.И. Замятин, его жизнь и творчество», только поданное в специфической форме. Авторское видение отразилось в «Словнике», во всех статьях и составленной «Летописи жизни и творчества писателя».

Для меня лично предпочтительнее установившееся понятие «энциклопедия», которое предполагает научный подход, коллективный опыт предшественников и современников, научное редактирование, исчерпывающую библиографию (на сегодняшний день), критическое отношение к цитируемым источникам. И в аннотации книги на обороте титула заявлено именно такое издание. Но, к сожалению, аннотация не соответствует содержанию книги. Уровень современного «знания» (библиография, свод археографических источников, новейшие открытия) значительно шире круга источников и фактов, содержащихся в книге Татьяны Тимофеевны. Оказались утерянными многие сферы деятельности Замятина, предметы его интересов, многие персоны из его ближайшего окружения и даже некоторые значительные его произведения.

Т.Т. Давыдова не дала именной указатель к своему «труду», а он показал бы наглядно, кого из друзей и коллег писателя там нет, кто из повлиявших на творчество Замятина деятелей культуры и науки, государственных деятелей отсутствует. Наверное, было

бы уместным поместить в книге и список всех адресов Замятина и в России, и за рубежом.

«Летопись жизни» предполагает подачу объективной информации, и если приводится источник, то необходимо подать его «критически». Например, художник и друг Замятина Юрий Павлович Анненков вспоминал, что летом 1921 года писатель работал над романом «Мы» на берегу Шексны, в вологодской деревне. А не перепутал ли художник две реки Шексню и Шелонь? Имение «Холомки» находится на берегу Шелони неподалеку от Порхова в Псковской области. Известно, что в своих мемуарах Анненков допускал подобные ошибки, на этот факт не раз указывала покойная Ирина Обухова-Зелинская, биограф Ю. Анненкова. К сожалению, в «Летописи» этот случай не единичный.

Мне представляется, что создание полноценной «Замятинской энциклопедии» вряд ли возможно в настоящее время. Не все сохранившиеся тексты Замятина введены в научный оборот. Значительная часть творческого наследия писателя досконально не изучена. В исследовании его биографии еще многое предстоит сделать.

Татьяна Тимофеевна поставила перед собой трудновыполнимую задачу. Но ее книгу, которую я бы назвала «Первый опыт создания “Замятинской энциклопедии”», конечно, создатели будущей или будущих энциклопедий будут непременно учитывать.

Осьмухина Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор (г. Саранск):

– Сразу отметим, что создание и бытование в отечественном социокультурном пространстве персональных литературных энциклопедий становится в последние десятилетия фактом вполне закономерным и не всегда, к сожалению, превращается в событие³. Безусловно, речь идет не о квазиэнциклопедических изданиях⁴ или же подобных, не вы-

³ Достаточно вспомнить подвергнувшиеся резкой критике и вызвавшие дискуссию об энциклопедическом жанре как таковом «Булгаковскую» и «ахматовскую» энциклопедии. См.: [5–7]. Дискуссию об энциклопедии «Булгаков» см.: [8–12].

⁴ Примером вполне может являться богато иллюстрированная юбилейная «Пушкинская энциклопедия. 1799–1999», выпущенная издательством «АСТ» в 1999 г. и фактически ориентированная на состоятельный круг пушкинских почитателей.

держивающих никакой критики, сетевых ресурсах⁵, но об изданиях, фиксирующих, систематизирующих, структурирующих и осмысливающих все наработанное на протяжении длительного периода о том или ином художнике слова, о его жизни и творчестве [4].

Очевидно, что подлинный бум жанра персональных энциклопедий пришелся на 1990-е гг., когда одно за другим появлялись многочисленные «региональные» авторские энциклопедии, посвященные тому или иному этапу в жизни и творчестве кого-либо художника [14–18]. Справедливости ради отметим, что большинство опубликованных в этот период проектов лишь отчасти соответствовали жанровому канону, хотя и были призваны подытожить усилия литературоведов и комментаторов, архивистов и текстологов, хранителей и мемуаристов по собиранию, изданию и изучению всего массива материалов, связанных с фактами «быта и бытия», жизнью и наследием большого художника. Именно в этом, как нам представляется, и заключается главная задача создания любой персональной энциклопедии – помочь исследователям, комментаторам, издателям и читателям ориентироваться в ставшем необозримо огромным материале.

В 2018 г. вышло в свет очередное издание подобного рода – персональная «Замятинская энциклопедия» Т.Т. Давыдовой, опубликованная, кстати, весьма своевременно – к юбилейному для Замятина 2019 году. Творческое наследие Е.И. Замятина, в силу известных причин, воспринималось в разные периоды отечественной истории и культуры неоднозначно, однако, сегодня становится совершенно очевидно, что Замятин для искусства XX столетия – фигура знаковая. Как справедливо отметила Л.В. Полякова, «в своем творчестве он отразил, кажется, все перипетии национальной жизни и наиболее характерные поиски искусства не только на отрезке своего творческого пути, но и в перспективе. <...> Его личность, творческое поведение, особенности прозы, драматургии, публицистики, критики и литературные теории настолько уникальны и вместе с тем столь характерны для русской литературы не только первой трети, но и всего столетия, что

обращение к наследию и творческой биографии этого писателя оставляет возможность скорректированного взгляда на весь литературный процесс века» [19, с. 113]. И в этом отношении появление «Замятинской энциклопедии» представляется не просто закономерным, но и крайне необходимым.

Сразу обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от предыдущих аналогичных изданий, автор «Замятинской энциклопедии» взял на себя поистине непосильную задачу, заявляя ее в преамбуле «К читателю»: «Предлагаемая читателю энциклопедия – первое в России полное исследование жизни Е.И. Замятина и разных сторон его творчества: всех произведений, мировоззрения, поэтики, окружения писателя, его биографии» [1, с. 6]. Задача вполне адекватная для персональной энциклопедии, при условии, однако, что процесс ее создания, во-первых, – процесс затяжной и многоступенчатый, требующий тщательного изучения как уже известных, так и практически не введенных (или введенных частично) в оборот архивных материалов, писем, воспоминаний коллег и знакомых, детального воссоздания жизни и творчества прозаика, выявления различных аспектов того неизбежного диалога, который писатель вел с современной ему властью и культурой, восстановление идеологического, социокультурного и даже бытового контекста жизни Замятина в разные периоды в Лебедяни, Санкт-Петербурге, Праге, Ньюкасле, Париже. Во-вторых, работа по созданию персональных энциклопедий – процесс коллективный, традиционно активизирующий усилия той части научного сообщества, которая специализируется в этой области, стимулирующий новые исследования в избранном направлении. Однако у «Замятинской энциклопедии» автор один, редакторы также отсутствуют, что, с одной стороны, не может не вызывать подлинного восторга перед грандиозностью замысла и смелостью его воплощения Т.Т. Давыдовой, а с другой – именно эта «персоналистичность» как раз и становится если не «ахиллесовой пятой» ее создателя, то вызывает многочисленные вопросы.

Структура «Замятинской энциклопедии» вполне стандартна: фактически издание (включающее традиционные Список сокра-

⁵ Речь идет, к примеру, о так называемой «Энциклопедии творчества» А. Платонова. См.: [13].

щений и Указатель статей) поделено на три больших раздела: «Алфавитная словарная часть энциклопедии», «Летопись жизни и творчества Е.И. Замятина», «Основная литература о жизни и творчестве Е.И. Замятина».

«Алфавитная словарная часть энциклопедии» – самая объемная: в ней, более чем на шестистах страницах, с достаточной степенью достоверности репрезентованы материалы о произведениях, публицистике, литературной критике, социокультурном окружении и мировоззренческих идеях Е. Замятина. Краткие статьи о ближнем и дальнем круге писателя соседствуют здесь с теоретико-литературными терминами или же со статьями-справками о тех или иных философских, эстетических понятиях, близких ему. Материал, обработанный и представленный Т.Т. Давыдовой, поистине огромен. Однако принцип систематизации у него единственный – алфавитный порядок, и отсутствие четкой организации масштабнейшего корпуса словарных статей по разделам, признаемся, затрудняет читательское восприятие (внутренние отсылки к разным статьям, в которых содержится информация о предмете или персоналиях той или иной статьи, отчасти помогают читателю, но лишь отчасти). Чувствовал ли автор себя первооткрывателем, претендовал ли на звание первооткрывателя? Вряд ли, особенно учитывая, что первая попытка описания «лебединского контекста» была предпринята еще в 2004 г. авторским коллективом под руководством профессора Л.В. Поляковой, о чем в профессиональном сообществе замятиноведов и не только хорошо известно. С тех пор краткие экскурсы в замятинскую биографию оказывались непременно частью любого большого «замятинского проекта» (достаточно вспомнить, к примеру, регулярно проходившие в Тамбове вплоть до 2014 г. конференции, впоследствии, кстати, получившие статус «конгресса»). Остается лишь догадываться, в связи с чем Т.Т. Давыдова не рубрицировала самый объемный раздел энциклопедии. На наш взгляд, разделение всего корпуса словарных статей на тематические блоки, каждый из которых был бы посвящен отдельно биографии, окружению, произведениям, прижизненным изданиям и публикациям, поэтике Е. Замятина и т. д., во многом бы облегчило

работу с изданием как профессиональному литературоведу, так и читателю, интересующемуся Замятиным. При этом биографические статьи вполне могли бы сопровождаться соответствующими пристатейными иллюстрациями, наиболее примечательными фото-материалами Лебединского краеведческого музея или материалами из архива Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, частично опубликованными ранее [20, с. 128-142; 150-160]. Вполне возможно, однако, что издательство «Флинта», не специализирующееся на издании энциклопедической литературы (отсюда, вероятно, и однополосные, а не двуполосные – привычные – для энциклопедического издания страницы в книге Т.Т. Давыдовой), из соображений экономии расходов на подготовку издания ограничило минимальным набором изобразительных материалов: несколько фотографий к статьям о персоналиях [1, с. 217, 270, 446, 686]; репродукции юмористического автопортрета Пильняка [1, с. 450]; иллюстрация к статье о романе «Мы», помещенная внутри текста самой статьи [1, с. 328]. И если все немногочисленные фотоматериалы служат некоей изобразительной заставкой к статьям, то включение иллюстрации к «Мы» внутри словарной статьи выглядит достаточно странно, ибо групповой портрет на фоне строящегося «Интеграла», поданный сразу после фрагмента предисловия к роману 1922 г., ничуть не способствует читательской визуализации образов замятинского романа.

«Летопись жизни и творчества Е.И. Замятина» [1, с. 686-715], пожалуй, лучшая часть энциклопедии, является строго выверенным хронологическим сводом сохранившихся и обнаруженных к настоящему моменту печатных и архивных данных о писателе; Т.Т. Давыдова справедливо привлекает здесь письма Замятина, черпает материал из его автобиографий. Методологические принципы, положенные в основу «Летописи», как представляется, были обусловлены теми задачами, которые поставил перед собой ее автор, стремясь дать всестороннее представление об уникальной личности Замятина – писателя, публициста, критика, общественного деятеля, гражданина, человека. «Летопись» выглядит не просто справочным по-

созбием, но и вполне прочитывается как отдельный свод «трудов и дней» прозаика изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, – в движении, изменениях, взлетах, падениях, переломах, эволюции, творческом росте.

Наконец, библиографический раздел. Фактически завершающая энциклопедию «Основная литература о жизни и творчестве Е.И. Замятина» [1, с. 716-731] оказывается не вполне «основной». В «русской» ее части, действительно, отражены ключевые исследования, так или иначе связанные с творчеством Е. Замятина. Вызывает недоумение, правда, отсутствие в списке работ Н.М. Солнцевой или же раздел, написанный М.М. Голубковым о полемике Замятина с химерической концепцией мира и человека для хорошо известного учебного пособия 2001 г. [21, с. 225-230], видимо, по какой-то нелепой случайности, назван у Давыдовой «“Мы” Е. Замятина: полемика с химерической концепцией мира и человека» [1, с. 718]. Более того, список можно было бы значительно украсить, дополнив его в качестве отдельной рубрики сводным перечнем архивов и собраний, содержащих материалы о Замятине. Под рубрикой же «Научная литература на иностранных языках», по досадному недоразумению, не обнаружилось ни монографии американского исследователя Бретта Кука «Человеческая природа в утопии»: “Мы” Замятина» (“Human Nature in Utopia: Zamyatin’s We”. Northwestern University Press, 2002), ни хорошо известных исследований Л. Геллера [См., например: 22-24], ни спецвыпуска авторитетного североамериканского журнала *Canadian-American Slavic Studies* (2011. Вып. 45. № 3–4), представляющего собой подготовленную Б. Куком своеобразную антологию исследований романа «Мы», включающую и составленную им библиографию.

Впрочем, говорить о недочетах издания, которое собиралось в течение двадцати лет, дело бессмысленное и неблагодарное. Во-первых, Т.Т. Давыдова, проделавшая в одиночку поистине титаническую работу по анализу и обобщению всего «замятинского контекста», предвидела всю последовательность проблем, связанную и с поэтапным их решением, и с последующей реакцией на уже опубликованную энциклопедию. Во-вторых, читатель сам вправе принимать или не при-

нимать «структурные издержки» книги. Главное в другом. Энциклопедия все-таки состоялась. Автор не просто объял необъятное, но и предложил свой вариант видения замятинского компендиума, и совершенно очевидно, что, хотя эта глава в замятиноведении не закрыта и не исчерпана, но главный шаг в нужном направлении Т.Т. Давыдовой сделан.

Борода Елена Викторовна, доктор филологических наук (г. Тамбов):

– Изучение творческого наследия Е.И. Замятина давно уже стало отдельным направлением отечественного литературоведения. И как всякое значительное направление, оно нуждается в определенной систематизации, подведении итогов и формулировании перспектив. Актуальность такого рода работы подсказана назревшей необходимостью обобщить существующие исследования о Замятине, выявить наиболее характерные тенденции в истории изучения творческого наследия классика.

Но не только это становится основной целью создания «Замятинской энциклопедии» и ее автора, известного замятиноведа Т.Т. Давыдовой. На мой взгляд, сильной стороной данной энциклопедии является выявление связей Замятина с культурой и литературой, укорененность творчества классика в контексте эпохи.

В энциклопедии представлено большое количество имен современников Замятина (А.А. Ахматова, М.А. Булгаков, А. Белый, М. Горький и другие), его предшественников, которых сам художник считал своими литературными наставниками (А.П. Чехов, Н.С. Лесков, А. Франс), а также писателей, которых в той или иной мере можно считать его последователями. Подобная хронология демонстрирует не только уникальность и многогранность творчества Замятина, но и преемственность, и наличие литературной родословной, и тенденции современности, воплотившиеся в основных его идеях и не потерявшие своей актуальности.

Статьи «Замятинской энциклопедии», за редким исключением, можно систематизировать по следующим направлениям: «Лица» – статьи, которые содержат сведения об исторических личностях, писателях, критиках,

художниках, представителях ближайшего окружения писателя, адресатах его художественных или личных посланий; «Тексты» – они посвящены значимым произведениям Замятина; «Герои», в которых представлены концептуальные персонажи замятинского творчества в освещении разных исследователей; «Биография» – содержание данных статей связано с заметными биографическими данными писателя, местами, эпизодами, связями, которые так или иначе обозначают вехи его творческого пути. Можно выделить отдельным блоком статьи, которые освещают идейно-стилевое своеобразие творчества Замятина, анализируют его художественную манеру. Обособленный слой энциклопедии представляют собой теоретические статьи, освещающие особенности и признаки литературного или фольклорного жанра («Антиутопия», «Анекдот»), каждый из которых представлен в творчестве Замятина в качестве основополагающего и формирующего эстетическое кредо писателя.

Таким образом, в энциклопедии представлен анализ работ о Замятине по магистральным направлениям исследования, в процессе которого обнаруживается взаимосвязь ведущих тенденций, что способствует целостному взгляду на состояние современного замятиноведения. Подобное изложение способствует тому, что наука о Замятине предстает не статичной дисциплиной, а живым динамическим процессом, пребывающим в становлении и не исчерпавшим потенциал своего развития.

В освещении общепhilософского контекста, допустим, первой трети XX века акцент собранного и систематизированного в энциклопедии материала сделан преимущественно на тех мировоззренческих системах, которые существенным образом повлияли на творчество классика, прочно вошли в модель его мировидения либо являлись неотъемлемой частью интеллектуального содержания его времени. В спектре анализа оказываются философия «скифства», соотносимая с концепцией аполлонического-дионисийского Ф. Ницше, она же пересекается с теориями О. Шпенглера, Н.Я. Данилевского, Л.Н. Гумилева. Однако следует отметить, что сведения, представленные в энциклопедии, в большей степени ориентированы на освеще-

ние историко-литературного и событийного процесса, нежели на собственно философскую платформу. То есть труды Н.А. Бердяева, В.В. Розанова, В.С. Соловьева, Н.С. Трубецкого, Г.В. Флоровского и других упомянуты непосредственно в содержании статей, отделов же, посвященных собственно философии, крайне мало. Философский контекст в таком освещении становится предпосылкой анализа связей Замятина с писателями разных эпох.

Подобный подбор материала обозначает широту охвата замятинского творчества, демонстрирует, насколько прочна связь художника с русской литературой, и является дополнительным аргументом в пользу «классического» статуса художника.

Таким образом, «Замятинская энциклопедия» с особенной убедительностью обнаруживает органический, неделимый, целостный характер замятинского творчества. А замятиноведение предстает не только сформировавшейся, системной и целостной наукой, но и наукой перспективной, имеющей собственную теоретическую базу, философский и эстетический контекст, историю возникновения и развития.

Комлик Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор, руководитель филиала Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина в ЕГУ им. И.А. Бунина (г. Елец):

– Жанр персоналистической энциклопедии, уже хорошо известный научно-образовательному и культурному сообществу современной России, сегодня пополнился еще одной персоналистической энциклопедией, посвященной творческой личности и биографии Е.И. Замятина. Первый опыт справочного издания, связанного с творчеством и личностью этого большого русского художника, был осуществлен в 2004 году [17] научными коллективами Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина и Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина под руководством профессора ТГУ им. Г.Р. Державина Л.В. Поляковой. В этом коллективном труде художественное творчество и биография Е. Замятина были «проинтегрированы» реалиями отчего края писателя (история, культура, природный

и городской ландшафты, монастыри и церкви, диалекты и местные «речения» и другие). Здесь, видимо, стоит пояснить почему создателями первой замятинской энциклопедии был избран именно такой аспект подачи творчества писателя. Дело в том, что центральная тема Руси пестрой, разноликой, одновременно «убогой» и «обильной» у Замятина почти всегда имеет провинциально-культурный колорит русского Подстепья, несет в себе черты отчего края художника. Историко-культурное пространство лебедянской округи, «русского Подстепья», в котором сформировался его творческий дар, стал для него той частью космоса, которая важнее всей вселенной (это пространство духовно и судьбоносно определило его внутреннюю суть), той частью мира, в которой жила, существовала «Русь изначальная», Русь настоящая, «с черноземом, Доном, соломенными крышами, лаптями, яблоками...» [25, с. 123].

Лебедяно-елецкая, тамбовская Русь – любимое место действия замятинских произведений. Она проявляет себя на самых разных уровнях и прежде всего на ландшафтно-топонимическом. Топография уездной Лебедяни угадывается в рассказах «Апрель», «Письменное», «Колумб», «Икс», повестях «Уездное», «Алатырь». Кстати, на выбор заглавия повести «Алатырь», вероятно, повлияли не только многочисленные легенды русского фольклора о чудесном «бел-горюч» камне Алатыре, но и историческая память писателя о древней Тамбовской земле, включавшей некогда в свой состав Темниковский край, на территории которого находился реальный город Алатырь. Топонимика лебедянской округи дает о себе знать в повести «На куличках», герой которой приезжает служить на край света из Тамбова, а в рассказе «Землемер» бегущие от мужицкой революции герои-интеллигенты спасаются в монастыре села Троекурово, живописно раскинувшегося на берегу Красивой Мечи, «посреди чаберных лугов», в десяти верстах от Лебедяни. Действие рассказа «Чрево» разворачивается на реке Ворона, хорошо известной тамбовчанам, а в рассказе «Куны» – в старинном селе Куймань, что на полпути из Лебедяни в Липецк. Родом из этого же села герой рассказа «Слово предоставляется това-

рищу Чурыгину». В рассказе «Русь» красавица Марфа, вышедшая замуж за купца Вахрамеева и поселившаяся в его «двухэтажных палатах», напоминает автору пересаженную яблоню, которую привезут не откуда-нибудь, а из «Липецка – из кожинских знаменитых питомников – погрустит она месяц, свернется в трубочку листья, а садовник кругом ходит, поливает – и глядишь, привыкла, налилась – и уже снова цветет, пахнет» [26, с. 475].

Память детства, конкретно-чувственное восприятие «малой» родины играли роль того «насыщенного раствора», о котором пишет художник в связи с тайнами творческого мастерства: «В стакане налита как будто бесцветная, ежедневная, простая вода, но стоит туда бросить только одну крупинку соли, и раствор оживет – ромбы, иглы, тетраэдры – и через несколько секунд вместо бесцветной воды уже хрустальные грани кристаллов. Должно быть, иногда бываешь в состоянии насыщенного раствора – и тогда случайного зрительного впечатления, обрывка вагонной фразы, двухстрочной заметки в газете довольно, чтобы кристаллизовать несколько печатных листов» [27, с. 395]. Используя эту аналогию, можно утверждать, что Лебедянь, ее «парчовый» воздух, «весь расшитый запахом яблок», ее обычаи, нравы, традиции были таким «насыщенным раствором», который питал творческую мысль Е. Замятина, рождая сюжеты, характеры, метафоры. Об этом говорил и сам писатель в беседе с главным редактором французского еженедельника «Les Nouvelles Littéraires» Ф. Лефевром в 1932 году: «Если я вам отвечу, что я родился в России – это мало. Я родился и прожил детство в самом центре России, в ее черноземном чреве. Там, в Тамбовской губернии, есть городок Лебедянь, знаменитый когда-то своими ярмарками, цыганами, шулерами – и крепким, душистым, как яблоки, русским языком. Недаром об этом городе писали Тургенев и Толстой. Я до сих пор помню неповторимых чудаков, которые выросли из этого чернозема» [28, с. 257].

Колорит «черноземного нутра» русского Подстепья – постоянная константа художественных произведений Е.И. Замятина.

Но Лебедянь у Замятина не только в изображении родного города, не только в назва-

нии лебедянских реалий, вообще не в «теме». Она – в самой структуре мышления писателя, в типологии его творчества. Рисует ли он портрет героя, воссоздает ли пейзаж, обдумывает ли жанровую форму своего произведения, он, подобно живописцу, опускает свои кисти непременно в лебедянскую палитру. Его модель мира была лебедяноцентричной, лебедянская округа была для него своего рода матрицей, на основе которой выстраивался космос России. Возникшие на корневой лебедянской почве сюжеты и образы повестей «уездного» цикла, в рассказах «Апрель», «Знамение», «Землемер», «Сподручница грешных», «Икс», «Слово предоставляется товарищу Чурьгину», «Староста», «Письменно», «Куны», «Русь», в неоконченных повестях «Колумб» и «Полуденница» – содержат в себе обобщения общероссийского масштаба. За образной символикой, связанной с «малой родиной», таятся такие общероссийские реалии, как «безграничность», «тоска», «бесконечное пространство», «обездоленность», «сказочность бытия России», «природа, как сторона русской души», «русская незавершенность», оставляющая пространство для тайны и для грядущего. Все это входит в макрокосм русской души, является отблеском ее подлинности. И все это усвоено было Замятым в «черноземном чреве» России, в родной Лебедяни.

Она навсегда, несмотря на шутиливо-иронические высказывания писателя о глубинной России, оставалась для него городом дорогих воспоминаний молодости, неисчерпаемым вместилищем впечатлений и еще чем-то неизмеримо большим – бытийственно значимым пространством, наиболее благоприятным для развертывания сюжетов, образов, мотивов его произведений.

Одним словом, лебедянская точка опоры легла в основание той вершины, с которой он смог окинуть взглядом мир, Землю, Космос и помогла ему многое понять и в русской жизни, и в русской душе. Именно этим обстоятельством был обусловлен выбор научного ракурса первой замятинской энциклопедии, созданной филологическими коллективами двух университетов.

Появление в научно-культурном пространстве еще одного справочного издания, где горизонты познания такого явления на-

шей литературы, как Замятин, необычайно расширены и углублены, безусловно, является примечательным событием в современной науке о литературе и одновременно свидетельством титанических усилий, энтузиазма, исследовательского труда автора книги. Центральное место в этом огромном справочно-исследовательском массиве занимают статьи, посвященные многожанровому творчеству писателя, его прямым биографическим или творческим связям с русскими и зарубежными писателями, деятелями искусства и культуры. Все это информационно-содержательное многообразие «упаковано» в соответствующий тип статьи. Здесь присутствуют статьи, имеющие частный характер (когда в поле зрения та или иная персона, личность); статьи обобщающего свойства (например, о литературно-культурной панораме эпохи, ее идейно-стилевых течениях в литературе, идейно-философских переключках в творчестве писателей); статьи минибиографии с попыткой целостного анализа идейно-художественного содержания произведения, как правило, крупного или этапного для творческой эволюции Замятина.

Словом, создан внушительный научно-справочный ансамбль, путеводитель по творческой биографии писателя, в котором между тем есть недостающие «фрагменты», отсутствующие «маршруты». К числу «зияющих» пустот следует отнести, прежде всего, отсутствие концептуально важной обобщающей статьи о состоянии и достижениях такой историко-литературной науки, как Замятиноведение, с ее научными центрами в России (Санкт-Петербург, Москва, Тамбов, Елец) и за ее пределами (Швейцария, Польша, Украина). Панорамная, развернутая картина исследовательских этапов в постижении творчества Замятина и его личности, фиксация реперных точек этого постижения в формате ли диссертации, монографии, конференции весьма способствовала бы структурированию самой важной «Алфавитной словарной части энциклопедии», которая явно нуждается в классификации по тематическим разделам («Биография», «Творчество», «Окружение Замятина», «Поэтика», «Замятин и русская литература», «Замятин и зарубежная литература», «Историко-культурный контекст» и другие). Такой рубрикатор по-

зволил бы читателю свободно ориентироваться в объемном содержании энциклопедии и одновременно давал бы первичное представление о многогранности творческого наследия художника, его «ядерной» сущности. Кроме того, присутствие такой обобщающей статьи, думается, облегчило бы самому автору выработку сбалансированного, энциклопедического взгляда на идейно-художественное содержание многих произведений писателя, не позволило бы ему «выпасть» из уже сложившейся в замятиноведении научно-исследовательской парадигмы.

К числу «недостроенных фрагментов», не пройденных «маршрутов» в энциклопедии следует также отнести очень скромно представленную биографию писателя. Раздел «Летопись жизни и творчества Е.И. Замятина» не спасает ситуацию, потому что в нем отсутствует, во-первых, родословная писателя. Нет, например, информации о бабушке писателя, которая знала много «чудесных русских слов» и у которой он научился любви к этим словам. Отсутствуют сведения о деде будущего художника, покровском батюшке, в доме которого он провел детские годы. Вообще лебедяно-воронежский период жизни Замятина как-то выпал из виду, присутствует лишь в кратком автобиографическом изложении самого Замятина, которое, конечно же, важно, но, вместе с тем, требует дополнительного, уточняющего комментария с учетом нашего нынешнего знания биографии писателя. Во-вторых, энциклопедии явно не хватает географической компоненты, позволяющей расширить представления о реальной и творческой биографии писателя, связанной с городами и весями не только России, но и зарубежных стран. Географический фактор Лебедяни или Ньюкасла в судьбе Замятина во многом объясняет стилистику его «уездной трилогии» или «английской дилогии», помогает уточнить, найти в этой ландшафтной привязке новые смыслы его произведений.

Есть «пустоты» и в необозначенном разделе «Замятин и предшественники». В энциклопедии ощутимо не достает информации о Гоголе, который «был другом» для Замятина-ребенка и Салтыкове-Щедрине, по мотивам романа которого была написана неоконченная пьеса «История одного города».

Но более всего оказывается пустынным в энциклопедии раздел поэтики Замятина. В книге присутствуют всего четыре статьи («Анекдот», «Рассказ», «Сказ», «Сказка»), связанных с жанровыми предпочтениями писателя. Но основной массив базовых приемов и способов реализации художественной идеи, обуславливающих своеобычность «брызжащих талантом» произведений писателя-неореалиста, к сожалению, отсутствует. Не прописаны излюбленные для поэтической манеры Замятина фантастическая образность (сон, галлюцинации, слухи); символика; мотивно-лейтмотивная организация художественного текста; монтажная компоновка фрагментов; фольклоризм и мифологизм. В четырех статьях, посвященных неореализму, для поэтики которого характерен перечисленный поэтический ансамбль («Возникновение неореализма (синтетизма)», «Серапионовы братья», «Замятин – теоретик неореализма», «Неореалистическое идейно-стилевое течение»), Замятин вписан в общий ряд писателей-неореалистов и подан преимущественно как теоретик, но не практик этого идейно-стилевого течения, эстетику и поэтику которого он блистательно воплотил в своем творчестве. Подробная информация о «мифологизаторстве» как главной эстетической примете неореалистической прозы, в том числе и прозы Замятина, далеко не исчерпывает существо его художественной практики, оригинальной и самобытной. Дело в том, что справочник информирует только о двух типах (по классификации автора энциклопедии) «мифологизаторства»: о «собственно мифологизаторстве», то есть использовании и художественной интерпретации античных и библейских мифов, и о «сциентистском» – «научнообразном мифотворчестве». Но проза Замятина и его театр, с центральной в нем пьесой «Блоха», не вмещаются в эти узкие информационные рамки. Определяющим, главным для Замятина, чья художественная система укоренена в русской народной культуре, является национальный миф и шире фольклор, являющиеся художественным кодом потаенной смысловой глубины его творчества. Эта поэтическая доминанта – одна из ярчайших в стилистике Замятина, – к сожалению, в энциклопедии не представлена.

Отсутствие таких научно-культурных дефиниций, как «славянский миф», «былина», «скоморошество», «лубок», «балаган», «народно-праздничная, смеховая культура», «народно-гротесковый комизм», «русский карнавал», «гротесковый модус» и другие формирует усеченное, неполное представление о самобытности таланта Замятина, о «лексике» и «грамматике» его художественного языка, нарушает целостность восприятия замятинского Космоса. Изъят, обойден молчанием огромный пласт историко-культурного, этико-эстетического, нравственно-философского содержания, связанного с национальной культурой, без учета которого невозможно, например, понять природу замятинского смеха, которым искрятся его произведения, особенно «русской тематики». Без осознания природы комизма, тончайшего, совершенно специфического юмора писателя, окрашенного в легкую иронию, усвоенную Замятиным от русской сказки, от фольклора, нельзя истолковать, не исказив смысла, многие его произведения, как это, кстати, случилось в энциклопедии с интерпретацией смешного и жалкого героя повести «Алатырь», князя Вадбольского. Не умеющий грамотно писать и связно выражать свои мысли уездный князь подан автором издания как *«идеологически значимый герой»*, *«творчески усвоивший положения соловьевской философии»* [1, с. 30] и *«философские идеи «Великого инквизитора» Ф.М. Достоевского. Или искрящийся детской жизнерадостностью, озорной веселостью и непосредственностью рассказ «О том, как исцелен был инок Еразм»*, где замятинский юмор делает особенно очевидным созвучие художественной идеи рассказа этическим и эстетическим воззрениям народа на вопросы плоти и духа, пола и любви. В скрытой глубине рассказа таится добродушная улыбка, затаенный веселый смешок, с которым народ наш всегда поверял любую книжную теорию, высокую идею, головную схему, в том числе и официальную церковь, соотнося их с реальной практикой, своим жизненным опытом. Восхищаясь и поклоняясь высоким образцам духовно-аскетического служения Христу (поэтому таким неоспоримым духовно-нравственным авторитетом на Руси пользовались праведники, старцы, юродивые), на-

родная среда вместе с тем культивировала и поощряла чувственную любовь к миру. Душа народа всегда пленялась звуками, красками, теплотой и запахами земли, неодолимо влекущей эмоциональным притяжением, что так талантливо схвачено и выражено Замятиным в рассказе, истолкованном в энциклопедии как «антипатериковая» литература, имеющая «греховно-эротический смысл» [1, с. 643]. Так что в спорах замятиноведов о творческом методе писателя, о приоритете в нем исконно-русского или европейского начала информационный акцент в книге сделан на начале европейском, что нарушает энциклопедический принцип объективности.

В этой связи весьма субъективным и спорным выглядит и переходящее из статьи в статью энциклопедии безоговорочное утверждение атеизма писателя, антирелигиозной направленности его творчества.

Сложный вопрос о вере писателя в замятиноведении до сих пор не решен в связи с амбивалентной позицией самого Замятина, который в прямых высказываниях о Церкви, ее аскетизме давал много поводов принимать его за атеиста, то есть человека, отвергающего всякие религиозные представления о мире и религию в целом. Но художественная практика, идейно-художественное содержание многих его произведений, где в той или иной степени звучит тема веры, заставляют усомниться в однозначности позиции писателя. Красота и поэзия русского православного мира, трепетная любовь к нему самого автора, которой напитаны строки рассказов «Знамение», «Непутевый», «Землемер», «Сподручница грешных», вряд ли доступны рациональному, рассудочному атеистическому миропониманию, сатирически изображенному в романе «Мы». Отелесненность мира, ее поэтика, открытые русской литературе Замятиным, часто используемая как аргумент, подтверждающий безрелигиозность писателя, его неприятие аскетических норм христианской морали не доказывают атеизма писателя. Поэзия земного благоуханного телесного мира у писателя всегда неразделима с всеобъемлющим ощущением присутствия в нем высшего, надмирного, божественного начала, которое не только не чуждо, но является определяющим в эстетическом восприятии жизни Замятиным. В

творчестве художника явно ощутимо присутствие Творца, но не того Бога, который открылся во Христе, а древнее. Он из мифологических времен. Страстно-религиозное мирозерцание Замятина – в корне своем языческое. А язычество – это тоже «религия и близко любой другой религии уже по своей этой главной сути – веры в Бога» [29, с. 3], поэтому христианство, пришедшее на языческую Русь, так прочно укрепилось: оно легло не на голую почву, а духовно возделанную, подготовленную. Искореня язычество, борясь с ним, христианство, не сумев до конца противостоять веками складывающимся традициям народной жизни, ее этике и эстетике, испытало и обратное влияние. В результате такого взаимодействия, но не поглощения (!) одной религии другой, произошло их слияние, соподчинение, итогом которого и явилось Русское Православие. Сохранившийся в нем языческий пласт народной культуры особенно пленял воображение Замятина. Не случайно одной из ведущих тем его творчества является тема древней Руси, проявляющая себя даже в фантазийном романе «Мы», где хранительница Древнего Дома родом из русского фольклора, русской сказки. Повышенный интерес писателя именно к этому пласту Русского Православия, «уяряющему» народное чувство Христа, делающему его образ национально выраженным, не подтверждает атеистических убеждений Замятина. Следовательно, вопрос о вере и безверии художника продолжает оставаться открытым и требует тщательного и всестороннего изучения.

В этом контексте заявленная в аннотации претензия автора на создание «первого в мире справочного издания, основанного на полном исследовании жизни Е.И. Замятина и разных сторон его творчества...», нам показала несколько преувеличенной и в связи с отсутствием в нем многих творчески-биографических «фрагментов», и, главным образом, в связи с шаткостью и субъективностью многих трактовок произведений Замятина. Так что точку ставить рано. Вне всякого сомнения, Т.Т. Давыдовой была проделана огромная и кропотливая работа по собиранию, классификации, осмыслению творческой биографии писателя, то есть был сделан очередной шаг в нужном направлении. Но

энциклопедия не носит завершенного характера, поэтому все сделанные замечания следует рассматривать как советы, продиктованные искренним желанием помочь автору доработать издание и достигнуть в нем энциклопедической объективности и полноты. Дальнейшее совершенствование книги, конечно, потребует от автора титанических усилий, огромного напряжения физических и душевных сил. Облегчить эту непосильную для одного исполнителя ношу можно с помощью привлечения к этой работе других замятиноведов, поскольку жанр полновесного энциклопедического справочника требует коллективных усилий.

Геллер Леонид (Heller Leonid), доктор филологических наук, профессор (г.г. Лозанна – Париж, Швейцария – Франция):

– Составленная Т.Т. Давыдовой «Замятинская энциклопедия» представляет собой огромный труд. Трудно поверить, что он был осуществлен силами одной исследовательницы. Может быть, именно поэтому книга не свободна от недостатков.

В ней встречаются мелкие ошибки, вроде «значимой польской фамилии» князя Вадбольского, одного из героев «Алатыря», позволяющей сблизить его фигуру с католичеством [1, с. 32]: в действительности, это фамилия древнейшего русского княжеского рода из Рюриковичей (имя генерала Николая Вадбольского было на слуху и в японскую, и в Первую мировую войну). Неверно указаны заслуги Р. Майера, «сформулировавшего закон сохранения и превращения энергии и явление энтропии» [1, с. 55-57]: как известно, Майер дал формулу первого закона термодинамики о сохранении энергии, понятие же энтропии связано с определением второго закона и с именами других ученых, от Сиди Карно и Томсона до Клаузиуса и Больцмана. Об идее «всеобщего языка» туманно сказано, что она «восходит к утопиям Ш. Фурье и В. Вейтлинга», и что В. Оствальд «мечтал о создании всемирного языка на чисто теоретической науч. основе» [1, с. 30]. Но ведь мечта о языке, служащем единению человечества, уходит гораздо дальше, – и к древним, пропитавшим современный эзотеризм представлениям о «языке Адама», и к математико-комбинаторным системам Луллия и

Лейбница; а Оствальд не только «мечтал о создании», но и активно пропагандировал уже созданные эсперанто и идо.

Подобные неточности легко устранимы. Однако недостатком точности страдает, на наш взгляд, и применение ряда литературно-исторических и философских понятий. О су-конном языке былого литературоведения напоминают такие фразы, как: «Природу олицетворяет в повести образ Пельки, страстно любящей мужа. Хотя она находится на более низкой ступени общественно-культурного развития, чем Марей...» [1, с. 522]. Или: «фильм Ренуара стал ярким феноменом франц.-рус. культурных связей» [1, с. 350], – при том, что фильм этот никогда не вышел на русские экраны, факт, заслуживающий если не объяснения, то упоминания. Вряд ли удачны выражения вроде «детерминистски-индетерминистская» картина мира. Сильно преувеличен (вплоть до отождествления) параллелизм понятийных пар аполлинизм/дионисийство и энтропия/энергия, и, например, отнесение уродливой Ю из романа «Мы» к аполлонически-энтропийному типу героев [1, с. 672] не вяжется с представлением об аполлинизме как о гармонии и красоте формы. Как плохо с ним вяжется и сугубо машинная геометризация Единого Государства [1, с. 340]. Почти все, что у Замятина является стилистическим приемом контраста, в энциклопедии принимается частью его концептуализации мира. Этот буквализм порой упрощает сложность, скрытую за риторической игрой.

Туманна в энциклопедии характеристика течения неореализма; его описанию посвящено много страниц, но точный анализ его истории и поэтики отсутствует. Он трактуется как историческое течение. Но он лишен примет бытия: ничего не сказано о его коллективных декларациях, публикациях, печатных органах, организационных структурах, свойственных всем течениям эпохи. К тому же набор черт, определяющих неореализм, отсылает не только к реализму и символизму, которые он призван объединять. И импрессионизм, и экспрессионизм, и примитивизм отличают «синтетический» неореалистический стиль ведущих неореалистов Ремизова, З[амятина], Шмелева, Пришвина, Сергеева-Ценского, Чапыгина, Шишкова, Тренева, А.Н. Толстого, Платонова и Булга-

кова» [1, с. 321]. Между названными писателями можно найти сходства, но гораздо больше между ними различий, и заключить Платонова в рамки общей поэтики с Ремизовым или А. Толстым, значит размыть эти рамки, лишит термин смысла. Цитаты из Замятина и нескольких критиков 1910-х годов, равно как и типологические операции историков способны наделить термин «неореализм» функцией более или менее удобного эвристического концепта. Это не то же самое, что реальное явление. Курьезным образом среди стилевых компонентов неореализма не называются ни «новый реализм» Малевича, ни конструктивизм. Не проведена обещанная в предисловии аналогия с течениями в изобразительных искусствах, из которых идут все названные выше термины. В статье об Анненкове не подчеркивается, что анализ его творчества дает Замятину почву для разработки своей версии «синтетизма»; одно это отличает последнюю от неореализма, определенного писателем несколькими годами раньше. Это различие никак не учитывается.

Можно продолжить спор об использовании философских понятий в энциклопедии, можно спорить с некоторыми достаточно субъективными толкованиями замятинских текстов, можно удивляться, на каком основании два десятка персонажей из трех произведений выбраны для отдельных статей, можно жалеть о почти полном отказе от представления рецепции и распространения замятинского творчества за границы: интересно было бы продолжить работу, начатую Шейном, теперь, когда электронные каталоги дают новые возможности для поисков. Главное, можно жалеть о пробелах в библиографии, что особенно относится к иностранной критической литературе, из которой незначительная часть попала в энциклопедию, тогда как замятиноведение стало развиваться на Западе по новому кругу, а роман «Мы» и другие вещи Замятина печатаются в Турции, Иране, Вьетнаме и т. д.

Все названные и неназванные недостатки энциклопедии не заслоняют, однако, ее многих достоинств. Впечатляет ее охват: исчерпывающий список и изложение с комментариями всех известных замятинских произведений, подробное представление среды, в

которой существовал писатель, его литературных связей, картография влияний, которыми он вдохновлялся, и влияний, которые оказал на других, очень разработанная летопись его жизни и творчества. Все это дано с привлечением большого количества источников, в первую очередь корреспонденции писателя, и на основании многочисленных исследований. Нет сомнения, что такая публикация была нужна, нужна не только потому, что в ней собрана огромная информация, но и потому, что она дает стимул к дальнейшим научно-исследовательским поискам в области замятиноведения и вместе с тем позволяет осознать необходимость совершенствования фактографической работы как в этой области, так и в области филологии в целом.

Накано Юкио (Nakano Yukio), доктор филологических наук, ассистентный профессор (г. Киото, Япония):

– Коротко я хотел бы прокомментировать материалы Замятинской энциклопедии о Глебе Струве и статью «На дне»; написать о связи Замятин с Японией.

Глеб Струве играл большую роль в издании русскоязычной книги «Мы» Замятин в издательстве имени Чехова в Нью-Йорке. В исследовании Джулии Куртис и в других работах особое внимание уделяется истории издания романа «Мы» на русском языке [30; 31]. После отъезда Святополк-Мирского в СССР Глеб Струве занимал то место, которое занимал его предшественник в Лондонском университете. Как и Мирский, Струве продолжал писать историю русской литературы на английском языке. Уже подробно исследована биография Святополк-Мирского в книгах Джеральда Смита и других исследователей [32]. Здесь стоит лишь сказать о том, что в его истории русской литературы в 1926 году уже упоминается неопубликованная книга Замятин «Мы» и подробно рассказывается о писателе [33, р. 296-299]. И в истории советской и русской литературы Глеб Струве (“Soviet Russian Literature”) в 1935 году он представил Замятин еще раз англоязычной читающей публике. Струве подарил книгу Джорджу Оруэллу, которая оказала влияние на его дальнейшую работу над романом под названием «1984». В при-

ложении к русскому переводу «Скотский хутор» (“Animal Farm”) Струве в 1950 году вспоминает о том, как Оруэлл интересовался романом Замятин [34].

Струве вместе с его будущей женой Марией Кригер перевел книгу на русский язык. Правительство США закупило половину экземпляров книги и раздало их беженцам из Советского Союза [31, с. 445-446]. На украинский язык его перевел украинский историк Игорь Шевченко (Igor Шевченко) [35].

В замятинской энциклопедии названы две работы Глеба Струве: «Новые варианты шигалевщины. О романах Замятин, Хаксли и Оруэлла» (1952) и «Русская литература в изгнании» (1996). В Бахметевском архиве помещены рукописи сценария фильма «На дне», а переписка Глеба Струве и вдовы Замятин находится в Гуверсовом архиве при Стэнфордском университете. Его статья «Дневник читателя. О Чеховском издательстве вообще, о “Лицах” Замятин в частности» тоже касается книги Замятин «Лица» [36]. Если учесть вклад Глеба Струве в издание романа Замятин и представление Замятин на английском языке, я хотел бы добавить его «Приложение. Письмо Джорджа Оруэлла к Г.П. Струве» и «Примечания Г.П. Струве» в библиографию по Замятину.

По поводу истории фильма Жана Ренуара «На дне» я тоже хотел бы добавить в список следующие книги:

Spaak J. Charles Spaak. Mon mari. Editions France-Empire. P., 1977;

Lourie E. My Work in Films. Harcourt Brace Jovanovich. L., 1985.

Уже из многих работ известно, что фильм был «французизирован» по разным причинам. Сценарий писали Замятин и Компанеец. Потом Ренуар и Спаак переделали его и убрали русские реалии. О причине этого изменения говорит сам Ренуар. По его словам, по финансовой причине ему пришлось снять французский фильм на основе русской драмы М. Горького.

В этой связи вышеуказанные книги косвенно свидетельствуют об атмосфере и дискуссиях в студии Альбатрос и между Ренуаром и другими сценаристами.

В мемуарах вдовы сценариста Шарля Спаака Жанин Спаак цитирует высказывания мужа, совместного сценариста фильма «На

дне». Мемуары художественного режиссера Евгения Лурье тоже свидетельствуют об атмосфере студии. Конечно, по поводу истории фильма уже существуют исследования в том числе и Леонида Геллера, Марины Любимовой и Галины Бересневой [37–39]. Недавно опубликованная монография по Ренуару тоже говорит о превращении русской драмы во французский фильм [40]. Вышеуказанные работы, конечно, заслуживают внимания не только замятиноведов, но и киноведов, заинтересовавшихся фильмом Ренуара «На дне».

В конце моего комментария я хотел бы упомянуть о связи Замятина с Японией. «Замятинская энциклопедия» не касается исследований о Замятине за рубежом, кроме исследований на европейских языках. Здесь я хотел бы поговорить не о фильме Курасава «На дне» (1957), а о японском журналисте, который сообщает о лекциях Замятина в 1920-х годах.

В газете «Асахи Симбун» 1 июня 1922 года опубликована статья японского журналиста Рицу Тава (настоящее имя – Кэйси Осэ). Он рассказывает о лекциях в Доме искусств.

«И.Н. Гумилев (sic), Е. Замятин, В. Жирмунский, Б. Эйхенбаум и другие преподаватели серьезно читают лекции по возможности, но слушателей всего пять–десять, самое большее пятнадцать. Не только юноши, но и девушки ходят на лекцию после работы. Все получают месячную зарплату и занимают рабочие места. Потому что они по крайней мере грамотные и работают в разных комиссиях в правительстве в областях образования, труда, политики, развития, экономики, гигиены и т. д.

<...>

На вечерних лекциях в Доме искусств нет отчетности. Ни зачетов, ни экзаменов. Это приятное интеллектуальное стимулирование, отвлечение, и потому есть в этом какая-то глупость. Здесь можно общаться лицом к лицу с известными поэтами. В прошлом году (в 1919 году) с марта по апрель Андрей Белый, который однажды жил в Доме искусств, читал лекции о ритме стиха. Шел слух о том, что на эту лекцию придут много народу, но число слушателей не превысило тридцать–сорок».

Автор этой статьи Кэйси Осэ (18.11.1889–5.01.1952) – журналист и исследователь советской и русской культуры. Он окончил русское отделение Токийского университета иностранных языков и работал журналистом в газете «Токио Асахи Симбун». Как журналист газеты Асахи он сообщает о лекциях в Доме искусств. После возвращения в Японию создал клуб «Русское искусство» (1921 год) и приложил много усилий на создание «Японско-Российской ассоциации искусства». Он написал много книг, в том числе «Искусство в СССР», «Сборник стихов в СССР» и «Искусство в России». Насколько мне известно, в довоенное время в Японии на японский язык из произведений Замятина переведен только один рассказ «Пещера» (1925 год). Впервые в Японии перевод романа «Мы» появился в 1970 году. На мой взгляд, воспоминания журналиста Осэ и других японцев, которые были в России в 1920-годах, тоже заслуживают внимание исследователей русской литературы и замятиноведов.

Оляндэр Луиза Константиновна (Оляндер Л.К.), доктор филологических наук, профессор (г. Луцк, Украина):

– Выход в свет в 2018 году уникальной по своему замыслу «Замятинской энциклопедии» благодаря усилиям профессора Т.Т. Давыдовой – это знаковое событие в замятиноведении, которое наглядно убеждает в масштабности самого процесса освоения наследия «гроссмейстера литературы» (см.: [41]) Евгения Ивановича Замятина (1884–1937). Работа, в которую было вложено много кропотливого двадцатилетнего труда, является своевременной и актуальной. Ее автором собран и систематизирован огромный библиографический материал и подведен определенный итог достигнутым результатам, дающий возможность проанализировать, осознать и оценить сделанное для того, чтобы идти дальше. И тут «Замятинская энциклопедия», на наш взгляд, уже открывает два пути, по которым можно идти, опираясь на современные методологии, в частности, гадамеровскую. Первый путь – это глубинно *понять Другого*, то есть самого(их) реципиента(ов) разных годов, даже эпох. Именно на этом настаивает Г.-Г. Гадамер в дискуссии с

Ж. Деррида. Такое *понимание* необходимо, ибо оно и путь к тому самому(им) себе, через которого(ых) познается мир; такое *понимание* необходимо для того, чтобы вступить в продуктивный диалог с предшественниками. И – как следующий этап – второй путь: Замятин глазами поколений нашей современности. «Замятинская энциклопедия» в своем *подтексте* – а это свойство любого текста – создает континуум, единое диалогическое поле, на котором в жарком споре звучат разные голоса, то соглашаясь между собой, до диаметрально расходясь. И современный реципиент, а исследователь тоже он, «Замятинской энциклопедии» теперь легко ориентируется. Это уже не только научная, но и практическая ценность представленной работы, содержание которой определено в таких частях, как «К читателю», «Алфавитная словарная часть энциклопедии», «Летопись жизни и творчества Е.И. Замятина».

Можно выделить и еще многие достоинства «Замятинской энциклопедии», однако, подчеркивая стимулирующую ее роль, необходимо перейти и к тем дискуссионным размышлениям, которые она вызывает.

Настораживает и требует уточнения уже первая фраза в аннотации: «Замятинская энциклопедия» – первое в мире справочное издание, основанное на полном исследовании жизни Е.И. Замятина (1884–1937) и разных сторон его творчества: всех художественных произведений и статей, мировоззрения, поэтики, окружения Замятина». На наш взгляд, необходимо указать уже в заглавии годы: от первой реакции на произведения Е. Замятина до 2018 включительно, потому что изучение идет дальше уже сейчас. Во введении «К читателю» автор определяет свое издание, как *полное*, но это не совсем так. Многие статьи пропущены, и главное: издания – их как бы и нет, а они на виду. Конечно, никто еще «не объял необъятного». Однако, на наш взгляд, вернее было написать: *наиболее полное*, а также хотя бы в предисловии вспомнить вышедшие в Петербурге книги: «Замятин: pro et contra, антология / сост. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой, вступ. ст. Е.Б. Скороспеловой. СПб.: РГХА, 2014. 974 с.» и «Замятин: pro et contra: сб. ст. / сост. О.В. Богданова. СПб.: НП «МОПО «“Апостольский город – Невская перспектива”», 2015. 480 с.» Это, с

одной стороны, возместило бы пропущенное, а с другой – подчеркнуло бы особенность ракурса, обозначенного в заглавии: pro et contra, что является отдельной и значимой страницей в замятиноведении.

Целесообразно в отдельный раздел поместить вышедшие ранее антологии и монографии. В первом случае речь идет о вышедших в Петербурге РГХА антологии по Замятину и посвященному ему сборнике статей и, безусловно, о таком значимом издании, как «Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст. Материалы, исследования, документы, справки. Межвузовский региональный проект / рук. проекта и науч. ред. Л.В. Полякова. Тамбов; Елец, 2004», которое ошибочно «упаковывать» только в тексте «К читателю». Эта антология должна быть акцентирована.

Необходим и раздел диссертаций. Есть интересные работы, которые существуют на правах рукописи, но в них содержится многоаспектность подходов. Например, «Английские реалии в творчестве Евгения Ивановича Замятина» (Тамбов, 2000) В. Копельник, «Синтетизм в системе художественного мышления Е.И. Замятина» (Самара, 2001) В. Шпак, «Роман Е. Замятина “Мы” как модель рецепции древнерусской литературы» (Самара, 2004) Н. Фроловой, «Символика цвета в творчестве Е.И. Замятина» (Иваново, 2008) Е. Гуделевой, «Творческое наследие Е.И. Замятина во франкоязычной критике» (Тамбов, 2011) А. Веселовой, «Особенности сюжетостроения в прозе Е.И. Замятина» Т. Красновой (Тамбов, 2013) и многие другие.

Сказанное тут нисколько не умаляет значения «Замятинской энциклопедии», а поэтому в завершение хочу поздравить профессора Т.Т. Давыдову с успехом, поблагодарить за ее труд и за то, что она предоставила возможность поразмышлять над ним и вступить с ней в творческий диалог.

Алтабаева Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор (г. Москва):

– Почти столетие отделяет нас от эпохи великих перемен и переломов, все дальше ее горизонт, но имя Е.И. Замятина не только не уходит с этого горизонта, но становится еще значительнее и масштабнее по тому воздей-

ствию, которое его произведения оказывают на поколения.

Выход «Замятинской энциклопедии» [1], да еще и к 135-летию со дня рождения писателя, без сомнения, весьма значимое явление в современном замятиноведении. Ее автор, Т.Т. Давыдова, – известный специалист в области изучения творческого наследия Е.И. Замятина – проделала огромную работу по сбору, обобщению и систематизации сведений, так или иначе связанных с жизнью и деятельностью писателя и предназначенных полнее раскрыть для читателя творческую индивидуальность великого «еретика».

Такой подход к представлению персоналии Е.И. Замятина уже наметился ранее и был успешно реализован в издании «Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст. Материалы, исследования, документы, справки. Межвузовский региональный проект / рук. проекта и науч. ред. Л.В. Полякова. Тамбов; Елец, 2004».

Тем не менее, дальнейшее изучение творческого наследия Е.И. Замятина остается актуальной проблемой современного филологического знания, особенно в контексте новейших научных парадигм, утвердившихся в науке на рубеже второго и третьего тысячелетий и связанных с новым, междисциплинарным, подходом к исследуемым областям. В современном замятиноведении, кроме историко-биографического и литературоведческого, объективно выделились лингвостилистическое и концептуальное направления, раскрывающие новые стороны уникальной творческой индивидуальности писателя [42, с. 15-27].

В работе Т.Т. Давыдовой прослеживается стремление охватить максимальный объем контента, так или иначе связанного с жизнью и творчеством Е.И. Замятина. Для осуществления этой задачи автор избирает алфавитный способ расположения «словарной части энциклопедии», как называет ее сам автор [1, с. 27-685]. Составляя основную долю материала, данная часть поражает своим тематическим разнообразием. Здесь представлена информация о современниках, друзьях и родственниках Е.И. Замятина, о литературных течениях, направлениях, студиях, изданиях того периода, о родах и жанрах, в которых работал писатель (повесть, сценарная

драматургия, сказка и другие), о его произведениях и концепциях, сведения из теории и истории литературы, а также материалы, не сводимые в тематическом отношении к той или иной рубрике (См. статьи *Французский кинематограф, Мишка (кукла), Ростислав (Ростя), Письмо Сталину*).

Подобный способ расположения материала обуславливает определенные трудности в плане системного восприятия материала. Для сравнения заметим, что в издании «Лермонтовской энциклопедии» [4], при сохранении алфавитного принципа расположения, материал представлен в соответствии с тематическими разделами, заявленными в указателе энциклопедии (Произведения; Теория. Поэтика. Проблемы мировоззрения; Биография, Окружение (родственники, близкое окружение, знакомые и современники), Лермонтов в русской и советской литературе; Лермонтов и зарубежные литературы, Лермонтов и литературы народов СССР, Лермонтов и искусство; Лермонтовские места и музеи: литературная топография; История изучения Лермонтова и прочее). Возможно, такой принцип систематизации материала оказался бы более целесообразным, но следует понимать, что Т.Т. Давыдова, единственный автор Энциклопедии, взяла такую высоту, какая по плечу только большому авторскому коллективу.

Еще одним разделом «Замятинской энциклопедии» стала летопись жизни и творчества Е.И. Замятина [1, с. 686-715]. Основные вехи жизни писателя сопровождаются выдержками из его собственных воспоминаний, автобиографических заметок.

«Замятинская энциклопедия» позиционирует себя как «первое в мире справочное издание, основанное на полном исследовании жизни Е.И. Замятина (1884–1937) и разных сторон его творчества: всех художественных произведений и статей, мировоззрения, поэтики, окружения Замятина». К сожалению, такая сторона творчества Е.И. Замятина, как специфика языковой и стилистической организации его произведений, по вполне понятным причинам, оговоренным нами ранее, не стала предметом рассмотрения в энциклопедии. Обратим внимание на то, что в указателе «Лермонтовской энциклопедии» представлены «Словарь рифм

М.Ю. Лермонтова» и «Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова» под ред. В.В. Бородин, А.Я. Шайкевича, и это вполне правомерно, так как без обращения к языку произведений изучаемого автора невозможно постичь истинный смысл его произведений.

В то же время автор счел возможным включить в список основной, как указывается в названии раздела, литературы некоторые работы по исследованию языковой стороны текстов Е.И. Замятина. Это авторефераты двух диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык: 1) *Маясов В.Е.* Глаголы речевой деятельности в концептуальном пространстве замятинского текста (Тамбов, 2011); 2) *Рыжков И.А.* Функции глаголов со значением ощущения и эмоционального процесса в художественном тексте (на материале романа Е. Замятина «Мы») (Тамбов, 2000). Безусловно, эти работы заслуживают самого пристального внимания, но на самом деле подобных, и не менее значимых, исследований гораздо больше.

Несомненно, «Замятинская энциклопедия» Т.Т. Давыдовой представляет собой весьма ощутимый вклад в современное замятиноведение.

Вопросы и соображения, которые возникают по прочтении этого труда, свидетельствуют о том, что точка не поставлена: о Замятине и его художественном мире есть еще что сказать, особенно если принимать во внимание вектор развития современного гуманитарного знания по пути инновационных, междисциплинарных, интегрированных исследований в русле новейших научных парадигм.

Голубков Михаил Михайлович, доктор филологических наук, профессор (г. Москва):

– Уважаемые коллеги, мы выслушали несколько мнений относительно «Замятинской энциклопедии» Т.Т. Давыдовой, в том числе очень строгих. И со многими замечаниями, в первую очередь, с теми, что указывают на фактические ошибки, трудно не согласиться. Возможно также, что сетования по поводу отсутствия тех или иных статей иногда имеют основания, хотя и не всегда: непонятно, например, почему словарная часть энциклопедии должна открываться статьей

«Англичанин», как называли Замятина в его литературном окружении. Называли, ну и что? Почему такая статья непременно должна быть?

Если не говорить о реальных фактических ошибках (а их не так уж и много, судя по отзывам) и не ловить «блох», которых много в любом первом издании (из следующих изданий они обычно изгоняются автором, благодарным строгих рецензентов за то, что они помогли сих «блох» изловить), то мы приходим к выводу о некой субъективности критиков. Так или иначе, но упреки чаще всего состоят в том, что автор упустил тот или иной важный, по мнению оппонентов, аспект жизни и творчества Замятина, дал развернутые статьи о малых произведениях, но не удостоил вниманием те, что значительнее.

Можно говорить и о более существенных вещах, например, о трактовке неореализма: слишком уж широки его границы, и он в интерпретации Т. Давыдовой становится неореализмом «без берегов», если воспользоваться метафорой Р. Гароди. В самом деле, в современном литературоведении существует несколько трактовок этого литературного направления, и автору энциклопедии, вероятно, стоило бы на нем остановиться. Вот и я начал разговор о том, чего нет.

Я думаю, что все недоумения, высказанные в ходе дискуссии, обусловлены жанровым определением труда, предпринятого Т.Т. Давыдовой. Суть в том, что в современном литературном обиходе существуют два типа энциклопедий: созданные академическими институтами, большими научными коллективами, целенаправленно работающими над материалом в течение многих лет; и авторские, написанные одним человеком, взвалившим на свои плечи такой титанический труд. Эти два типа энциклопедий представляют собой совершенно разные жанры. Классическим примером первого может быть «Лермонтовская энциклопедия», главным редактором которой был В.А. Мануйлов и над статьями которой трудились без малого триста авторов. К подобного рода изданиям относится и энциклопедия «Мифы народов мира» под редакцией С.А. Токарева. Эти научные труды, предпринятые большим коллективом ученых, претендуют на максимально возможную полноту и точность.

Мы же сейчас обсуждаем иной жанр – это авторская энциклопедия. В сущности, монография со своим научным сюжетом, просто иначе структурированная. К таким книгам относится, например, «Булгаковская энциклопедия» Б.В. Соколова. Сколько о ней спорили в свое время, сколько ругали – и кто сейчас помнит эти споры? А книга существует, к ней можно обращаться, она достаточно авторитетна.

То же и с книгой Т.Т. Давыдовой. Это ее монография, плод многолетнего изучения творчества Е. Замятина. И для того, чтобы избежать тех претензий, которые ей предъявляются сейчас, нужно было просто иначе определить ее жанр. Назвать ее не «Замятинская энциклопедия», а, скажем, так: «Евгений Замятин. Опыт энциклопедического описания».

А в целом, мне кажется, мы можем поздравить Татьяну Тимофеевну с публикацией очень интересного труда. Книга есть, к ней можно обращаться, на нее можно ссылаться, с ней будут работать студенты, аспиранты, исследователи истории русской литературы XX века. А ошибки все допускают. Что ж...

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю...

Но все же их надо будет исправить в следующем издании.

Шайтанов Игорь Олегович, доктор филологических наук, профессор (г. Москва):

– В отличие от других выступающих, я не готовил ни доклад, ни рецензию. Я просмотрел далеко не всю книгу, поэтому я очень рад, что имею возможность сказать сразу, с чем я принципиально согласен и с чем я принципиально не согласен в ходе нашего обсуждения. Не согласен я с тезисом, что преждевременно издание этой книги. Это отзывается старым советским представлением об энциклопедии как о таком юбилейном, торжественном, академически обязательном, чуть ли не государственном издании, которое забивает последний золотой гвоздь в крышку гроба писателя.

Сейчас представление об энциклопедиях и справочниках совсем иное. Их вышли десятки. Одно только издательство «Просве-

щение» выпустило 15 энциклопедий классиков русской литературы. Другое дело, каков уровень. Я говорю о том, что издавать надо, но я не говорю, что надо издавать плохо. В том же «Просвещении» есть книги безобразные, скажем, энциклопедия «Пушкин», а есть книги очень пристойные, например, энциклопедии «Чехов» или «Толстой». Они просто хорошо сделаны. Бывают удачи в любом жанре, как и произведения, бывают менее или совсем неудачные.

Меняется даже представление о том, нужны или нет энциклопедии. В них есть своя опасность. Позволю себе маленький исторический анекдот. Пришел я к Ираклию Луарсабовичу Андронникову в тот момент, когда он получил верстку «Лермонтовской энциклопедии», которую мы многократно здесь упоминали. Сидит он печальный и листает. Спрашиваю: «Ираклий Луарсабович, а что Вас огорчает?» – «Вот понимаете, что раньше для того, чтобы быть специалистом по Лермонтову, надо было прочесть все, что здесь упомянуто, а теперь человек прочтет энциклопедию и будет считать, что он специалист по Лермонтову». Это мысль не без ощущения опасности и не без глубины. Но я как раз сторонник энциклопедий именно как рабочего жанра. Вот они выходят и их надо издавать.

Но с чем я согласен, безусловно, что данное издание – предварительное, очень предварительное. Я могу пожалеть только об одном, что мы обсуждаем большой многолетний труд Татьяны Тимофеевны не на уровне, скажем, рукописи, а обсуждаем уже вышедшую книгу. Здесь очень много того, что необходимо поправить даже не в отношении фактов и отдельных описаний, а в отношении принципов.

Когда я начал вертеть в руках эту книгу и искать, кто ее редактор, я обнаружил, что у нее нет редактора. Во всяком случае, он не обозначен. Здесь есть рецензент – известный литературовед профессор Солнцева. Мы знаем, как подчас пишутся рецензии: нередко по взаимной договоренности, формально. Я допускаю, что Н.М. Солнцева проделала глубочайшую работу, но в таком случае эта работа еще должна быть продолжена. Издательство «ФЛИНТА» не специализируется на справочной литературе. А это особый жанр,

если не особая профессия. Мне приходилось работать с редакторами – асами энциклопедических изданий. Это была тяжелая работа. Отрабатывались принципы описания, построения статей, принципы построения словника. Это все была предварительная, тщательная, очень профессиональная работа.

Этого профессионализма, безусловно, не чувствуется в данном издании. Оно очень сырое, с массой неточностей уже в выборе формы, статейных жанров. Скажем, важный тип статьи – о произведении. Не так давно с коллективом авторов я делал Шекспировскую энциклопедию. Договариваемся о порядке описания: история текста, источники, сюжет, существующие интерпретации... В справочном издании – пусть и авторском (в данном случае это совершенно не имеет значения!) – предполагается строгая унификация. А что мы имеем здесь? Отсутствуют важнейшие сведения. Открываем статью «Уездное» – сложнейшая издательская история, важнейшая веха в писательской судьбе, а здесь – несколько беглых строчек, в то время как сюжет препарируется со школьной обстоятельностью, едва ли нужной в Энциклопедии, но принятой как принцип описания.

Можно пойти по порядку словника. Открываем на букву «А». «Англичанин» – прозвище Замятина. Есть? Нет. «Англия» – важнейшая для него биографическая и творческая тема. Опять нет даже в словнике! Статья «Анекдот» есть, но какая – куца, фактически исчерпывающаяся цитатой из КЛЭ. Но ведь о жанре анекдота написано так много в последние годы, он так важен при начале советской литературы, когда власть постоянно заказывала эпос, а литература откликалась анекдотом (здесь я пересказываю основную мысль своей собственной статьи об анекдоте как зощенковском жанре [43]).

А вот, переходя к статье «Алатырь» я должен сказать уже об очень принципиальном просчете в описании основных произведений. В первом же абзаце, что для «адекватного понимания» важна «рецепция в повести философских идей “Легенды о Великом инквизиторе” Ф.М. Достоевского, положений соловьевской софиологии и эсхатологии, а также розановской “религии пола”». И далее на 10 страницах об этих идеях, впрочем, в основном о Владимире Соловьеве.

Почему, откуда взялся Соловьев? То есть элементарные законы компаративного анализа проигнорированы полностью: читал ли Замятин Соловьева, высказывался и о нем, есть ли другие свидетельства? Нет ответа. Есть бесконечный и единственный аргумент: посмотрите, как похоже. Да, похоже не на Соловьева в основном, а на его идеи, усвоенные и многократно повторенные в русском символизме, который, собственно, и важен. Но ведь в этой замечательной повести, входящей в магистральный сюжет раннего творчества Замятина («Уездное» – «Алатырь» – «Мы») – от русского мифа к мировой утопии/антиутопии, есть масса всего другого, иной символики: алатырь-грааль, грибы и проч.

Справочное издание не исключает введения авторских концепций, но лишь в том случае, если они даны в параллель к другим существующим. На правах, так сказать, одной из гипотез. Бесконечно Т.Т. Давыдова возвращается к любезной ей концепции неореализма, но одно дело написать статью на эту тему, даже книгу, но не в справочном издании. Избыточность, с которой в Энциклопедии предлагается свое при недостатке объективной подачи фактов, мнений, концепции, при лакунах библиографии – серьезнейший просчет.

В связи с библиографией скажу лишь об одном случае. В списке литературы к роману «Мы» отсутствует сборник, составленный Бреттом Куком (Brett L. Cooke) и занявший целый выпуск канадского славистского журнала: *Canadian-American Slavic Studies* 45 (2011). Этот сборник пришел на смену как пособие по роману для западных университетов, чтобы продолжить (и заменить) прежний сборник, составленный Гэри Кёрном (Gary Kern, 1988). Мы любим печаловаться, что нас недостаточно замечают в пространстве мировой литературы, а когда такое признание есть, мы сами его не хотим замечать. Тем более в справочном издании!

Я снова скажу – и не для красного словца или чтобы подсластить критическую пилюлю: Татьяной Тимофеевной проделана огромная работа, на которую она решилась в одиночку. Это ее право, но обсудить сделанное было бы лучше до публикации. Это пошло бы на пользу авторскому проекту и все-

му сообществу людей, для кого интересен Евгений Замятин.

Кук Бретт (Cooke, Leighton Brett), доктор филологических наук, профессор (г. Колледж Стейшен, Техас, Соединенные Штаты Америки):

— Давным-давно, когда я учился в аспирантуре и выбирал тему для своей диссертации, я изучал литературу и научное пособие о Пушкине, на основе которых я мог бы вести общее исследование о творческом процессе. В моем распоряжении было Большое академическое издание почти всего того, что Пушкин написал. Составители внимательно переписывали все сохранившиеся черновики, включая даже слова, которые в них Пушкин стирал. Я купил экземпляр библиографии Б.Л. Модзалевского всех книг и отдельных страниц, прочитанных поэтом (при Пушкине надо было вырезать страницы ножом, чтобы читать их) [44]. В десятитомном издании Б.В. Томашевского были изданы все заметки, которые Пушкин писал на полях страниц имеющихся у него томов Батюшкова и других современных поэтов [45]. Даже был издан «Словарь языка Пушкина» [46]. Как известно, уже существовала огромная литература о поэте и его творчестве. Ничего мне не надо было искать или специально собирать; приходилось лишь читать этот очень богатый материал. Так как это все было издано, я мог это делать дома или в своей университетской библиотеке. И в этом состоит цель культурно-образовательной цивилизации: мы помогаем стране, страна помогает нам.

Десять лет спустя, когда я серьезно заинтересовался романом Е.И. Замятина «Мы», положение было совсем иным: не было никакого академического издания романа, а только чеховское издание 1952 года и некоторые переводы на иностранные языки. К тому же, в 1924 году переведена на английский язык не та же самая редакция романа, которая издана в Нью-Йорке [См. в: 47]. Не было (и почти нет еще) никаких черновиков, даже точно никто не знал, когда, как, где и зачем Замятин писал свой роман. Кроме короткой биографии Д.Дж. Ричардса, была ценная диссертация Алекса М. Шэйна, который действительно собрал огромный материал о писателе [48; 49]. Но все-таки зарубеж-

ные ученые, включая много профессоров англистики, которые преподавали научную фантастику, пытались оценить и истолковать роман, читая сам текст, обычно в переводе, без помощи соотечественников писателя. Роман, конечно, был запрещен тогда в Советском Союзе. В полной академической библиографии, которую я собирал в 2011 году, половина исследований о романе «Мы» была написана за границей [50]. Но иногда даже трудно было искать эту литературу. Фамилия писателя пишется на западе как “Zamiatin”, “Zamjatin” и “Zamyatin”.

На фоне такой «средневековой» истории я получил большое удовольствие перелистывать новую Энциклопедию Замятина, написанную Т.Т. Давыдовой [1]. Теперь для специалистов в одном (огромном) томе сосредоточено много важного и нового. Интересно, к примеру, было узнать, что театр Эйзенштейна готовил инсценировку романа до того, как он должен был выйти в печати – и был запрещен [1, с. 345].

Давыдова восстановила раннюю историю романа: кому и точно когда Замятин публично читал отрывки рукописи и кому еще было известно, что он писал в то время (она цитирует дневники и письма знакомых писателя); интересно проследила историю о том, как Замятин старался издать произведение в Советском Союзе, потом за границей [1, с. 328-330]. Чтобы понять, зачем автор начал писать роман «Мы», Давыдова, как М.Ю. Любимова, обращается к философским интересам Замятина [51]. Она замечает много сходных мест в тексте и в его статьях того времени, из которых видно было глубокое влияние Гетевского «Фауста» [1, с. 334-337]. Особенно интересно прочитать о том, что мало доступно зарубежным исследователям, против кого же была направлена сатира Замятина, – Алексея Гастева и Пролеткульта. Давыдова очень внимательно описывает стиль романа, замечая сходные места в его лекциях о литературе [1, с. 342-343]. Ее статья о романе «Мы» – отличное введение для студентов, изучающих русскую литературу. Я сам очень заинтересовался ее сравнением антиутопической литературы с классическим романом [1, с. 53].

Тем не менее, мне кажется, что между нами, зарубежными и русскими исследовате-

лями, все еще стоит какая-то «Зеленая Стена», и поэтому наше понимание романа «Мы» не совсем полное. Хотя в Энциклопедии цитируются заграничные книги и статьи, Давыдова, кажется, мало пользуется нашими новыми публикациями. Последняя иностранная цитата – из 1995 года. Нет полной истории романа без статьи Юкио Накано о том, как роман почти исчез после смерти писателя в 1937 году; поэтому Орвелл читал его в французском переводе, не зная о переводе Зильбурга, и мечтал сделать новый английский перевод с Глебом Струве [31]. Моя монография, например, единственная на Западе, полностью посвященная роману, толкует его с точки зрения антропологии, обращена к человеческой натуре, которая является центральным инструментом осмысления утопической и антиутопической литературы [52]. Психология и антропология вообще отсутствуют в Энциклопедии, но Давыдова приводит убедительные доводы, что Замятин «отверг <...> представление о равенстве генетического потенциала» [1, с. 344]. К тому же, невозможно понимать утопическую литературу, как пишет Сара Стефани, не читая «Государство» Платона [53]. И русским читателям было бы интересно посмотреть подробные примечания к каждой Записи романа Роберта Расселла [54].

Как уже отмечено, журнал “Canadian-American Slavic Studies” издал специальный выпуск о романе, включая исследования зарубежных и русских специалистов. Нами, например, доказано, что не D-503, а I-330 [47, с. 415-416] «делает верные философские выводы о бесконечности пространства, о нескончаемости исторического развития» [1, с. 335]. И в другой статье того же номера мы формулируем мысль о том, что развязка романа пока еще нерешенный вопрос. Ответ на него еще предстоит найти исследователям. Правда, как написано и в энциклопедии, D-503 «выбирает счастье», но он почти сразу изменил свое решение и избегал Великой Операции; немного позже «взяли» и «отвезли» его. После операции, не надо доверять словам D-503 в 40-й Записи. Давыдова пишет о «трагической гибели повстанцев», но борьба за Единое Государство продолжается в центре города в конце романа [1, с. 181]. Как замечает сама Давыдова в своем огромном

труде, Замятин изобразил более положительную сцену в своем киносценарии «Д-503» [1, с. 180-181 и 55].

Как литератор Замятин старался познакомить русских читателей с английской литературой, и позже, во Франции, – западных зрителей с русской драмой. И его роман впервые был издан в Нью-Йорке, потом в разных западных городах. Нам важно продолжать его работу. Хотя теперь гораздо больше специалистов занимаются романом «Мы» на родине писателя, после разрушения политической стены, все-таки необходимо еще, чтобы не просто нашлась «половина, какую мы потеряли <...> нужно, чтобы половины соединились» [56, с. 247].

Ванюков Александр Иванович, доктор филологических наук, профессор (г. Саратов):

– Речь идет об авторской энциклопедии – «Замятинской энциклопедии» Т.Т. Давыдовой, которая недавно вышла в московском издательстве «Флинта». Десять лет тому назад в материалах Международного конгресса литературоведов, посвященного 125-летию Е.И. Замятина (Тамбов, 2009), была опубликована статья Т.Т. Давыдовой «Об итогах изучения творческого наследия Е.И. Замятина и проекте Замятинской энциклопедии», наметившей генеральную линию современного замятиноведения. Впереди была напряженная и плодотворная научная работа, многочисленные публикации, монографии и, главное, неутомимая работа над содержательной концепцией Замятинской энциклопедии, которая теперь – во всем величии и красе – предстала перед читательской аудиторией.

«Замятинская энциклопедия» – это авторский труд, который дает полный, почти всеобъемлющий свод знаний (справочных статей) о жизни и творчестве Е.И. Замятина, замятинском времени, замятинском пространстве, замятинском художественном мире.

Т.Т. Давыдова последовательно выстроила и талантливо выписала мощную научную концептуальную модель своего труда именно как Энциклопедии.

«Замятинская энциклопедия» в полном соответствии со стандартом этого типа издания открывается вступительной статьей, авторским обращением «К читателям», опре-

деляющим план, программу, структуру и аппарат энциклопедии.

Основной, самой масштабной, мощной частью энциклопедического труда Т.Т. Давыдовой предстает алфавитная словарная часть, насчитывающая сотни словарных статей от А до Я и S. В энциклопедии все держится на словарной статье: она – мера и показатель научной информации и культуры. В последовательном чтении материалов этой части, прежде всего, выделяются по полноте, убедительности, стройности изложения статьи, характеризующие художественные произведения, театральные постановки, кинематограф, литературное окружение Е. Замятина. Назову особенно понравившиеся статьи (их много): «Алатырь», «Атилла» – трагедия, Ахматова А.А., «Бич Божий», «Блокноты», Горький М., Григорьев Б., Гумилев Н.С., Драматургия, «Ёла», «Завтра», Замятин – теоретик неореализма, Замятина Л.Н., Замятина М.А., «Землемер», «Знамение», Зощенко М.М., Иванов В.В., Каверин В.А., «Кряжи», «Мамай», «Мы», «На куличках», «Наводнение», Новиков И.А., «Общество почетных звонарей», «Островитяне», «Пещера», «Пиковая дама», Пильняк Б.А., «Полудница», «Рассказ о самом главном», «Р.Б. Шеридан», «Русский современник», «Русь», «Серрапионовы братья», «Сказки про Фиту», «Современная русская литература», «Старшина», Театральные постановки, «Уездное», К.А. Федин, «Французский кинематограф», «Халдей», «Часы», «Чрево», «Чудеса, или нечестивые рассказы», Чуковский К.И., Экранизации, Эмиграция. Как видим, это прочные «канаты», которые и держат все пространство основной части от начала до конца.

Существенным достоинством «Замятинской энциклопедии» как персональной литературной энциклопедии является системность, стремление к всеохватности материала и вместе с тем внутренняя четкость справочной конструкции, выверенная и действенная периодизация жизни и творчества Е. Замятина. Каждое произведение маркируется по времени создания и жанру. Читатель получает содержательное, развернутое представление о замятинском творчестве всех трех периодов: первого, дореволюционного, второго – двадцатых годов (1917–1929/31) и третьего, эмигрантского. Впервые так полно и рельефно

предстали творческая жизнь, произведения Замятина периода революции и гражданской войны, да и последнего, зарубежного периода.

«Замятинская энциклопедия» – яркий пример авторской энциклопедии, и широкая концепция русского неореализма XX века Т.Т. Давыдовой отчетливо и властно, в большой мере присутствует на страницах энциклопедии. Читаем лекционные/реферативные статьи «Возникновение неореализма», «Идейно-жанровое своеобразие прозы Замятина, Шмелева, Горького на тему религиозной веры и церкви», «Историческая тема в прозе и кинодраматургии Замятина, Чапыгина и Шишкова 1930х гг.», «Концепция бытия в творчестве Замятина конца 1910–1920-х годов», «Модернизм – и творчество Замятина», «Новый этап неореализма (1930-е годы)». Читатель должен верить: «Как теоретик неореализма, З. также опирался на концепцию модернизма, предложенную А. Белым <...> Реализм... не *realis*, а *realiora*» [1, с. 86], «неореалистическое идейно-стилевое течение – относится к русскому модернизму» [1, с. 374], «М.М. Пришвин – писатель-неореалист» [1, с. 486]. «Проблематикой и поэтикой «Кашеева цепь» близка роману «Мы» [1, с. 488], «Дневник Пришвина – гражданский подвиг писателя-неореалиста, философа и наследника «чистого искусства» [1, с. 488]; «Сергеев-Ценский С.Н. – тяготел к модернизму. Тема «Жестокости» – эвакуация красных из Крыма и гибель в пути большевистских комиссаров от рук кулаков», «В конце 1920-х годов Сергеев-Ценский принимает происходящие в стране реформы» [1, с. 539 – стиль]; «Тренев К.А. – «публицист-неореалист» [1, с. 592], пьеса «На берегу Невы» – «Автора подобных произведений уже нельзя считать неореалистом» [1, с. 593]; Чапыгин А.П. – «драматург-неореалист» [1, с. 652], «одаренный писатель-неореалист» [1, с. 633]; Шишков В.Я. – «неореалист» [1, с. 655], «произведения писателя-неореалиста» [1, с. 657].

Станным, неубедительным (скажем, дискуссионным) выглядит в Энциклопедии Замятин дионисийствующий, Замятин аполлонический. В этом ключе рассматриваются многие произведения и герои/персонажи писателя (например, I-330, R-13).

Органической составной частью энциклопедии выступает «Летопись жизни и творчества Е.И. Замятина» [1, с. 686-715], написанная с опорой на богатейший биографический материал и выстраивающая целостный образ жизненного пути и судьбы писателя. Такая Летопись может быть основой и академической научной биографии, и романического жизнеописания Евг. Замятина.

Завершают мощный корпус «Замятинской энциклопедии» солидный список «основной литературы», насчитывающий 283 источника, и уникальный «Указатель статей» [1, с. 732-742], естественно венчающий структуру энциклопедического целого.

То, что сделала Т.Т. Давыдова, – научный подвиг, но останавливаться на этом не надо. Впереди – работа над второй редакцией, вторым изданием «Замятинской энциклопедии» (нынешнее можно считать пробным изданием – тираж всего 300 экземпляров). Можно (и нужно) скорректировать состав словарной части (зачем, например, статья «Смерть?»), укрупнить масштаб рассмотрения/интерпретации основных, программных (школьных, вузовских) произведений писателя, гармонизировать объемы словарных статей (большие, средние, малые) и, несомненно, обогатить Энциклопедию иллюстративным материалом (сейчас поразительная бедность).

Читательская благодарность Автору «Замятинской энциклопедии»!

Кольцова Наталья Зиновьевна, кандидат филологических наук, доцент (г. Москва):

– Уже более трех десятилетий творчество Е. Замятина является неотъемлемой частью русской классической литературы: роман «Мы» входит в школьную и вузовскую программы, более того, в высших гуманитарных заведениях замятинское наследие изучают в рамках различных курсов – истории Серебряного века, отечественной литературы двадцатых–тридцатых годов, сравнительного литературоведения. Сегодня произведения Замятина исследованы, пожалуй, не менее разносторонне и основательно, чем проза М.А. Булгакова или В.В. Набокова, – об этом свидетельствует количество кандидатских и докторских диссертаций, монографий и статей, посвященных творчеству писа-

теля. Тем более удивительно, что энциклопедия, помещающая имя писателя в широкий историко-культурный и литературоведческий контекст, предложена вниманию читателя только сейчас: опубликованная в 2004 году «Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст. Материалы, исследования, документы, справки» при всей глубине проработки эмпирического материала решает сугубо региональные задачи и не претендует на всеохватность (создатели этой энциклопедии сосредоточены прежде всего на рассмотрении тамбовско-лебедянских корней художественного мира писателя, его родословной и на других разновидностях реального и словарного комментария, позволяющего прояснить значение тех или иных слов и понятий – в том числе названий сортов яблок, тех или иных кушаний и других тамбовских и лебедянских реалий, упоминающихся в произведениях Замятина).

Рецензируемая энциклопедия ориентирована на проблемы более крупного масштаба и являет собою полное и комплексное исследование жизни и творчества писателя: она не только содержит биографические сведения о Замятине и его окружении – друзьях, знакомых, братьях по перу, но и предлагает разноракурсное осмысление его произведений, воссоздает их связи с русской и зарубежной литературой, а также с живописью, театром, кинематографом. Кроме того, энциклопедия дает сведения о состоянии современного замятиноведения, включающего в себя самые разнообразные методы и исследовательские алгоритмы (это может быть и историко-функциональный подход к изучению творчества писателя, и традиции мифологической школы, позволяющей обнаружить инвариантные мотивы и образы – некую мифическую матрицу произведений).

Особо значимыми и убедительными представляются статьи, связанные с рассмотрением мировоззренческих истоков замятинского мифотворчества, основанного на переосмыслении центральных мифологем Серебряного века (прежде всего восходящих к работам Ф. Ницше и В. Иванова понятий аполлонического и дионисийского типов культуры), а также интересным образом преломляющего научные теории и концепции (в частности учение Р.Ю. Майера и его последо-

вателя В. Оствальда, раскрывшего философское значение второго начала термодинамики, или закона рассеяния энергии). Так, в статье «Аполлоническое и дионисийское, энергия и энтропия» доказательно показано, что Замятин расширяет культурологические концепты до неких универсальных законов человеческого существования и соотносит их с научными понятиями (при этом, как подчеркивается в энциклопедии, «писатель не употребляет термины “аполлоническое” и “дионисийское”» [1, с. 56]. Однако, как нам кажется, при составлении оглавления следовало учесть алгоритм поиска по «ключевому слову», поскольку неподготовленный читатель, заинтересовавшийся замятинским прочтением понятия «энтропия» (или «энергия»), может не догадаться соотнести его с категориями аполлонического или дионисийского (указатель статей не дает возможности выйти на нужную философию и содержит ссылку лишь на замятинскую работу «Энергия»).

Не меньшее внимание в энциклопедии уделяется проблемам художественных особенностей творчества писателя – специфике стиля, жанровому своеобразию его прозы и драматургии; при этом органично совмещается анализ отдельных произведений и образов персонажей с рассмотрением универсальных свойств поэтики Замятина – вниманием к сказовому слову, орнаментальной технике, жанру сказки. Более того, весьма убедительным и обоснованным выглядит включение в книгу статей, посвященных проблемам общетеоретического порядка: действительно, без рассмотрения таких категорий, как «модернизм» и «неореализм», немислимо было бы истинное понимание творческих установок писателя, выступающего в роли теоретика нового искусства. Однако при том, что множество оригинальных, интересных, а подчас и полемичных наблюдений предложено именно в связи с рассмотрением понятия неореализма, сама компоновка данного материала, на наш взгляд, оказывается не вполне логичной: так, если связь неореалистического метода и неомифологизма раскрывается в статье «Неореалистическое идейно-стилевое течение», то проблема взаимодействия неореализма и акмеизма рассматривается в статье под названием

«Возникновение неореализма». Затрагивается и проблема соотношения замятинской теории неореализма (синтетизма) с тем пониманием неореалистического метода, которое было предложено В.М. Жирмунским (статья «Замятин – теоретик неореализма»). Кроме того, в книге есть и статья – «Новый этап неореализма», в которой доказательно показано, что в литературе 30-х гг. XX века синтез реализма и символизма обретает иные свойства, предопределенные вытеснением из литературы метрополии философско-художественных исканий Серебряного века. Понимая стремление автора книги объемно представить историю и теорию вопроса, отметим, однако, что подобное распределение материала, связанного с рассмотрением одного, пусть и очень неоднозначного и при этом эволюционирующего понятия, по нескольким разделам затрудняет восприятие авторской концепции. Думается, в изданиях такого рода следует в первую очередь учитывать алфавитный принцип организации, способствующий быстрому поиску необходимой информации.

Тем не менее, в целом композиция книги тщательно выверена и глубоко продумана и не только привлекает внимание к основным узлам замятиноведения, но и предугадывает возможные вопросы даже неподготовленного читателя.

Среди несомненных удач данной книги – установление точек соприкосновения поэтики Е. Замятина как с литературной традицией, так и с различными видами искусств. При этом Т. Давыдова не ограничивается рассмотрением случаев сотрудничества Замятина с тем или иным деятелем искусства, выявлением сугубо тематических перекличек между творчеством писателя и произведениями Б. Кустодиева, Б. Григорьева и др., но и определяет общие мировоззренческие и художественные черты их художественных систем. Так, с Кустодиевым писателя объединяет «патриотизм, доскональное знание патриархальной провинциальной России» [1, с. 289], с Б. Григорьевым – принадлежность Петербургу и петербургскому искусству («Петербург – город графический. Весь он – карандаш. Григорьев – петербургский художник...» [1, с. 175], – приводит Т. Давыдова слова писателя. В центре внимания автора энциклопе-

дии закономерно оказывается и проблема неоднозначного отношения Замятина к кинематографу, о чем позволяют судить высказывания писателя, приведенные в разделах «Кинематографические параллели» и «Кино», посвященных одноименным работам писателя. Однако статья «Французский кинематограф» открывает читателю «незнакомого» Е. Замятина – талантливого сценариста, причастного к становлению европейского кинематографа и к процессу взаимодействия русской и западной культуры: по сценарию писателя был снят фильм «На дне», ставший подлинным событием в культурной жизни Франции. Опираясь на исследования Б.Д. Харви, Р. Янгирова, А. Шейна, Т.Т. Давыдова раскрывает отношение писателя к кино не только как к способу заработка, но и как к искусству, родственному его писательской технике. В качестве доказательства автор энциклопедии приводит характерное высказывание самого писателя: «Метод “вспышки” вместо повествовательной экспозиции – метод, который вы найдете во всех моих книгах <...>. В сущности, вся моя литературная работа была кинематографической; я никогда не объяснял, я всегда показывал и намекал» [1, с. 619].

В целом «Замятинская энциклопедия» выходит за рамки компендиума наиболее авторитетных положений современного замятиноведения и четко обозначает позицию автора по целому ряду научных вопросов, а потому являет собою не только богатое справочное издание (чему способствует и обширная библиография), но и значимый и оригинальный историко-литературный труд, вносящий вклад в изучение творчества писателя в современном отечественном литературоведении. Книга, столь рельефно представляющая многогранную индивидуальность одного из самых интересных и ярких русских писателей XX века, безусловно, привлечет внимание и специалистов, и широкого круга читателей.

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент (г. Тамбов):

– Выпущенное в 2018 году справочное издание «Замятинская энциклопедия» продолжает серию подобных изданий, предпри-

нятых российскими литературоведами. Уже издавались «Лермонтовская энциклопедия» (под ред. В.А. Мануйлова), «Булгаковская энциклопедия» (под ред. Б.В. Соколова), «Энциклопедия литературных героев» (под ред. С.В. Стахорского), «Пушкинская энциклопедия» (под рук. С.В. Чистовой) и др. Поэтому выход замятинского справочника – необходимый и закономерный этап в развитии истории русской литературы. Автор энциклопедии, Т.Т. Давыдова, проделала большую и скрупулезную работу, которую, видимо, осуществляла очень давно (судя по годам ее обращения к творчеству писателя) и попыталась объединить труды многих литературоведов, четверть века неустанно изучающих наследие уникального прозаика, драматурга и киносценариста. И хотя издание выпущено тиражом всего в 300 экземпляров, его электронный вариант вполне заполнит справочно-информационное поле, к которому в случае необходимости обратится рядовой читатель. В энциклопедию вошли вехи жизненного пути Замятина, его общественно-литературная деятельность, творчество, личные и общественные связи, подробно описаны философско-эстетические поиски. Составителя трудно упрекнуть в нестарательности и отсутствии любви к выбранному объекту поиска.

И первое, что особенно следует отметить в энциклопедии, – емкое описание художественной системы – «неореализма» Е. Замятина. Еще до Замятина Р.В. Иванов-Разумник, М.А. Волошин, Г.И. Чулков определяли это явление как «новый реализм» или «обновленный реализм», и только Замятин ввел в обращение термин «неореализм». После стольких лет обращения к маленьким статьям о «неореализме» Замятина других литературоведов в энциклопедии более четко высветились эстетические принципы и исторические контуры нового течения. Остается только добавить: явление и замятинский термин стали настолько распространены, что ими щеголяли в 1920-е годы совершенно далекие от «Серапионов» пролетарские критики. Г.В. Якубовский, теоретик «Кузницы», например, назвал статью о С. Малашкине с его скандальной «порнографической» повестью «Луна с правой стороны, или Необык-

новенная любовь» – «Психологический неореализм Сергея Малашкина» [57].

Всякая энциклопедия своим названием претендует на полноту, бесстрастность и системность материала. Между тем, данное издание не избежало некоторых недостатков, а иногда и сумбурности в изложении фактов из творчества столь сложного и противоречивого художника.

Уже в аннотации ощущается пафос, с каким исследователь «любуется» масштабно замысленным трудом: это «первое в мире справочное издание, основанное на полном исследовании Е.И. Замятина». Возможно, Т.Т. Давыдова имела в виду первое российское издание, так как Замятин является, во-первых, русским писателем, во-вторых, иноязычный автор вряд ли взялся бы за подобное издание, – по крайней мере, случаев таких мы не встречаем, – он никогда не поймет до конца тонкости и филигранности языка, каким пользуется носитель языковой культуры. Исследовательница, как видим, расставляет и «все точки над i»: ее труд основывается «на полном исследовании Е.И. Замятина»; получается, что то ли все работы успел охватить автор книги, то ли практически нечего исследовать далее, а истиной, что «большой художник неисчерпаем», можно пренебречь. Коробит в аннотации и адресат, которому предназначается справочник: «Энциклопедия заинтересует всех любителей отечественной литературы». У любителя, хочу заметить, свои личные, любительские пристрастия в литературе, и уж литературный сказ или философский роман-антиутопия вряд ли заинтересует любителя бульварного чтения. Иными словами, «любитель» вряд ли пожелает перегружать свой мозг в часы досуга.

Выпирает и тормозит непосредственный переход к статьям огромное количество сокращений, причем таких, которые каждый мало-мальский образованный человек понимал бы и без столь кропотливого перечисления. Как правило, сокращения в энциклопедических изданиях идут в конце книг или томов. Кроме того, некоторым распространенным и всем понятным жанрам (анекдот, сказка, рассказ) даются определения, а вот такое непростое и модное явление 1920-х годов, как сказ, объяснено куче и неубедительно.

Долей эклектики пронизана статья о работе Ф. Ницше «Происхождение трагедии из духа музыки» и о законах термодинамики – естественнонаучные открытия об энергии и энтропии. Безусловно, модернизм Замятина в этом и заключается, но смешивать в одну статью понятия из разных областей науки есть огромная натяжка. Думается, автору следовало бы показать ницшеанство как мировоззрение, а законы термодинамики – в качестве модернистской метафоры, художественной формы отношения к миру.

Неприкрыто-научным подходом выделяются отдельные статьи, написанные, видимо, до этого издания и переработанные. Напр.: 1) «Идейное и жанрово-стилевое своеобразие прозы Е.И. Замятина, М. Горького на тему религиозной веры и церкви»; 2) «Историческая тема в прозе и кинодраматургии Е.И. Замятина, А.П. Чапыгина и В.Я. Шишкова 1930-х годов». Для «любителей отечественной литературы» такие научные определения не совсем подходят. От энциклопедичности «любителя отечественной литературы» оттолкнет и такая статья, как «Концепция бытия в творчестве 3. конца 1910–1920-х гг.» Тем более, что эта «концепция бытия» описана в статье о Ницше и термодинамике. Встречаются и другие повторы: как мне кажется, не надо было второй раз подавать пьесу «На дне», раз она описана в предыдущей статье. Выразительней бы смотрелся фотоиллюстративный материал – ведь на всю энциклопедию приходится не более 6–7 некрупных фотографий.

Очень скупо, по моему мнению, написана статья «Записки мечтателей», в которой автор пишет, что «<“ЗАПИСКИ МЕЧТАТЕЛЕЙ”> – набросок ст. 3. (1921, опубли.: *Замятин*. Соч.-1. Т. 4. С. 13-14, публ. А.Н. Тюрина). Возможно, что ст. имела отношение к журн. «3. м», первый выпуск к-рого вышел в окт. 1919 г. Однако в данном тексте существенны идейные переклички с программной ст. 3. 1919 г. «*Завтра*». Ни здесь, ни далее составитель энциклопедии не выяснил, какую работу вел Замятин в этом альманахе, кроме той, которая обозначилась памфлетом «Тулумбас. Послание Замутия, Епископа Обезьянского» в №№ 2, 3, описанным, между прочим, в другой статье энциклопедии.

Абсурдно звучит статья «Смерть». Чего только ни предположишь за этим емким определением: и эстетическую концепцию, и художественное произведение, и физиологический очерк. На поверку оказывается все просто: исследовательница в отдельную статью выделяет ничем не примечательные обстоятельства смерти писателя, которые могли бы войти в его биографию, опубликованную (по годам) в конце энциклопедии.

И последний, но самый важный недостаток видится мне в справочнике (раз уж издание названо справочником): читатель вправе требовать от него полного перечисления того, что издано в современной России, – тем более, когда это касается не келейной работы, а трудов большого количества исследователей творчества Замятина. В справочнике ничего не сказано о работе Замятинского Центра в Тамбове и Ельце: проводимых им международных конференциях, по материалам которых была выпущена серия сборников в 14 томах: «Е.И. Замятин: взгляд из сегодня». Не включен в энциклопедию и такой крупный петербургский сборник, как «Е.И. Замятин: pro et contra, антология / сост. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой, вступ. статья Е.Б. Скороспеловой. СПб.: НП «МОПО «Апостольский город – Невская перспектива», 2014». Из этих больших и напряженных трудов русских и зарубежных литературоведов лишь некоторые работы вошли в библиографию «Замятинской энциклопедии». Хотелось бы, чтобы в переиздании энциклопедии автор особенно учел последнее замечание.

Червинская Ольга Вячеславовна (Червіньска О.В.), доктор филологических наук, профессор (г. Черновцы, Украина):

– Впечатление от энциклопедии разное. Следы поспешности видны невооруженным глазом. Например, почему именно А. Платонов, в отличие от других, здесь не удостоился развернутого именованья (одни инициалы)? Кроме того, мне как теоретику совсем не понравились попытки определения эпических жанров «по размеру» – большой эпический жанр, малый эпический жанр, средний... Впечатления целостности и безукоризненного соответствия жанру Энциклопедии не сложилось.

Но, конечно, собрать вместе много полезного – это всегда найдет своего читателя.

Толмачева Оксана Васильевна, кандидат филологических наук (г. Тамбов):

– Символично, что в преддверии юбилейного года Замятина увидела свет «Замятинская энциклопедия» [1], созданная одним из ведущих российских замятиноведов Т.Т. Давыдовой. По охвату материала, а также по объему названное издание представляет собой фундаментальный труд, работа над которым велась на протяжении многих лет.

Надо заметить, что создание справочной литературы (словарей, справочно-библиографических указателей, комментариев к произведениям) давно стало важнейшей частью исследовательской работы в замятиноведении, которая, в известной мере, имеет итоговый характер, поскольку обобщает работу по изучению творчества писателя на том или ином этапе.

В замятиноведении уже имеется опыт создания энциклопедии. В 2004 году тамбовские и елецкие исследователи осуществили проект «Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст» [17]. Коллектив авторов поставил перед собой задачу осветить именно лебедянский контекст творчества писателя, в связи с чем в издании «нашли отражение история среднерусского края, его святоотеческие традиции, топография и этнография, географические приметы и специфический язык, родословная Замятина и его лебедяское окружение» [17, с. 14].

Более амбициозные задачи поставил перед собой автор новой энциклопедии. Согласно издательской аннотации это «первое в мире справочное издание, основанное на полном исследовании жизни Е.И. Замятина (1884–1937) и разных сторон его творчества: всех художественных произведений и статей, мировоззрения и поэтики, окружения Замятина <...>» [1, с. 3]. Задача на самом деле представляется чрезвычайно сложной и трудноисполнимой одним автором. Но, на наш взгляд, получилось интересное справочное издание, которое смогут использовать в своей работе как начинающие, так и опытные замятиноведы.

Материал в Энциклопедии подан в алфавитном порядке без тематического деления.

Есть статьи, посвященные фактам биографии, художественным произведениям писателя, его литературной критике и публицистике, описаны персонажи «центральных вещей» [1, с. 6]. Большое внимание уделяется творческому окружению Е.И. Замятина и, таким образом, его личность и творчество на страницах Энциклопедии вписывается в контекст эпохи. На страницах издания определены основные теоретические дефиниции, связанные с творчеством прозаика.

Тем не менее, хотелось бы поделиться двумя сомнениями. Вероятно, что издание выглядело бы более выигрышно, если бы в нем было представлено многообразие подходов в замятиноведении. Например, к проблеме решения вопроса о природе творческого метода писателя. Так, в научной литературе существуют как минимум два подхода к решению этой проблемы, что не нашло отражения в энциклопедии⁶. Л.В. Полякова и В.Н. Евсеев в своих работах отстаивают реалистическую доминанту творчества писателя, в то время как автор новейшей энциклопедии и М.А. Хатямова последовательно говорят о модернистском начале [58–61]. Конечно, энциклопедия не ставит задачей решение дискуссионных вопросов, но, вероятно, должна учитывать многообразие подходов. Представляется, что некоторые вопросы можно было бы снять, введя отдельную статью, посвященную современному состоянию замятиноведения.

Отдельно надо отметить раздел «Основная литература о жизни и творчестве Е.И. Замятина». Здесь собраны наиболее значимые работы, посвященные жизни и творчеству писателя разных лет, но самое «свежее» исследование, нашедшее место в списке, датировано 2012 годом. Таким образом, наблюдается некий провал в исследовании творчества писателя, что на самом деле не верно. Конечно, надо констатировать факт, что произошел спад публикаторской активности по творчеству писателя, но интерес существует, творчество Замятина продолжает привлекать внимание исследователей, в замятиноведении появляются новые имена, расширяется тематика исследовательских работ. По имеющимся у нас сведениям за

период с 2012 года до момента издания Энциклопедии было опубликовано порядка 300 работ, посвященных творчеству Е.И. Замятина.

Но, повторимся: энциклопедия состоялась. Ее выход – это своего рода индикатор, подтверждение, что замятиноведение в России продолжает развиваться, и что оно перешло на качественно новый виток освоения творчества писателя, связанный с систематизацией и обобщением.

Гольдт Райнер (Goldt Rainer), доктор филологических наук, профессор (г. Майнц, Германия):

– Не иначе чем чудом можно назвать выход такого капитального труда в наши дни, когда и в сфере гуманитарных наук переход к крупным проектам с целыми штабами сотрудников на базе грантов все чаще и чаще кажется единственным путем осуществления основополагающих работ, – подчеркнул немецкий ученый. – Если назвать Татьяну Тимофеевну подвижницей (или, если дозволено процитировать слово самого Евгения Ивановича, «сподручницей») современной филологии, то старомодность выражения здесь, однако, только стилистическая. На самом деле этот блестящий труд многих лет жизни признанного как и в России, так и за рубежом исследователя лишь подтверждение слов физика и лауреата Нобелевской премии Вернера Гейзенберга о том, что даже на его попрание, традиционно требовавшем коллективных усилий, и в XXI веке творческая работа без самостоятельно мыслящей личности невозможна.

Уникальное сочетание богатейшей фактографии, тщательного источниковедения и тонкой интерпретации делают эту энциклопедию не только интеллектуальным открытием, но и незаменимым фундаментом для всех нас, старых, молодых и будущих замятиноведов и историков русской истории литературы первой половины XX века.

От всей души желаю этой книге широчайшего распространения и заслуженного внимания в международном ученом сообществе. Не часто дана человеку уверенность, что он сумел создать произведение, никогда не *потеряющее* (сознательно образуя причастие настоящего времени от глагола со-

⁶ См., например, статью Энциклопедии «Неореалистическое идейно-стилевое течение» [1, с. 372–383].

вершенного вида, потому что он здесь уместен!) свою ценность и значение. Поздравляем Вас, Татьяна Тимофеевна!

Заключительное слово ведущего состоявшейся дискуссии Поляковой Ларисы Васильевны:

— Уважаемые коллеги!

В своей еще не завершенной монографии «Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника» я обращаю внимание своего читателя на то, что в конце 2018 года в издательстве «ФЛИНТА» (именно так пишет его название само издательство) вышла «Замятинская энциклопедия», составленная одним из широко известных специалистов в науке о Замятине доктором филологических наук Т.Т. Давыдовой [1]. «Профессором Московского политехнического университета, — констатирую я, — осуществлена попытка сделать то, что под силу лишь авторскому коллективу. Учитывая особую сложность творческой индивидуальности писателя, его мирозерцательных исканий, творческой судьбы, пути в литературе, разноголосицу литературно-критических оценок в его адрес, неясность многих биографических и творческих ситуаций, можно сказать, что Т. Давыдовой осуществлен, образно говоря, профессиональный *марш-бросок*, сопряженный, как это бывает в таких случаях, с риском». И риск этот оказался реальным.

Сегодня на нашем круглом столе разными широко известными в замятиноведении отечественными и зарубежными специалистами озвучены разные оценки энциклопедии, отмечены удаchi и поставлены вопросы, предполагающие продолжение анализа или просто пересмотр подходов. Мы все эти точки зрения сегодня слышали. Главное, почти все участники обсуждения единодушны в том, что нам предложена не «Замятинская энциклопедия», а «первый опыт написания энциклопедии». Пожалуй, наиболее точное определение предложено М.М. Голубковым — «опыт энциклопедического описания».

Сейчас остановлюсь на лично моих впечатлениях, может быть, и субъективных. Прежде всего, мне хочется попросить Татьяну Тимофеевну не обижаться на наши оценки: мы все в равной степени понимаем трудности в решении поставленной автором за-

дачи, тем более в форме того самого марш-броска, добровольного восхождения на плаху профессиональной сверхответственности. Изданная работа, обсуждению которой посвящаем специальное международное мероприятие, по затратах физических сил и профессиональных усилий автора бесспорно грандиозна. И думаю, что сама Татьяна Тимофеевна сильные и слабые стороны своего труда знает несколько не меньше нас всех, вместе взятых. И в то же время, такие издания, как энциклопедии, предполагающие путь к широкому читателю, адресованные ему, к тому же из разряда справочных, — изначально предполагают и их коллективное обсуждение, обсуждение еще на этапе до представления в печать.

Автор «Замятинской энциклопедии» в качестве своего структурно-содержательного ориентира (образца) избрала, как сообщила нам об этом в своем докладе «О работе над Замятинской энциклопедией» сама Татьяна Тимофеевна, «Лермонтовскую энциклопедию», созданную Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, однако, как уточнила она, избрала «в упрощенном виде». А «упрощение» обернулось потерей той существенной части справочного издания, в котором представлен общий портрет художника, то, что автор статьи И. Андроников назвал в «Лермонтовской энциклопедии» «Образом Лермонтова» [4]. И потому «Замятинская энциклопедия» по структуре своей больше приблизилась не столько к Лермонтовской, сколько к Шолоховской, написанной в другом академическом институте, Институте мировой литературы им. А.М. Горького, хотя и в ней тоже есть общий портрет писателя, написанный его сыном М.М. Шолоховым [62]. К сожалению, в «Замятинской энциклопедии» отсутствует не только общий портрет Замятина, но и бесспорно украшающий содержание Шолоховской энциклопедии специальный раздел «Алфавитный указатель персонажей произведений» писателя.

Уже сравнение текстов обращения авторов обоих справочных изданий, Замятинской энциклопедии и Шолоховской энциклопедии — «К читателю» — выявляет несходство, причем разительное, принципов их работы с материалом творческого наследия классиков русской литературы XX века. Несходство и по-

ставленных задач. Основной принцип составления Шолоховской энциклопедии – коллегиальные обсуждения и решения основных четко сформулированных целей и сопутствующих проблем. Именно коллектив Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН во главе с его директором член-корр. РАН Ф.Ф. Кузнецовым принимал решение о написании Словника Шолоховской энциклопедии, обсуждал и утверждал его. Для организации же творческого процесса была сформирована авторитетная Редакционная коллегия, она и определяла словарный состав издания, формировала авторский коллектив, который включил около 130 (!) известных специалистов-шолоховедов или именитых историков литературы шолоховского XX века.

Думаю, что недоступность Словника «Замятинской энциклопедии», если он имеется, для широкого круга специалистов, отсутствие сверочного импульса коллегиальности стали основной причиной тех недостатков издания, о которых здесь справедливо говорили выступавшие и которые стали следствием некоторой небрежности Татьяны Тимофеевны в цитировании своих коллег, как это получилось с «химической» концепцией в формулировке М. Голубкова («хамической» в неоднократной подаче Давыдовой), а иногда и в искажении известных фактов творческой биографии писателя или историко-культурных реалий, в неоговоренно субъективных оценках конкретных произведений Замятина или его литературных героев. «Замятинской энциклопедии» Т. Давыдовой, как представляется, не хватает того финального абзаца, которым завершается обращение «К читателю» авторов Шолоховской энциклопедии, а именно: «Редакционная коллегия и авторский коллектив ШЭ отдают себе отчет в том, что в издание не вошел ряд тем, заслуживающих представления и характеристики, поэтому мы просим ваши оценки, замечания и предложения направлять по адресу... (назван адрес ИМЛИ РАН. – Л. П.).

Это позволит, – говорится в заключение обращения коллектива ШЭ к своему читателю, – в ближайшие годы осуществить дополненное и исправленное издание “Шолоховской энциклопедии”» [62, с. 9]. И это напи-

сано в энциклопедическом издании, вышедшем спустя лишь один год после публикации известного шолоховеда, работавшего в этой отрасли литературоведения более шестидесяти лет, В.В. Петелина – «Михаил Александрович Шолохов. Энциклопедия» [63]. Будем считать, что и в обращении «К читателю» автора Замятинской энциклопедии, сохранившем структуру Шолоховской энциклопедии 2012 года, мы, пусть и невольно, прочитываем то же приглашение специалистов продолжить смелое, даже дерзкое начинание Давыдовой написать если не подлинную Замятинскую энциклопедию, отвечающую основным требованиям этого нелегкого действительно систематизированного научно-справочного жанра, то хотя бы выверенный в подаваемой информации и освобожденный от излишне субъективных трактовок отдельных замятинских произведений и особенно литературно-теоретических дефиниций энциклопедический справочник для широкого круга читателей.

Отсутствие специальной аналитической статьи о состоянии замятиноведения, написанной по аналогии с фундаментальным информационно-аналитическим обзором материала «Шолоховедение» в ШЭ [62, с. 1035-1059], значительно снижает общий уровень издания и мало способствует пониманию истории науки о Замятине с ее подчас трагическими метаморфозами на протяжении уже более столетия, с демонстрацией тех значительных перемен, которые произошли в последние три с лишним десятилетия прежде всего в отечественной науке о писателе. К тому же даже в малой степени заменить подобную концептуальную статью об истории и современном состоянии науки о Замятине никак не может материал под рубрикой «Основная литература о жизни и творчестве Е.И. Замятина», выстроенный по алфавитному принципу авторов работ о писателе без хоть какой-то хронологической и проблемно-тематической дифференциации. Причем вне этого списка «основной литературы» оказались уникальные работы последних лет: первое отдельное научное издание романа «Мы» [64, с. 2], ставшее открытием современной отечественной науки о писателе, так же, как и антология «Е.И. Замятин: pro et contra» и сборник «Е.И. Замятин: личность и творчест-

во писателя в оценках отечественных и зарубежных исследователей» [65; 66]. В списке научной литературы на иностранных языках не включены не только книга и другие работы Б. Кука [50; 52], но и новая научная биография Замятина, написанная одним из ведущих замятиноведов, не только английских, Дж. Куртис [67].

Энциклопедический бум последних двух десятилетий в российской литературоведческой персоналистике о русских писателях XX века (энциклопедии по творчеству В.В. Розанова, М.А. Булгакова, две энциклопедии М.А. Шолохова, готовящаяся Есенинская, другие аналогичные издания), бум, сопряженный не только с удачами, но и очевидными отступлениями от требований чрезвычайно ответственного специфического жанра или с поспешными конкретными сугубо профессиональными решениями, обязывает и специалистов-персоналистов более четко представлять портрет своего адресата (читателя) и более внимательно формулировать морфологию своих научно-справочных решений. Мы должны помнить, что энциклопедическая работа для читателя – это своего рода *документ*, предполагающий точность информации или приближенность к ней. Кое-что из этого последнего абзаца мое-

го резюме я связываю и с обсуждаемой сейчас «Замятинской энциклопедией» Т.Т. Давыдовой.

Уважаемые коллеги, благодарю всех за участие в заинтересованном обсуждении «“Замятинская энциклопедия” в зеркале дискуссии». Позвольте мне сформулировать **заключительный акцент дискуссии**: «Так или иначе, автором обсуждаемого сегодня на круглом столе объемного справочного издания проделана огромная работа. Написана и уже красуется на книжных полках хорошо изданное сочинение, как бы его ни называть: первая версия, первый опыт написания Замятинской энциклопедии, обзорно-справочный компендиум, литературоведческий или историко-литературный справочник, авторская энциклопедия, пробное издание, опыт энциклопедического описания... – и мы сердечно поздравляем нашу коллегу Татьяну Тимофеевну Давыдову с выходом этого труда. Теперь слово не только за другими специалистами, не участвовавшими в дискуссии, но и за читателями, кому адресована книга: высказанные новые оценки и конкретные пожелания станут реальным стимулом к подготовке второй, усовершенствованной и тщательно выверенной версии этого нужного справочного издания».

Список литературы

1. Давыдова Т.Т. Замятинская энциклопедия. М.: ФЛИНТА, 2018. 744 с.
2. Давыдова Т.Т. Об итогах изучения творческого наследия Е.И. Замятина и проекте Замятинской энциклопедии // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности: материалы Международного конгресса литературоведов. К 125-летию Е.И. Замятина. 5–8 октября 2009 г. / отв. ред. Л.В. Полякова. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 458–465.
3. Творческое наследие Е.И. Замятина в новых научных концепциях и гипотезах. К 135-летию со дня рождения писателя / науч. ред. и автор предисл. Л.В. Полякова; рецензенты Л. Геллер, С.П. Гудкова. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2019.
4. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1981. 784 с.
5. Умников С.Д. Краткая ахматовская энциклопедия: от А до Я. Л., 1991. 112 с.
6. Соколов Б.В. Булгаков. Энциклопедия. М., 1996. 586 с.
7. Соколов Б.В. Булгаков. Энциклопедия. 2-е изд. М.: Алгоритм, 2003. 608 с.
8. Гудкова В. Мнимости в литературоведении, или Бориса Соколова Энциклопедия (Б.С.Э.-96) // Знамя. 1997. № 10. С. 218–220.
9. Карум И.Л., Светлаева В.М., Земская Е.А. Письмо в редакцию // НЛЮ. 1997. № 25. С. 430–433.
10. Кошелев В. «Реальность жизни» и «Энциклопедия мифа» // НЛЮ. 2004. № 68. С. 331–337.
11. Соколов Б.В. О Булгакове, диссертациях и мифах: Ответ В. Гудковой // Знамя. 1998. № 3. С. 229–230.
12. Соколов Б.В. Письмо в редакцию // НЛЮ. 1997. № 27. С. 409–413.
13. Энциклопедии творчества А. Платонова. URL: <http://www.hrono.ru/proekty/platonov/> (дата обращения: 10.04.2019).

14. *Большаков Л.Н.* Оренбургская толстовская энциклопедия: Материалы. Поиски. Исследования. Хроника. Оренбург: ДиМур, 1997. 349 с.
15. *Большаков Л.Н.* Оренбургская шевченковская энциклопедия: Тюрьма. Солдатчина. Ссылка. Энциклопедия одиннадцати лет, 1847–1858. Оренбург: ДиМур, 1997. 511 с.
16. *Большаков Л.Н.* Оренбургская пушкинская энциклопедия: Путешествие–1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочки». Исследователи и интерпретаторы. Оренбург: ДиМур, 1997. 519 с.
17. *Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст. Материалы, исследования, документы, справки.* Межвузовский региональный проект / рук. проекта и науч. ред. Л.В. Полякова. Тамбов; Елец, 2004. 485 с.
18. *Творчество В.М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник: в 3 т.* Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2004–2007.
19. *Полякова Л.В.* Е.И. Замятин в контексте оценок истории русской литературы XX века как литературной эпохи. Парадигма онтологических ценностей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 110–119.
20. *Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы: в 14 кн. / под ред. проф. Л.В. Поляковой.* Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1997. Кн. VI. 174 с.
21. *Голубков М.М.* Русская литература XX в.: После раскола. М.: Аспект Пресс, 2002. 267 с.
22. *Geller L.* De la Science-fiction soviétique. Lausanne, 1979.
23. *Геллер Л.М.* Вселенная за пределом догмы: Размышления о советской фантастике. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. 447 с.
24. *Geller L., Niqueux M.* Histoire de l'utopie en Russie. P., 1995.
25. «Пищу Вам из России». Письма Е.И. Замятина М.А. Волошину / публ. Вл. Купченко // Подъем. 1988. № 5. С. 121–124.
26. *Замятин Е.И.* Избранные произведения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. 527 с.
27. *Замятин Е.И.* Избранные произведения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. 412 с.
28. *Лефевр Ф.* Один час с Замятым, кораблестроителем, прозаиком и драматургом // Я боюсь. Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / сост. и коммент. А.Ю. Галушкина; подгот. текста А.Ю. Галушкина, М.Ю. Любимовой; вступ. ст. В.А. Келдыша. М.: Наследие, 1999. С. 257–262.
29. *Баженова А.* Солнечные боги славян // Кайсаров А.С., Глинка Г.А., Рыбаков Б.А. Мифы древних славян. Велесова книга. Саратов: «Надежда», 1993. С. 3–17.
30. *Куртис Дж.* История издания романа «Мы», переводы и публикации // Евгений Замятин. «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа / сост., подгот. текста, публ., коммент. и статьи М.Ю. Любимовой и Дж. Куртис. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. С. 499–534.
31. *Nakano Y.* On the history of novel *We*, 1937–1952: Zamiatin's *We* and the Chekhov Publishing House // Canadian-American Studies. 2011. Vol. 45. P. 441–446.
32. *Smith G.S.* D.S. Mirsky: a Russian-English Life, 1890–1939. Oxford: OUP, 2000. 398 p.
33. *Mirsky D.S.* Contemporary Russian Literature 1881–1925. N. Y.: Alfred D. Knopf, Inc., 1926. P. 296–299.
34. *Струве Г.* «Приложение. Письмо Джорджа Орвелла к Г.П. Струве» и «Примечания Г.П. Струве» // Орвелл Д. Скотский хутор. Сказка. Посев, 1971. С. 117–120.
35. *Grimes W.* Ihor Sevcenko, Byzantine and Slavic Scholar, Dies at 87 // The New York Times. 2010. 5 January. URL: <https://www.nytimes.com/2010/01/05/world/europe/05sevcenko.html> (accessed: 06.04.2019).
36. *Струве Г.* Дневник читателя. О Чеховском издательстве вообще, «Лицах» Замятина в частности // Русская мысль. Париж, 1955. 12 авг.
37. *Heler L.* Universelle russité: Les Bas-fonds, ou Gorki revu par Zamiatine revu par Renoir // Studia Litterarum. 2018. Vol. 3. № 1. P. 196–211.
38. *Любимова М.Ю.* О законе художественной экономии, фабуле и новых концах... Е. Замятин – сценарист французского фильма «На дне» // Russian Studies. 1996. Т. 2. № 2. С. 375–387.
39. *Береснева Г.И.* От пьесы А.М. Горького «На дне» к киносценарию Е.И. Замятина // Филологические науки. 2017. № 10 (76). Ч. 1. С. 13–15.
40. *Merigeau P.* Jean Renoir. A Biography / transl. by B. Benderson. Brett Ratner for Ratpac Press, 2016.
41. *Михайлов О.* Гроссмейстер литературы // Замятин Е.И. Избранные произведения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 3–38.
42. *Алтабаева Е.В., Лебедева Е.А., Маясов В.Е., Фотинова Ю.Ю.* Замятинский текст как явление русской культуры и духовности / под ред. Е.В. Алтабаевой. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2011. 310 с.
43. *Шайтанов И.О.* Между эпосом и анекдотом // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 18–20.

44. Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1909–1910. 441 с.
45. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 3-е изд. / ред. Б.В. Томашевский. М.: Наука, 1962.
46. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / под ред. В.В. Виноградова. М.: АН СССР, 1956.
47. Cooke Brett. A typescript of *We* // Canadian-American Slavic Studies. 2011. Vol. 43. № 3–4. P. 410–422.
48. Richards D.J. Zamyatin. N. Y.: Hillary House, 1962.
49. Shane Alex M. The Life and Works of Evgenij Zamiatin. Berkeley: University of California Press, 1968. 302 p.
50. Cooke B. Secondary sources on Zamiatin's *We* // Canadian-American Slavic Studies. 2011. Vol. 43. № 3–4. P. 447–488.
51. Любимова М.Ю. Евгений Замятин – автор романа «Мы» // Евгений Замятин. «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа / сост., подгот. текста, публ., коммент. и статьи М.Ю. Любимовой и Дж. Куртис. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. С. 3–136.
52. Cooke B. Human Nature in Utopia: Zamyatin's *We*. Evanston: Northwestern University Press, 2002. 221 p.
53. Stefani S. The United State and the unified mind: social and moral utopia in Zamiatin's *We* and Plato's *Republic* // Canadian-American Slavic Studies. 2011. Vol. 45. № 3–4. P. 263–288.
54. Russell R. Zamiatin's *We*. L.: Bristol Classical Press, 2000.
55. Cooke B. Second thoughts on the end of utopia? Zamiatin's film scenario "D-503" // Canadian-American Slavic Studies. 2011. Vol. 45. № 3–4. P. 423–440.
56. Замятин Е. Мы // Евгений Замятин. «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа / сост., подгот. текста, публ., коммент. и статьи М.Ю. Любимовой и Дж. Куртис. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. С. 139–298.
57. Якубовский Г.В. Психологический неореализм Сергея Малашкина // Звезда. 1927. № 1. С. 147–161.
58. Полякова Л.В. Теоретические и методологические аспекты истории русской литературы XX–XXI веков. Тамбов, 2007. 385 с.
59. Евсеев В.Н. Художественная проза Е.И. Замятина: Творческий метод. Жанры. Стиль: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.
60. Давыдова Т.Т. Русский неореализм: идеология, поэтика, творческая эволюция (Е. Замятин, И. Шмелев, М. Пришвин, А. Платонов, М. Булгаков и др.). М.: Флинта: Наука, 2005. 336 с.
61. Хатямова М.А. Творчество Е.И. Замятина в контексте повествовательных стратегий первой трети XX века: создание авторского мифа. Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2006. 184 с.
62. Шолоховская энциклопедия / колл. авторов; гл. ред. Ю.А. Дворяшин; вступ. ст. М.М. Шолохов. М.: Изд. дом «Синергия», 2012. 1216 с. Изд. иллюстр.
63. Петелин В.В. Михаил Александрович Шолохов. Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2011. 960 с.
64. Евгений Замятин. «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа / сост., подгот. текста, публ., коммент. и статьи М.Ю. Любимовой и Дж. Куртис. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. 608 с.
65. Е.И. Замятин: pro et contra. Личность и творчество Евгения Замятина в оценке отечественных и зарубежных исследователей. Антология / сост. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой, вступ. ст. Е.Б. Скороспеловой; науч. ред. Т.Т. Давыдовой, Л.В. Поляковой. СПб.: НП «МОПО «Апостольский город – Невская перспектива», 2014. 974 с. («Русский Путь»).
66. Е.И. Замятин: Личность и творчество писателя в оценках отечественных и зарубежных исследователей. Сб. статей / сост. О.В. Богданова. СПб.: ПХГА, 2015. 484 с.
67. Curtis J. The Englishman from Lebedian. A Life of Evgeniy Zamiatin (1884–1837). Boston: Ars Rossica, 2013. 394 p.

References

1. Davydova T.T. *Zamyatinskaya entsiklopediya* [Zamyatin Encyclopedia]. Moscow, FLINTA Publ., 2018, 744 p. (In Russian).
2. Davydova T.T. Ob itogakh izucheniya tvorcheskogo naslediya E.I. Zamyatina i projekte Zamyatinskoy entsiklopedii [On results of study for creative heritage of E.I. Zamyatin and project of Zamyatin Encyclopedia]. In: Polyakova L.V. (executive ed.). *Materialy Mezhdunarodnogo kongressa literaturovedov. K 125-letiyu E.I. Zamyatina «Literaturovedeniye na sovremennom etape: Teoriya. Istoriya literatury. Tvorcheskiye individual'nosti»* [Proceedings of International Congress of Studies of Literature Researchers. To the 125th Anniversary of E.I. Zamyatin "Studies of Literature on the Modern Stage: Theory. History of Literature. Creative Personalities"]. Tambov, Publ. House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2009, pp. 458–465. (In Russian).

3. Polyakova L.V. (scientific ed. and foreword author). *Tvorcheskoye naslediyе E.I. Zamyatina v novykh nauchnykh kontseptsyakh i gipotezakh. K 135-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya* [Creative Heritage of E.I. Zamyatin in New Scientific Conceptions and Hypotheses. To the 135th Anniversary of the Writer's Birthday]. Tambov, Publ. House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2019. (In Russian).
4. Manuylov V.A. (ed.-in-chief). *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1981, 784 p. (In Russian).
5. Umnikov S.D. *Kratkaya akhmatovskaya entsiklopediya: ot A do Ya* [Brief Encyclopedia of Akhmatova: from A to Z]. Leningrad, 1991, 112 p. (In Russian).
6. Sokolov B.V. *Bulgakov. Entsiklopediya* [Bulgakov. Encyclopedia]. Moscow, 1996, 586 p. (In Russian).
7. Sokolov B.V. *Bulgakov. Entsiklopediya* [Bulgakov. Encyclopedia]. 2nd ed. Moscow, Algoritm Publ., 2003, 608 p. (In Russian).
8. Gudkova V. Mnimosti v literaturovedenii, ili Borisa Sokolova Entsiklopediya (B.S.E.-96) [Ostensibilities in studies of literature, or Encyclopedia of Boris Sokolov (B.S.E.-96)]. *Znamya* [Flag], 1997, no. 10, pp. 218-220. (In Russian).
9. Karum I.L., Svetlayeva V.M., Zemskaya E.A. Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editorial]. *Novoye literaturnoye obozreniye – Russian Studies in Literature*, 1997, no. 25, pp. 430-433. (In Russian).
10. Koshelev V. «Real'nost' zhizni» i «Entsiklopediya mifa» [“Reality of life” and “Encyclopedia of myth”]. *Novoye literaturnoye obozreniye – Russian Studies in Literature*, 2004, no. 68, pp. 331-337. (In Russian).
11. Sokolov B.V. O Bulgakove, dissertatsiyakh i mifakh: Otvet V. Gudkovoy [On Bulgakov, dissertations and myths: V. Gudkova's answer]. *Znamya* [Flag], 1998, no. 3, pp. 229-230. (In Russian).
12. Sokolov B.V. Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editorial]. *Novoye literaturnoye obozreniye – Russian Studies in Literature*, 1997, no. 27, pp. 409-413. (In Russian).
13. *Entsiklopedii tvorchestva A. Platonova* [Encyclopedia of creative works by A. Platonov]. (In Russian). Available at: <http://www.hrono.ru/proekty/platonov/> (accessed 10.04.2019).
14. Bolshakov L.N. *Orenburgskaya tolstovskaya entsiklopediya: Materialy. Poiski. Issledovaniya. Khronika* [Orenburg Tolstov Encyclopedia: Materials. Searches. Researches. Chronicles]. Orenburg, DiMur Publ., 1997, 349 p. (In Russian).
15. Bolshakov L.N. *Orenburgskaya shevchenkovskaya entsiklopediya: Tyur'ma. Soldatchina. Ssylka. Entsiklopediya odinnadtsati let, 1847–1858* [Orenburg Shevchenkovsky Encyclopedia: Prison. Soldierly. Exile. Encyclopedia for 11 Years, 1847–1858]. Orenburg, DiMur Publ., 1997, 511 p. (In Russian).
16. Bolshakov L.N. *Orenburgskaya pushkinskaya entsiklopediya: Puteshestviye–1833. Realii «Istorii Pugacheva». Prototipy «Kapitanskoy dochki». Issledovateli i interpretatory* [Orenburg Pushkin Encyclopedia: Travel–1833. Realities “Pugachev's Histories”. Prototypes of “The Captain's Daughter”. Researches and Interpreters]. Orenburg, DiMur Publ., 1997, 519 p. (In Russian).
17. Polyakova L.V. (project supervisor, scientific ed.). *Zamyatinskaya entsiklopediya. Lebedyanskiy kontekst. Materialy, issledovaniya, dokumenty, spravki. Mezhvuzovskiy regional'nyy proyekt* [Zamyatin Encyclopedia. Lebedyan Context. Materials, Researches, Documents and Information Statements. Interuniversity Regional Project]. Tambov, Yelets, 2004, 485 p. (In Russian).
18. Tvorchestvo V.M. Shukshina. *Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik: v 3 t.* [Creative Works of V.M. Shukshin. Encyclopedia Reference Dictionary: in 3 vols.]. Barnaul, Altay State University Publ., 2004–2007. (In Russian).
19. Polyakova L.V. E.I. Zamyatin v kontekste otsenok istorii russkoy literatury XX veka kak literaturnoy epokhi. Paradigma ontologicheskikh tsennostey [E.I. Zamyatin in the context of assesment of Russian literature history in 20th century as a literature epoch. Paradigm of othnological assesments]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Voronezh State University. Series: Humanities*, 2004, no. 2, pp. 110-119. (In Russian).
20. Polyakova L.V. (ed.). *Tvorcheskoye naslediyе Evgeniya Zamyatina: vzglyad iz segodnya: Nauchnyye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy: v 14 kn.* [Creative Heritage of Evgeniy Zamyatin: Look from Today: Scietific Reports, Articles, Essays, Notes, Thesis: in 14 bks.]. Tambov, Publ. House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 1997, bk. 6, 174 p. (In Russian).
21. Golubkov M.M. *Russkaya literatura XX v.: Posle raskola* [Russian Literature of 20th Century: After Split]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002, 267 p. (In Russian).
22. Geller L. *De la Science-fiction soviétique*. Lausanne, 1979. (In French).
23. Heller L.M. *Vselennaya za predelom dogmy: Razmyshleniya o sovetskoй fantastike* [Universe Beyond Doctrines: Reflection on Soviet Fantastic Fiction]. London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1985, 447 p. (In Russian).

24. Geller L., Niqueux M. *Histoire de l'utopie en Russie*. P., 1995. (In French).
25. Kupchenko V.I. (publ.). «Pishy Vam iz Rossii». Pis'ma E.I. Zamyatina M.A. Voloshinu ["Writing to You from Russia". Letters of E.I. Zamyatin to M.A. Voloshin]. *Pod'yem* [Rise], 1988, no. 5, pp. 121-124. (In Russian).
26. Zamyatin E.I. *Izbrannyye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 1, 527 p. (In Russian).
27. Zamyatin E.I. *Izbrannyye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 2, 412 p. (In Russian).
28. Lefevr F. Odin chas s Zamyatinym, korablestroitelem, prozaikom i dramaturgom [One hour with Zamyatin, shipbuilder, prosaist, dramatist]. *Ya boyus'*. *Literaturnaya kritika. Publitsistika. Vospominaniya* [I Am Afraid. Literature Critics. Publicistics. Memories]. Moscow, Naslediye Publ., 1999, pp. 257-262. (In Russian).
29. Bazhenova A. Solnechnyye bogi slavyan [Sun gods of Slavic people]. In: Kaysarov A.S., Glinka G.A., Rybakov B.A. *Mify drevnikh slavyan. Velesova kniga* [Myths of Ancient Slavic People. Book of Veles]. Saratov, "Nadezhda" Publ., 1993, pp. 3-17. (In Russian).
30. Curtis J. Istoriya izdaniya romana «My», perevody i publikatsii [History of publishing of the novel "We", translation and publications]. In: Lyubimova M.Y., Curtis J. (compiler, text preparation, publ., comments and articles). *Evgeniy Zamyatin. «My»: Tekst i materialy k tvorcheskoy istorii romana* [Evgeniy Zamyatin. "We": Text and Materials to the Creative History of the Novel]. St. Petersburg, Publ. House "Mir", 2011, pp. 499-534. (In Russian).
31. Nakano Y. On the history of novel We, 1937–1952: Zamyatin's We and the Chekhov Publishing House. *Canadian-American Studies*, 2011, vol. 45, pp. 441-446.
32. Smith G.S. *D.S. Mirsky: a Russian-English Life, 1890–1939*. Oxford: OUP, 2000, 398 p.
33. Mirsky D.S. *Contemporary Russian Literature 1881–1925*. New York, Alfred D. Knopf, Inc., 1926, pp. 296-299.
34. Struve G. «Prilozheniye. Pis'mo Dzhordzha Orvella k G.P. Struve» i «Primechaniya G.P. Struve» ["Application. Letter of George Orwell to G.P. Struve" and "Remarks by G.P. Struve"]. In: Orwell G. *Skotskiy khutor. Skazka* [Animal Farm. Fairytale]. Posev, 1971, pp. 117-120. (In Russian).
35. Grimes W. Ihor Sevcenko, Byzantine and Slavic Scholar, Dies at 87. *The New York Times*, 2010, 5 January. Available at: <https://www.nytimes.com/2010/01/05/world/europe/05sevcenko.html> (accessed 06.04.2019).
36. Struve G. Dnevnik chitatel'ya. O Chekhovskom izdatel'stve voobshche, «Litsakh» Zamyatina v chastnosti [Reader's diary. On Chekhov Publishing in general, Zamyatin's "Faces" in particular]. *Russkaya mysl'* [Russian Thought]. Paris, 1955, Aug. 12. (In Russian).
37. Heler L. Universelle russité: Les Bas-fonds, ou Gorki revu par Zamyatin revu par Renoir. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 196-211. (In French).
38. Lyubimova M.Y. O zakone khudozhestvennoy ekonomii, fabule i novykh kontsakh... E. Zamyatin – stsensar frantsuzskogo fil'ma «Na dne» [On the Law of Artistic Economy, Storyline and New Endings... E. Zamyatin – script writer of the French film "The Lower Depths"]. *Russian Studies*, 1996, vol. 2, no. 2, pp. 375-387. (In Russian).
39. Beresneva G.I. Ot p'yesy A.M. Gor'kogo «Na dne» k kinostsenariyu E.I. Zamyatina [From the A.M. Gorky's play "The Lower Depths" to the E.I. Zamyatin's screenplay]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2017, no. 10 (76), pt 1, pp. 13-15. (In Russian).
40. Merigeau P. *Jean Renoir. A Biography*. Brett Ratner for Ratpac Press, 2016.
41. Mikhaylov O. Grossmeyster literatury [Grandmaster of literature]. In: Zamyatin E.I. *Izbrannyye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 1, pp. 3-38. (In Russian).
42. Altabayeva E.V., Lebedeva E.A., Mayasov V.E., Fotinova Y.Y. *Zamyatinskiy tekst kak yavleniye russkoy kul'tury i dukhovnosti* [Zamyatin's Text as a Phenomena of Russian Culture and Spirituality]. Tambov, R.V. Pershin's Publ., 2011, 310 p. (In Russian).
43. Shaytanov I.O. Mezhdueposom i anekdotom [Between epic literature and anecdote]. *Literaturnoye obozreniye* [Literature Review], 1995, no. 1, pp. 18-20. (In Russian).
44. Modzalevskiy B.L. *Biblioteka A.S. Pushkina* [A.S. Pushkin's Library]. St. Petersburg, Typography of Emperor Academy of Sciences, 1909–1910, 441 p. (In Russian).
45. Pushkin A.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 t.* [Completed Works: in 10 vols.]. 3rd ed. Moscow, Nauka Publ., 1962. (In Russian).

46. Vinogradov V.V. (ed.). *Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of Pushkin's Language: in 4 vols.]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956. (In Russian).
47. Cooke B. A typescript of *We*. *Canadian-American Slavic Studies*, 2011, vol. 43, no. 3–4, pp. 410–422.
48. Richards D.J. *Zamyatin*. New York, Hillary House, 1962.
49. Shane A.M. *The Life and Works of Evgenij Zamiatin*. Berkeley, University of California Press, 1968, 302 p.
50. Cooke B. Secondary sources on Zamyatin's *We*. *Canadian-American Slavic Studies*, 2011, vol. 43, no. 3–4, pp. 447–488.
51. Lyubimova M.Y. Evgeniy Zamyatin – avtor romana «My» [Evgeniy Zamyatin – author of the novel “We”]. In: Lyubimova M.Y., Curtis J. (compiler, text preparation, publ., comments and articles). *Evgeniy Zamyatin. «My»: Tekst i materialy k tvorcheskoy istorii romana* [Evgeniy Zamyatin. “We”: Text and Materials to the Creative History of the Novel]. St. Petersburg, Publ. House “Mir”, 2011, pp. 3–136. (In Russian).
52. Cooke B. *Human Nature in Utopia: Zamyatin's We*. Evanston, Northwestern University Press, 2002, 221 p.
53. Stefani S. The United State and the unified mind: social and moral utopia in Zamyatin's *We* and Plato's Republic. *Canadian-American Slavic Studies*, 2011, vol. 45, no. 3–4, pp. 263–288.
54. Russell R. *Zamyatin's We*. London, Bristol Classical Press, 2000.
55. Cooke B. Second thoughts on the end of utopia? Zamyatin's film scenario “D-503”. *Canadian-American Slavic Studies*, 2011, vol. 45, no. 3–4, pp. 423–440.
56. Zamyatin E. *My [We]*. In: Lyubimova M.Y., Curtis J. (compiler, text preparation, publ., comments and articles). *Evgeniy Zamyatin. «My»: Tekst i materialy k tvorcheskoy istorii romana* [Evgeniy Zamyatin. “We”: Text and Materials to the Creative History of the Novel]. St. Petersburg, Publ. House “Mir”, 2011, pp. 139–298. (In Russian).
57. Yakubovskiy G.V. Psikhologicheskiy neorealizm Sergeya Malashkina [Psychological neorealism of S. Malashkin]. *Zvezda* [Star], 1927, no. 1, pp. 147–161. (In Russian).
58. Polyakova L.V. *Teoreticheskiye i metodologicheskiye aspekty istorii russkoy literatury XX–XXI vekov* [Theoretical and Methodical Aspects of the History of the Russian Literature of 20th–21st Centuries]. Tambov, 2007, 385 p. (In Russian).
59. Evseyev V.N. *Khudozhestvennaya proza E.I. Zamyatina: Tvorcheskiy metod. Zhanry. Stil': avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [E.I. Zamyatin's Fictional Prose: Creative Method. Genres. Style. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2001. (In Russian).
60. Davydova T.T. *Russkiy neorealizm: ideologiya, poetika, tvorcheskaya evolyutsiya (E. Zamyatin, I. Shmelev, M. Prishvin, A. Platonov, M. Bulgakov i dr.)* [Russian Neorealism: Ideology, Poetics, Creative Revolution (E. Zamyatin, I. Shmelev, M. Prishvin, A. Platonov, M. Bulgakov et al.)]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2005, 336 p. (In Russian).
61. Khatyamova M.A. *Tvorchestvo E.I. Zamyatina v kontekste povestvovatel'nykh strategiy pervoy trety XX veka: sozdaniye avtorskogo mifa* [E.I. Zamyatin's Creative Work in the Context of Narrative Strategies in the First Third of 20th Century: Author's Myth Creation]. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2006, 184 p. (In Russian).
62. Dvoryashin Y.A. (ed.-in-chief). *Sholokhovskaya entsiklopediya* [Sholokhov's Encyclopedia]. Moscow, “Sinerhiya” Publ. House, 2012, 1216 p. (In Russian).
63. Petelin V.V. *Mikhail Aleksandrovich Sholokhov. Entsiklopediya* [Mikhail Aleksandrovich Sholokhov. Encyclopedia]. Moscow, Algoritm Publ., 2011, 960 p. (In Russian).
64. Lyubimova M.Y., Curtis J. (compiler, text preparation, publ., comments and articles). *Evgeniy Zamyatin. «My»: Tekst i materialy k tvorcheskoy istorii romana* [Evgeniy Zamyatin. “We”: Text and Materials to the Creative History of the Novel]. St. Petersburg, Publ. House “Mir”, 2011, 608 p. (In Russian).
65. Bogdanova O.V., Lyubimova M.Y. (compilers). *E.I. Zamyatin: pro et contra. Lichnost' i tvorчество Evgeniya Zamyatina v otsenke otechestvennykh i zarubezhnykh issledovateley. Antologiya* [E.I. Zamyatin: Pro Et Contra. Personality and Creative Works of the Writer in the Opinions of National and Foreign Researchers]. St. Petersburg, Non-Profit Partnership Interregional Association of Project Organisations “Apostolskiy gorod – Nevskaya perspektiva” Publ., 2014, 974 p.
66. Bogdanova O.V. (compiler). *E.I. Zamyatin: Lichnost' i tvorчество pisatelya v otsenkakh otechestvennykh i zarubezhnykh issledovateley* [E.I. Zamyatin: Personality and Creative Works of the Writer in the Opinions of National and Foreign Researchers]. St. Petersburg, Russian Christian Academy Publ., 2015, 484 p. (In Russian).

-
67. Curtis J. *The Englishman from Lebedian. A Life of Evgeniy Zamiatin (1884–1837)*. Boston, Ars Rossica, 2013, 394 p. (In Russian).

Составитель материалов дискуссии – О.В. Толмачева, кандидат филологических наук.

Информация об авторах

Полякова Лариса Васильевна, доктор филологических наук, профессор, руководитель Международного научного центра изучения творческого наследия Е.И. Замятина. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: polarvas@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1556-7398>

Любимова Марина Юрьевна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Отдела рукописей. Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: lyubimova@nlr.ru

Осьмухина Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация. E-mail: osmukhina@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1456-4793>

Борода Елена Викторовна, доктор филологических наук, доцент кафедры профильной довузовской подготовки. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: lenavladim@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7790-699X>

Комлик Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор. Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Липецкая область, Российская Федерация. E-mail: nkomlik@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3686-3054>

Геллер Леонид Михайлович, доктор филологических наук, профессор, почетный профессор. Лозаннский университет, славянское отделение, г. Лозанна, Швейцарская Конфедерация. E-mail: leonidh@infonie.fr

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6996-7266>

Накано Юкио, доктор филологических наук, ассистентный профессор факультета глобальных и региональных исследований. Университет Досиса, г. Киото, Япония. E-mail: position07@lucky.odn.ne.jp

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4830-4658>

Олиандер Луиза Константиновна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой славянской филологии. Восточноевропейский национальный университет им. Леси Украинки, г. Луцк, Украина. E-mail: olk32@ukr.net

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8744-4568>

Information about the authors

Larisa V. Polyakova, Doctor of Philology, Professor, Head of International Scientific Center for the Study of the Creative Heritage of E.I. Zamyatin. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: polarvas@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1556-7398>

Marina Y. Lyubimova, Doctor of Culturology, Candidate of Art Studies, Leading Research Worker of Manuscript Department. Russian National Library, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: lyubimova@nlr.ru

Olga Y. Osmukhina, Doctor of Philology, Professor, Head of of Russian and Foreign Literature Department. National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation. E-mail: osmukhina@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1456-4793>

Elena V. Boroda, Doctor of Philology, Associate Professor of Specialized Pre-University Preparation Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: lenavladim@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7790-699X>

Nadezda N. Komlik, Doctor of Philology, Professor. Bunin Yelets State University, Yelets, Lipetsk Region, Russian Federation. E-mail: nkomlik@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3686-3054>

Leonid Heller, Doctor of Philology, Professor, Honored Professor, Slavic Department. University of Lausanne, Lausanne, Swiss Confederation. E-mail: leonidh@infonie.fr

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6996-7266>

Yukio Nakano, Doctor of Philology, Assistant Professor of Global and Regional Research Department. Doshisha University, Kyoto, Japan. E-mail: position07@lucky.odn.ne.jp

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4830-4658>

Louisa K. Oliander, Doctor of Philology, Professor, Head of Slavic Philology Department. Lesya Ukrainka Eastern European National University, Lutsk, Ukraine. E-mail: olk32@ukr.net

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8744-4568>

Алтабаева Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры связей с общественностью и речевой коммуникации. Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А.Тимирязева, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: evaltabayeva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6185-5801>

Голубков Михаил Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: m.golubkov@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9162-6006>

Шайтанов Игорь Олегович, доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-методического центра «Современных компаративных проблем». Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: voplit@mail.ru

Кук, Лейтон Бретт, доктор филологических наук, профессор, профессор русистики. Техасский университет A&M, г. Колледж Стейшен, Техас, Соединенные Штаты Америки. E-mail: brett-cooke@tamu.edu

Ванюков Александр Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы. Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация. E-mail: ai_vanyukov@mail.ru

Кольцова Наталья Зиновьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: koltsovaru@rambler.ru

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>

Червинская Ольга Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, теории литературы и славянской филологии. Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича, г. Черновцы, Украина. E-mail: o.chervinska@chnu.edu.ua

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9261-0604>

Elena V. Altabaeva, Doctor of Philology, Professor, Professor of Public Relations and Speech Communication Department. Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation. E-mail: evaltabayeva@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6185-5801>

Mikhail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of History of Recent Russian Literature and Contemporary Literary Process Department. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: m.golubkov@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9162-6006>

Igor O. Shaitanov, Doctor of Philology, Professor, Head of Scientific and Methodical Center “Modern Comparative Issues”. Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation; Leading Research Worker. The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: voplit@mail.ru

Brett Cooke, Leighton, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Studies. Texas A&M University, College Station, Texas, United States of America. E-mail: brett-cooke@tamu.edu

Aleksandr I. Vanyukov, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian and Foreign Literature Department. Saratov State University, Saratov, Russian Federation. E-mail: ai_vanyukov@mail.ru

Natalya Z. Koltsova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of History of Recent Russian Literature and Contemporary Literary Process Department. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: koltsovaru@rambler.ru

Vladimir V. Kolchanov, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9755-2378>

Olha V. Chervinska, Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Literature, Theory of Literature and Slavic Philology. Yurii Fedkovych Chernivtsi National University, Chernivtsi, Ukraine. E-mail: o.chervinska@chnu.edu.ua

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9261-0604>

Толмачева Оксана Васильевна, кандидат филологических наук, старший педагог дополнительного образования кафедры «русская филология». Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: oxvt@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0650-0175>

Гольдт Райнер, доктор филологических наук, профессор, профессор института славистики. Университет им. Иоанна Гутенберга, г. Майнц, Федеративная Республика Германия. E-mail: goldt@uni-mainz.de

Поступила в редакцию 30.05.2019 г.

Принята к публикации 17.06.2019 г.

Oksana V. Tolmacheva, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Continuous Education of “Russian Philology” Department. Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation. E-mail: oxvt@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0650-0175>

Rainer Goldt, Doctor of Philology, Professor, Professor of Slavic Studies Institute. Johannes Gutenberg University, Mainz, Federal Republic of Germany. E-mail: goldt@uni-mainz.de

Received 30 May 2019

Accepted for press 17 June 2019

